

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

4/2020

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2020**Ежеквартальное издание****№ 4**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакция

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории
и политике» при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceedl.com

© НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории
и политике» при ИвГУ, 2020

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2020

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2020

Quarterly

№ 4

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Edition

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of History,

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of History,

Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)

Editor-in-Chief of the “Russian almanac” **Zorislav Paunkovic**, Serbia (Belgrade)

Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of History,

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Scientific and Educational Center “Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics” of Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics”
of Ivanovo State University, 2020
© Ivanovo State University, 2020

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Board

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotaryov	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Оришев А. Б.* Иранская интеллигенция, национализм
и нацистская Германия 9

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Соловьев А. А.* Интеллигенты из крестьян Иван Гольшев
и Иван Сытин: книгоиздательская и просветительская
деятельность 26
- Федотова И. Н.* Научная элита в условиях становления
тоталитарного политического режима в СССР:
судьба профессора Н. Д. Кондратьева 38
- Зябликов А. В.* Люди искусства, образования и науки
в драматургии Виктора Розова 56

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Скрябина Е. В., Кулешова И. Н.* Понятие «интеллигенция»
глазами современной российской молодёжи:
социологическое исследование 72
- Смирнов Е. А., Воронов Ю. М.* Репродуктивные установки
и поведение интеллигенции региона (по материалам
социологического исследования в Ивановской области) 81

ДЕБЮТ

- Ильина А. А.* Письма христианского интеллектуала:
Алкуин и его эпистолярное наследие 96

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Будник Г. А.</i> Революция 1917 года и Гражданская война в воспоминаниях норвежского предпринимателя. Рец. на кн.: <i>Абрахамсен Э.</i> Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной, Е. С. Котловой, М. Бьеркинг. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016	108
Аннотации и материалы для цитирования	117
<i>Содержание журнала за 2020 год</i>	146
<i>Информация для авторов</i>	150

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Orishev A. B.* Iranian Intellectuals, Nationalism and Nazi
Germany 9

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Solovyev A. A.* Intellectual of peasant origin Ivan Golyshev
and Ivan Sytin: book publishing and educational activities 26
- Fedotova I. N.* Scientific Elite in the Conditions of the
Formation of the Totalitarian Political Regime in the USSR:
the Fate of Professor N. D. Kondratyev 38
- Zyablikov A. V.* People of arts, education and science in the dramatic
works of Victor Rosov 56

SOCIOLOGY OF THE INTELLIGENTSIA

- Skryabina E. V., Kuleshova I. N.* The concept of
«intelligentsia» through the eyes of modern Russian youth:
a sociological study 72
- Smirnov E. A., Voronov Yu. M.* Reproductive Attitudes
and Behaviour of Intelligentsia (Based on Sociological
Survey in the Ivanovo Region) 81

DEBUT

- Ilyina A. A.* Letters of the Christian intellectual: Alcuin and his
epistolary heritage 96

MAKING CONCLUSIONS

<i>Budnik G. A.</i> Revolution of 1917 and the Civil War in the memoirs of a Norwegian businessman. Review to: <i>Abrahamsen E.</i> From Seregov to Onega: Memories of the Norwegian forest business in Russia / trans. with Norv. E. I. Tevlin, V. V. Tevlina, E. S. Kotlova, M. Bjerking. Arhangelsk: North. (Arctic) Feder. Lomonosov state University, 2016	108
Annotations and materials for citing	132
<i>List of articles published in the journal in 2020</i>	146
<i>Information for authors</i>	150

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2020.4.1

А. Б. Оришев

ИРАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ

Введение

Иран — страна, являющаяся пристальным объектом внимания со стороны европейцев уже несколько столетий подряд. В индустриальную эпоху правители великих держав мечтали видеть его в составе своих империй. И если в XIX в. спор за влияние в Иране вели Россия и Британская империя, то в 30-е годы прошедшего столетия свои интересы на Среднем Востоке провозгласила нацистская Германия. Естественно, что Иран, как безусловный лидер этого региона, обладавший нефтью и другими видами стратегического сырья, имевший выгодное географическое положение, привлек к себе внимание Гитлера. Дело оставалось за немногим — найти точки соприкосновения с этой страной, предложить иранцам ориентиры развития, привлечь на свою сторону местную интеллигенцию и тем самым превратить Иран в своего главного союзника на всем мусульманском Востоке.

За последние годы в исторической литературе появилось немало публикаций, посвященных вопросам экономической экспансии нацистов в Иран, деятельности германской разведки в этой стране¹. Целый цикл работ посвящен событиям августа 1941 г., когда с целью ликвидации германского присутствия

© Оришев А. Б., 2020

Оришев Александр Борисович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева, Orishev71@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Russian State Agrar University — Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev).

в Иран были введены части Красной Армии и британские войска². Однако есть еще один вопрос, ответ на который предстоит дать: как СССР, Англия и Германия, вступившие в смертельную схватку на полях Второй мировой войны, пытались привлечь на свою сторону иранцев? Как они обрабатывали общественное мнение в этой стране? Как пытались привлечь на свою сторону интеллигенцию, ставшую наряду с национальной буржуазией достаточно влиятельной силой на Востоке? Какое место в этом процессе сыграл религиозный фактор? Ответы на эти вопросы имеют не только академическое значение, т. к. позволяют пролить свет на события, в настоящее время происходящие в Иране, на то, как современная иранская интеллигенция реагирует на внешние вызовы, как воспринимает ценности «демократии», «тоталитаризма», что есть «иранский национализм» и сочетается ли он с исламским фундаментализмом и т. д.

Цель и задачи

Цель статьи — определить точки соприкосновения национал-социализма в Германии и национализма в Иране, выявить основные направления сотрудничества нацистов и иранских националистов, определить основные результаты этого сотрудничества.

Методология

В процессе работы над статьей использовались следующие методы, выработанные современной наукой: системный, сравнительный, социально-психологический и структурно-функциональный.

Результаты исследования и их обсуждение

В 20-е годы XX в. Иран представлял собой жалкое зрелище. Страна делала первые шаги по избавлению от полукOLONиального статуса; экономика, здравоохранение, система образования, армия находились в удручающем состоянии. Тосклива была культурная жизнь иранской столицы. Нет театров, концертных залов, картинных галерей или выставок, никто не читает публичных лекций. Во всем Тегеране только пара кинотеатров с устаревшим оборудованием, в которых демонстрировались

американские, английские, немецкие фильмы, «разрешенные к показу цензурных комиссий, в которых главную роль играл мулла»³. Иранский народ всегда славился талантами, но эти таланты были буквально задавлены, приглушены нищенским уровнем жизни, бесправием, таились где-то под спудом, как и огромные богатства иранских недр. И теперь, после прихода к власти нового правителя — Реза-шаха Пехлеви в 1921 г. перед Ираном открылись обширные возможности, которые и предстояло реализовать.

Как известно, рупором национализма в странах Востока в первые десятилетия XX столетия, а Иран тому типичный пример, стала национальная интеллигенция, численный состав которой определить практически невозможно. С уверенностью можно лишь сказать о том, что образованных людей в те годы в стране было совсем немного. По свидетельству местных газет, по всему Ирану в тридцатые годы было всего 200 врачей, не считая дантистов. Крестьянство — около 80 % населения страны — почти поголовно было безграмотным. Среди городского населения грамотных насчитывалось не более половины. К тому же формировавшийся слой национальной интеллигенции был неоднороден. Это местные врачи, учителя, технари-интеллигенты и лица, получившие более или менее достойное образование на Западе или у себя на родине, смутно представлявшие себе будущее своей страны. На кого-то впечатление произвели события в России, когда рухнула 300-летняя монархия и к власти пришли большевики, провозгласившие начало новой эры. Кто-то был связан с англичанами и что-то слышал о ценностях «демократии» и «свободного мира».

Особую категорию представляли журналисты — сотрудники иранских газет. Власти относились к ним с мало скрываемым презрением, не считая журналистику серьезным занятием. Журналисты это чувствовали и были вынуждены мириться с унижительным положением, когда все публикации подвергались жесткой цензуре. При этом подавляющее большинство работников прессы являлись убежденными националистами, очень недовольными отношением западных стран к Ирану. А Запад для большинства из них ассоциировался прежде всего с Англией и Францией и только потом с Германией. Среди всех иранских

изданий особое место отводилось газете «Иран», которая имела монопольное право на очень доходные обязательные объявления судебно-нотариального и административного характера. Роль официоза играла «Эттелаат» («Известия»), редактор-издатель которой Масуди, помещая в газете разнообразную информацию и административную хронику, добился наибольшего из иранских газет тиража. «Иран» и «Эттелаат» имели большой редакционный аппарат и их дела шли хорошо, а Масуди вскоре организовал издание газеты на французском языке — «La journal de Teheran». На французском также выходила одна из полос газеты «Сетаре-е Джехан» («Звезда мира»).

Органом международной информации служила «Messenger de Teheran» — газета для дипломатического и консульского корпуса столицы. В ней печаталась только информация: английская, полученная из агентства Рейтер, французская, поступавшая от агентства Гавас, немецкая — от агентства Вольф и отчеты о приемах и файф-о-клоках в иностранных дипломатических представительствах в Тегеране. По тому, чьих публикаций больше, можно было судить о внешнеполитическом курсе иранского правительства. Заметим, что «Messenger de Teheran» не публиковала материалов на русском языке. Информация об СССР поступала иранским подданным через газету «Московское радио», выходившую сразу на трех языках — французском, русском и персидском, и ее тираж почти вдвое превосходил тираж «Messenger de Teheran».

Тон местных газет задавал сам Реза-шах Пехлеви. Он, как человек военный, «метания» местной интеллигенции по поводу путей развития Ирана не разделял. Для него все было просто и понятно: страна нуждается в модернизации, иранцам не пристало играть роль марионеток в руках могущественных соседей, а для этого в Иране нужно установить жесткий авторитарный порядок, в котором интеллигенции отводилась роль рупора правящего режима. Создавать политические партии в Иране запрещалось, а коммунистическая партия, которая могла бы стать мощным инструментом для советского влияния, находилась в глубоком подполье. Как результат, идеи классовой борьбы, в отличие от идей национализма, так и не стали популярными в Иране⁴. Только спустя десятилетия требования социальной

справедливости были подняты на щит, но не в рамках марксизма, а в лозунгах исламских фундаменталистов, умело использовавших декларируемую эгалитаристскую сущность ислама.

В меджлисе (مجلس)⁵ довоенного Ирана институализировались только проправительственные силы, объединившиеся во «Фракцию прогресса». Многие тогдашние депутаты на словах утверждали, что Иран — «страна подлинного демократизма», что министров шах назначает только из числа депутатов меджлиса, что «Фракция прогресса» не только номинально существует, но и реально функционирует не хуже политической фракции любого европейского парламента. На самом деле все это было псевдодемократической бутафорией.

По установке, данной Реза-шахом, иранская пресса внушала населению, что Иран — избранная Аллахом и судьбой страна и что наивысшую степень счастья вкушают именно иранцы. Газеты — кто за страх, кто за совесть — служили Реза-шаху, яростно пропагандируя идею иранского национализма. Такая, скажем прямо, неоднозначная почва сложилась для проникновения разного рода идей из-за рубежа. И если англичане не очень стремились к идеологическому доминированию в Иране, полагаясь на прослойку из местных англофилов, то СССР и Германия вступили в ожесточенную схватку за умы иранцев. Англичане же свято верили в могущество «золотого тельца». Не надеясь особо на людей идейных, они придерживались тактики подкупа, следуя которой в нужный момент полагается организовать щедрые раздачи с вручением подарков местным лидерам мнений, и любой вопрос будет решен. Заметим, что этот подход к странам Востока имеет право на существование. Практически все крупные иранские политики получали субсидии от европейских государств, что легко объясняло их внешнеполитическую ориентацию. На иностранном довольствии состояли многие депутаты меджлиса, члены правительства, даже сам Реза-шах не пренебрегал крупными суммами, которые иногда получал от англичан. Поэтому не будем лицемерить и, забегая вперед, скажем прямо и честно: тот факт, что в октябре 1941 г. в соседнем Афганистане Лоя Джирга⁶ приняла решение поддержать решение своего правительства по удалению из страны немцев и итальянцев, объясняется массовым подкупом ее участников англичанами⁷.

Однако вернемся в середину 1930-х годов. Как уже говорилось, коммунисты в Иране в то время были вне закона. Это объяснялось тем, что шах, как любой монарх, испытывал вполне понятное чувство самосохранения при появлении коммунистической угрозы. В 1933 г. по его приказу был арестован и казнен известный иранский государственный деятель, окончивший в свое время Николаевскую академию Генерального штаба, министр двора Абдольхусейн Теймурташ, которому инкриминировали сотрудничество с ОГПУ. Таким образом, с середины 1930-х годов инициативу в советско-нацистском противоборстве прочно захватили нацисты, развернувшие мощную идеологическую экспансию в Иран. Ситуация складывалась так, что популярность идей иранского национализма и господство нацистской идеологии в Германии могли стать основой для союза двух государств. Только если иранский национализм претендовал на лидерство в регионе Ближнего и Среднего Востока, то претензии нацистов были несоизмеримо шире — планы мирового господства. Рано или поздно эти идеи должны были вступить в противоборство, но на начальном этапе они создали немало точек для соприкосновения двух недемократических режимов: авторитарного Реза-шаха Пехлеви и тоталитарного Адольфа Гитлера.

Первая тема, которая могла стать фундаментом сотрудничества — это идея «арийского братства». Деление народов на высшие и низшие и обоснование права на власть высшей нордической расы стало краеугольным камнем нацизма. На высшую ступень немцы поставили, естественно, себя. А с остальной иерархией было сложнее. Руководствуясь политическими соображениями, в Берлине на верхние места расовой пирамиды поставили своих главных союзников по «оси» — итальянцев и японцев, хотя даже внешний облик тех и других мало соответствовал представлениям о «белокурой бестии». Определенный реверанс был сделан и в отношении персов: признав их «арийцами», нацисты стали муслимизировать тезис об «арийском братстве арийцев Севера и нации Зороастры». Так называемые «Нюрнбергские» расовые законы, вводящие ограничения для неарийских народов, на иранцев не распространялись. На этот счет германское правительство издало специальный декрет. Однако должного эффекта он не произвел, и большого энтузиазма такая

позиция Берлина в Тегеране не вызвала. Скорее напротив, среди местной интеллигенции появились настроения, согласно которым истинными арийцами могут быть только иранцы, а немцы всего лишь узурпировали это право. Иными словами, позицию иранской интеллигенции можно выразить так: «какое право они, т. е. немцы, имеют на то, чтобы именовать себя арийцами, если доподлинно известно, что истинные арийцы проживают только в Иране?» Газета «Иран», например, писала, что Иран — это единственная страна, в которой сохранилась арийская раса, и только Иран может считаться «очагом возрождения этой расы»⁸.

Обращает на себя внимание еще один факт — в 1934 г. в Тегеране было принято решение о переименовании государства: все иностранные дипломатические представительства уведомялись о том, что Персия отныне именуется Иран, т. е. «Агуанат» — страна ариев». В литературе, в том числе и в некоторых ранних работах автора, бытует мнение, что это было сделано с подачи германской дипломатической миссии⁹. Однако с позиции сегодняшнего дня следует заключить, что переименование было вызвано не столько попыткой сближения с Германией, сколько внутренними причинами: желанием Реза-шаха поднять национальный дух соотечественников, прежде всего местной интеллигенции и военных. Правитель Ирана активно насаждал в стране культ «персов-ариев», что должно было стать идеологическим обоснованием проводимой им модернизации.

Внешнее единение двух систем проявлялось и в использовании известного символа — свастики. Однако если в Германии свастика стала прочно ассоциироваться с нацизмом и ранее была практически неизвестна, то для Ирана использование этого знака имело давнюю историю, уходящую вглубь веков. И тем не менее этот факт германская пропаганда пыталась использовать в своих целях, лишней раз подчеркивая «общность интересов Германии и Ирана»¹⁰.

Вторая тема, муссируя которую германский фашизм пытался закрепиться в Иране, это ислам. Значение данного фактора объяснялось тем, что Иран является центром шиизма в мире — одного из направлений мусульманской религии. Однако здесь надо было учитывать настроения тогдашнего иранского монарха. Известно, что политика Реза-шаха в целом

была направлена против духовенства и его национализм не имел ничего общего с исламом. Идеологи нацизма, напротив, пытались использовать исламский фактор в своих целях, неоднократно заявляя, что Германия ведет войну за свободу угнетенных мусульман Востока. Тот факт, что Германия никогда не имела мусульманских колоний, также умело обыгрывался нацистской пропагандой.

Отсюда и пропагандистские трюки: якобы Гитлер родился с зеленой каймой вокруг пояса, т. е. с явным признаком мусульманской святости. На базарах — местах, где традиционно собирались иранцы и активно обсуждали все последние новости, немецкие пропагандисты распускали слухи, что Гитлер и есть тот самый двенадцатый имам — Махди и приход его к власти обозначали как дату пришествия¹¹. Была выдвинута идея, что Гитлер имеет иранское происхождение, т. е. он лур по национальности, о чем говорит окончание его фамилии Гит (лер) или Гит (лур)¹². Более того, был пущен слух о принятии фюрером ислама и нового имени — Гейдар¹³. Поэтому неслучайно, что в торговых рядах в Тегеране обычным делом можно было увидеть плакаты со словами: «На небесах Аллах — твой господин. На Земле — это Адольф Гитлер».

Немецкая пропаганда пыталась противопоставить отношение немцев к исламу с советской атеистической политикой. Иранцев пугали советской угрозой, тем, что большевики не признают Бога, преследуют не только священников, но и рядовых верующих. Все мечети в республиках советского Закавказья закрыты и переоборудованы под склады и магазины. Правоверных здесь всячески унижают, запрещено не только молиться, но и произносить слово «Аллах». Советская власть порушила все исламские семейные ценности, с женщин насильственно сняли чадру, заставив посещать публичные места.

Заметим, что инсинуации о Германии как защитнице мусульман направлялись в адрес рядовых иранцев, в своей массе малограмотных, на иранскую интеллигенцию они не рассчитывались. Собственно, среди образованной иранской молодежи той поры и офицерства — тех самых слоев, которые представляли социальную базу национализма, идеи клерикалов были непопулярны. Восстановление былого величия своей страны они рассматривали не на почве ислама, и никаких посылов поднимать

религиозное знамя у них не было. В лице Гитлера они видели не столько заступника мусульманского Востока, сколько сильную личность, обладающую волей, способную быстро и эффективно решать вопросы внутривосточной и внешнеполитической жизни. Поэтому германофильство в этих кругах было признаком хорошего тона, а ориентация на Германию рассматривалась как проявление патриотизма.

Понимая важность привлечения на свою сторону иранской интеллигенции, нацисты стали формировать из ее рядов «группы влияния», делая ставку на те или иные персоналии. Выразилось это в присуждении ученых степеней и званий отдельным представителям интеллигенции. Степень доктора наук была присуждена Гейдельбергским университетом историку Абдулле Фатеми — сыну губернатора Гиляна¹⁴. Заметим, что этот старейший вуз Германии «отличился» тем, что первым из крупнейших учебных заведений страны приветствовал нацизм и его сотрудники приняли активное участие в ритуальном сожжении книг на Университетской площади в 1933 г. В Берлинском университете степень доктора наук по истории была присуждена иранцу Абдоллаху Малекпуру. Красной нитью в обеих диссертациях проводилась мысль о взаимовыгодном сотрудничестве Германии и Ирана. Соискатели с упоением рассказывали о налаженных поставках немецкого оборудования, о том, как качественно работают немецкие инженеры, как день ото дня меняется иранская действительность. Здесь же приводилась мысль о необходимости дистанцирования от Англии и СССР и сближения с Третьим рейхом¹⁵. Наряду с историками, в 1930-е годы в германских вузах по общественным наукам защитили свои диссертации С. Парвизи, Х. Пирнахад, Х. Рамазани и другие иранцы¹⁶. Делая реверанс в сторону иранской интеллигенции в августе 1935 г. на Берлинском международном конгрессе по уголовному праву по представлению Прусской академии наук, председателя иранской делегации Матина избрали ее почетным членом¹⁷.

Для воздействия на интеллигенцию Ирана германские пропагандисты использовали и другие каналы. При каждом удобном случае в Берлине пытались подчеркнуть уважение к иранской культуре. В 1934 г. в Германии были проведены торжества, приуроченные к тысячелетию со дня рождения национального

поэта Ирана Абулькасима Фирдоуси. В этом же году германский посланник в Тегеране В. фон Блюхер в торжественной обстановке вручил представителям иранского правительства несколько книг поэта, в том числе «словарь-конкорданс» к поэме «Шахнаме», выполненный немецким ученым Фрицом Вольфом¹⁸. Внимание к иранскому классику было обусловлено тем, что в его лице нацисты видели предтечу иранского национализма, т. е. родственную в идеологическом плане фигуру.

Немало усилий было предпринято для того, чтобы привлечь иранцев к немецкой, в том числе к пропагандистской литературе. В августе 1939 г. из германской дипломатической миссии в Национальную библиотеку Ирана поступил щедрый подарок: ее фонды пополнили 7500 книг из Германии. В результате каждая четвертая книга, которая числилась на балансе библиотеки, имела немецкое происхождение. Этот дар был широко разрекламирован нацистами. Один из ведущих идеологов нацизма, автор книги «Миф двадцатого столетия» и начальник внешнеполитического отдела НСДАП (NSDAP) Альфред Розенберг организовал торжественное собрание, на которое пригласил видных деятелей науки и искусства, а также иранских студентов, обучавшихся в Германии¹⁹. К этому времени вышел первый персидско-немецкий словарь, содержащий 25000 слов²⁰.

Некоторое влияние немцев сказалось и на архитектурном искусстве в Иране. В годы правления Реза-шаха Пехлеви в стране шла мощная реконструкция облика многих городов, в первую очередь Тегерана. Насаждался тяжеловесный, при этом помпезный стиль, своим монументализмом напоминавший архитектурные изыски в нацистской Германии.

Подчеркнем, что, несмотря на некоторые послабления для немцев, общая атмосфера для внешней пропаганды в Иране была далека от благоприятной. Иностранные клубы здесь могли существовать только по разрешению властей, председатели правлений клубов в обязательном порядке регистрировались в министерстве иностранных дел. Даже бытовые контакты с иностранцами во времена режима Реза-шаха Пехлеви воспринимались как потенциальная измена государственным интересам. И если иранца замечали в излишних контактах с представителями других держав, то его мог ждать привод в полицию. К тому же

особых чувств к иностранцам местное население в те годы не питало. Скорее напротив, их явно недолюбливали. Если кто и симпатизировал иностранцам, то это владельцы магазинов на центральной торговой улице Тегерана Лалезар за то, что те покупали товары, не торгуясь. Более того, крайне не приветствовались беседы на политические темы с незнакомыми людьми. Существовало негласное правило: хочешь избавиться от назойливого собеседника — начни разговор о политике.

Затрагивая тему нацистской пропаганды в Иране, ответим на вопрос: а каково было отношение самого Реза-шаха к нацизму? Не секрет, что советские историки на протяжении нескольких десятилетий рисовали его убежденным сторонником гитлеровцев. Однако насколько справедливы эти обвинения? Архивные источники и другие материалы, характеризующие тогдашние иранские реалии, говорят о том, что Реза-шах не был германофилом в привычном понимании этого слова, и тем более его нельзя назвать приверженцем Гитлера. Он воспринимал Германию как силу, которая в географическом плане была достаточно далеко и не могла представлять собой непосредственной угрозы для национальной безопасности страны. К тому же экономическое сотрудничество с Берлином приносило Ирану известную пользу: немцы обеспечили иранскую промышленность современным оборудованием, германские инженеры на совесть работали на многочисленных объектах Ирана.

Иными словами, отношение к Германии со стороны Реза-шаха было отношением типичного восточного прагматика, для которого Третий рейх являлся так называемой «третьей силой»²¹, с помощью которой он помышлял провести модернизацию в стране. И некоторый либерализм к германской пропаганде и созданию в Иране образа процветающей Германии был для него разумным компромиссом. Однако при первой же угрозе собственным интересам деятельность прогерманских сил решительно пресекалась. 23 февраля 1940 г. к смертной казни был приговорен Мохсен Джахансуз — лидер одной из профашистских группировок иранской молодежи. Ему и еще нескольким интеллигентам инкриминировалась подготовка антимонархического заговора. 26 июня 1940 г. был отправлен в отставку, а затем арестован премьер-министр М. Дафтари, о прогерманских

симпатиях которого хорошо было известно. Правда, через несколько дней Реза-шах проявил снисхождение к своему приближенному, выпустив того на свободу и разрешив преподавать в Тегеранском университете.

Все изменилось в августе 1941 г., когда в страну были введены войска союзников по Антигитлеровской коалиции. С одной стороны, официально прогерманская пропаганда была ликвидирована, а с другой — материальные трудности, неизбежные в годы войны, послужили благоприятной почвой для распространения чувств симпатий к Третьему рейху. Иран фактически был оккупирован, что вызывало недовольство у многих иранцев. Это недовольство усилилось в результате экономических трудностей: роста цен, безработицы. И сам факт присутствия в стране иностранных войск создавал почву для активности прогерманских сил. Уже во время обсуждения англо-советско-иранского договора от 29 января 1942 г. в меджлисе сложилась группировка противников его подписания, вошедшая в историю как «Хезби Кабут» («Голубая партия»). Возглавил эту группировку депутат Хабибулла Новбахт — автор перевода «Майн кампф» (Mein Kampf) на персидский язык. Свое название группировка получила из-за того, что во время ратификации союзного договора в урну опускались бюллетени голубого цвета, означавшие голосование против²². Свою деятельность «Хезби Кабут» продолжала до осени 1943 г., используя парламентскую трибуну для произнесения речей против Англии и СССР. Фактически все эти годы в иранском парламенте официально действовала прогерманская фракция, предпринимавшая энергичные усилия по срыву участия Ирана в Антигитлеровской коалиции. Основу этой группировки составляли местные интеллигенты, которые ради достижения собственных целей частенько выходили за рамки парламентского слова. На совести членов «Хезби Кабут» нападение на активного сторонника союзников тогдашнего премьер-министра Ф. Форуги, когда тот получил несколько ударов камнем по голове и вскоре был вынужден прекратить политическую деятельность. Имели место случаи применения огнестрельного оружия в здании меджлиса. Угроза убийством не раз звучала в адрес министра иностранных дел Али Сохейли²³.

Националистически настроенные иранские интеллигенты приняли участие в деятельности прогерманской националистической организации «Меллиуне Иран» («Националисты Ирана»), создателем и организатором которой выступил офицер СД (Службы безопасности рейхсфюрера) Франц Майер²⁴. Он смог избежать интернирования в августе 1941 г. и, оказавшись в подполье, стал энергично плести сети по созданию мощного антисоюзнического движения, что ему и удалось за довольно короткий срок. Одним из его сподвижников стал видный религиозный и политический деятель шейх сеид Абдул Касем Кашани, которому Ф. Майер предложил войти в состав руководящего комитета организации. Гимном «Меллиуне Иран» стала песня «Борьба за свободу Ирана», а эмблемой — «Вольфсангель» — («Волчий капкан»), знак, напоминающий свастику. Форменная одежда вооруженных отрядов движения выглядела так: сапоги, черные бриджи, голубая рубашка²⁵.

Кроме «Меллиуне Иран» и «Хезби Кабут» в Иране функционировали и другие националистические организации: «Миханпарастан» («Патриоты»), «Иран Бидар» («Национальная партия»), «Сиян Пушан» («Чернорубашечники»)²⁶. Известный иранист Ю. Л. Кузнец называет 20 подобных организаций, действовавших в годы войны в Иране²⁷. Одну из группировок возглавляла женщина — немка по национальности, фигурирующая в архивных материалах под агентурным псевдонимом «Кател». Избежав интернирования в августе 1941 г., она вскоре приняла иранское подданство. В Казвине «Кател» взяла на себя руководство тайной организацией, состоявшей из торговцев и местных докторов. Власти Казвина на действия этой группы закрывали глаза²⁸.

Деятельность прогерманских группировок и отдельных персоналий осуществлялась по нескольким направлениям. Прежде всего, это саботаж английской и советской администраций любых действий, связанных с осуществлением Ираном своих функций по Антигитлеровской коалиции. Чаще всего объектом для саботажа выступала Трансиранская железная дорога, по которой по ленд-лизу доставлялась военная техника в СССР.

Созданные при попустительстве иранских властей прогерманские организации имели похожую структуру, социальную базу в лице интеллигенции и военных и по политической

направленности практически не отличались друг от друга. Их объединяло неприятие политики правительства, направленной на выполнение условий англо-советско-иранского договора. Вместе с тем было бы опрометчиво всех участников этих организаций или просто сочувствующих им объявить германскими агентами. Проявим в этом вопросе солидарность с Ю. Л. Кузнецом, который идентифицировал членов данных организаций как «фанатичных сторонников “третьей силы”, которую в их представлении олицетворяла Германия»²⁹. В сложившейся ситуации у них была одна цель — добиться удаления из страны иностранных войск. И в такой ситуации Германия — враг Англии и СССР — выглядела в их глазах естественным союзником. К тому же среди националистов имелось немало амбициозных людей, мечтавших оставить след в истории и видевших себя спасителями Ирана. Немало было и тех, кто хотел просто заработать. Однако удовлетворить материальные интересы оказалось непросто: лидер прогерманского подполья Франц Майер не обладал необходимыми средствами и платить своим агентам был не в состоянии. Другое дело, что помощь ему могла оказаться инвестициями в будущее, но для этого следовало дожидаться окончательной победы Германии.

На совести иранских националистов организация многочисленных жалоб по поводу присутствия в стране иностранных войск: якобы аморальное поведение красноармейцев, солдат и офицеров Британской армии. Ноты протеста регулярно поступали в посольство СССР в Тегеране: советские военнослужащие разобрали ледник, порубили ценные деревья, устроили дебош и т. д.

Архивные документы содержат многочисленные свидетельства нападений на мелкие советские гарнизоны и на отдельных командиров и бойцов Красной Армии. Учитывая, что устоявшаяся в отечественной историографии традиция требовала представлять советско-иранские отношения как союзнические, эти данные до сих пор не предаются огласке.

Тот факт, что деятельность прогерманских группировок получила столь широкий размах, отчасти объясняется несогласованностью Англии и СССР, отношения между которыми порой были далеки от союзнических. Характерно, что если английская сторона являлась сторонником жестких мер, не раз

предлагая советским партнерам акции по организации массовых арестов прогерманского подполья, то позиция СССР была более лояльна. В Москве надеялись на эволюцию части иранской интеллигенции, питая надежду переориентировать иранских националистов на сотрудничество. Определенный резон в этом был: националисты рассматривали Англию как своего главного врага. По мнению Москвы, массовые аресты только бы обострили и так непростую ситуацию в Иране и привели бы к росту сторонников Германии. Позиция Кремля изменилась накануне Тегеранской конференции, когда прибытие «Большой тройки» в иранскую столицу предполагало основательную зачистку всех нежелательных элементов. И массовые аресты были проведены. Как результат, прогерманское подполье разгромлено, а националистические организации ликвидированы.

Выводы

Основой для сотрудничества иранских националистов и нацистов в довоенный период стала вера в то, что Германия способна вывести Иран на передовые рубежи, идеологическим обоснованием здесь явилось «арийское братство». Уже после того, как в Иран в августе 1941 г. были введены английские и советские войска, германофильство части иранской интеллигенции можно трактовать как выражение протестной позиции против присутствия иностранных армий. Никаких живительных ориентиров нацистская Германия в этот период дать не могла, а поражения вермахта под Сталинградом, на Курской дуге и под Эль-Аламейном и объявление Ираном войны Германии окончательно раскрыли глаза иранским националистам, разуверившимся в мощи и непобедимости германского оружия. Организация Тегеранской конференции и предшествующие ей массовые аресты подвели черту под деятельностью прогерманского подполья: иранский национализм в организационном и идеологическом плане прекратил свое существование в тех формах, в которых он предстал миру в 30-е годы. Таким образом, нацизм дал толчок для роста национального сознания в Иране, но и сам сошел с политической арены, предоставив иранскому национализму возможности для самостоятельного развития.

Примечания

- ¹ *Johnston-White Iain*. Nazi Secret Warfare in occupied Persia (Iran): the failure of the German intelligence services, 1939—1945 // *Intelligence and National Security*. 2018. Vol. 33, iss. 2. P. 303—304.
- ² *Osin V. M.* Military Mission of the Red Army in Iran (1941—1946). In the Documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation // *Herald of an Archivist*. 2015. Iss. 2. P. 27—42; *Orishev A. B., Mamedov A. A., Tarasenko V. N., Grigoriev S. L., Aleksandrov A. V.* Red army in Iran: Unknown «occupation» // *Revista San Gregorio*. 2020. Iss. 37. P. 75—82; *Мамедова Н. М.* Иран: успешная операция Красной Армии в 1941 г. // *Вторая мировая война и восток: монография*. М., 2019. С. 174—184.
- ³ *Пальгунов Н. Г.* Тридцать лет. Воспоминания журналиста и дипломата. М., 1964. С. 63.
- ⁴ *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1958. Seattle, 1959. P. 186—187; *Zare K., Saeedinia H.* Exploring and Explaining the Economic political relations between Iran and Soviet Union in the Second Pahlavi era emphasizing the system theory // *Revista Genero & Direito*. 2020. Vol. 9, iss. 2. P. 840; *Mossaki N., Ravandi-Fadai L.* A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940-s to the 1960-s // *Iranian Studies*. 2018. Vol. 51, iss. 3. P. 427.
- ⁵ Меджлис — иранский парламент.
- ⁶ Лоя Джирга (Большая джирга) — Великое собрание племенных вождей и других знатных афганцев, созываемое для решения наиболее важных государственных вопросов.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 071. 1941. Оп. 23. П. 196. Д. 6. Л. 158.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 94. 1937. Оп. 21а. П. 122. Д. 2. Л. 211—212.
- ⁹ *Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. М., 2009. С. 72.
- ¹⁰ *Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране (Веймарская республика, третий рейх). М., 1969. С. 67—68.
- ¹¹ *Sayre J.* Persian Gulf Command. Some Marvels on the Road to Kazvin. New York, 1945. P. 59.
- ¹² *Орлов Е. А.* Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975. С. 198.
- ¹³ *Гельбрас Г.* Крах фашистской авантюры в Иране // *Исторический журнал*. 1942. № 3—4. С. 64.
- ¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 4. Д. 349. Л. 2.
- ¹⁵ *Malekpur A.* Die Wirtschaftsverfassung Irans. Berlin, б.и., 1935. S. 43—46.
- ¹⁶ *Tehrani A.* Iran. Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag, 1943. S. 94.

- ¹⁷ *Востров А.* Некоторые материалы о проникновении германского фашизма в Иран // *Материалы по национально-колониальным проблемам.* 1936. № 34. С. 239.
- ¹⁸ АВП РФ. Ф. 94. 1935. Оп. 19. П. 48. Д. 26. Л. 153.
- ¹⁹ АВП РФ. Ф. 94. 1939. Оп. 23а. П. 124. Д. 4. Л. 14.
- ²⁰ [*Тарбийат Г. А.*] Фарханг-е Тарбийат. Фарси-алманихавимотаджаваз аз бист-о пяндж хазар логат. Та алиф Гулам Али Тарбийат. На перс. яз. Тегеран, 1937.
- ²¹ Под первой и второй «силами» в таком контексте следует понимать Британскую империю и Советский Союз.
- ²² Архив службы внешней разведки России (АСВРР). Д. 28211. Т. 1. Л. 130; Arfa H. *Under Five Shahs.* New York. 1965. P. 310.
- ²³ АВПРФ. Ф. 06. 1942. Оп. 4. П. 17. Д. 180. Л. 16.
- ²⁴ *O'Sullivan Adrian.* Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). *The Success of the Allied Secret Services, 1941—1945.* London. 2015. P. 10, 16.
- ²⁵ *Костромин Л. П.* Противоборство с фашистской агентурой в Иране // *Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М., 1999.* Т. 4: Советская разведка в годы Великой Отечественной войны. С. 331.
- ²⁶ *Цкитишвили К. В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Тбилиси. 1969. С. 116.
- ²⁷ *Кузнец Ю. Л.* «Длинный прыжок» — в никуда: Как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М., 1996. С. 90, 105, 106.
- ²⁸ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 209. Оп. 1063. Д. 158. Л. 48.
- ²⁹ *Кузнец Ю. Л.* Указ. соч. С. 80.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: 10.46725/IW.2020.4.2

А. А. Соловьев

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ИЗ КРЕСТЬЯН ИВАН ГОЛЫШЕВ И ИВАН СЫТИН: КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Введение

Модернизация российской действительности во второй половине XIX века проявилась среди прочего в постепенной ликвидации замкнутости села, в медленном проникновении туда городской культуры. Однако сословный характер общества накладывал свой отпечаток на распространение чтения. Продолжал существовать разрыв между дворянством и остальными сословиями. Втянутое в процессы преобразований дворянство интенсивно усваивало западную культуру (в том числе и книжную, как один из ее элементов). В результате к концу XVIII — началу XIX века чтение стало обязательным компонентом дворянского образа жизни. Среди представителей других сословий (купечества, мещанства, крестьянства) также встречались активные читатели, но уровень грамотности этих сословий в целом был невысок, и к чтению в этой среде относились не всегда одобрительно.

© Соловьев А. А., 2020

Соловьев Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, aleksey.s37@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of General Education Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev).

Поэтому до середины XIX века выходцы из крестьянского сословия, занимавшиеся распространением печатного слова и привлечением провинциального населения к чтению, были скорее исключением. Реформы 1860—1870 гг., открывшие путь капиталистическому развитию Российской империи, порождали у всё большего числа людей потребность в чтении. Так в пореформенной России появились крестьяне среди книгоиздателей, а также владельцев книготорговых заведений. Крестьянский офенский промысел вообще стал по-своему уникальным явлением для России. Книгоношество превратилось в одну из доходных статей коробейника-офени, по сути познакомившего российскую деревню с книгопечатной продукцией¹.

Предприимчивые крестьяне, занявшиеся распространением книг, отчетливо понимали, что изменение прежних социальных отношений после отмены крепостного права ведет к разрушению старой картины мира, к стремлению найти новые мировоззренческие основы своего существования. Данная тенденция, безусловно, стимулировала обращение к печатному слову.

Цель данной работы — показать вклад в развитие отечественной книжной культуры двух наиболее ярких представителей книгоиздательского дела Верхнего Поволжья: И. А. Гольшева и И. Д. Сытина (выходцев из крестьянского сословия, уроженцев Владимирской и Костромской губерний соответственно).

На страницах научной печати уже неоднократно говорилось о вкладе научной², земской и учительской³ интеллигенции Ярославской, Костромской и Владимирской губерний в развитие книжно-библиотечного дела Верхнего Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв. Вопросы книгоиздательской и книготорговой деятельности местной интеллигенции освещены в гораздо меньшей степени.

«Интеллигенция — это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство, распространение и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, обладающая особыми психологическими, нравственно-этическими чертами»⁴, — данное определение в свое время было сформулировано в НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. И. А. Гольшев и И. Д. Сытин, о которых пойдет речь в этой статье, как нельзя лучше соответствуют данному определению.

Сельский книгоиздатель Иван Александрович Гольшев

Ивана Александровича Гольшева (1836—1896) можно по праву отнести к одному из последних представителей так называемой «крепостной интеллигенции» во Владимирской губернии. Понятие «крепостная интеллигенция» впервые появилось в отечественной историографии в 1880-е гг.⁵ Под «крепостными интеллигентами» понимали крестьян, занимавшихся какой-либо творческой деятельностью. В случае с И. А. Гольшевым — это было рисование.

Крестьянский род Гольшевых являлся одним из старинных во Владимирской губернии. Он упоминался ещё в XVII веке. В 1844 г. в слободе Мстёра Александр Кузьмич Гольшев (крепостной крестьянин графа Панина) занялся книжной и картинной торговлей. Его сын Иван Александрович Гольшев продолжил начинание своего отца. Иван Гольшев обучался грамоте в сельском приходском училище. С молодых лет он пристрастился к рисованию. В результате отец (бурмистр большой Мстёрской волости) определил его в Московское Строгановское училище живописи, однако аттестат об его окончании Иван Александрович так и не получил, т. к. продолжал оставаться в крепостной зависимости, а граф Панин никого на волю не отпускал. В Москве И. А. Гольшев заинтересовался литографией, а в 1858 г., будучи еще крепостным, основал в слободе Мстёра первую сельскую типолитографию Владимирской губернии⁶.

Мстёра являлась одним из центров офенского промысла в губернии. Здесь офени-книгоноши оптом и в розницу покупали лубочные народные книги и картины. Владимирский статистический комитет о деятельности И. А. Гольшева свидетельствовал следующее: «Он ведет книжную торговлю добросовестно, по умеренным ценам и со строгим выбором изданий, преимущественно нравственного и назидательного содержания, полезного для обучения юношества»⁷. Также И. А. Гольшев неоднократно издавал иллюстрированные басни И. А. Крылова, стихотворения А. С. Пушкина, романсы А. В. Кольцова.

В 1862 г. И. А. Гольшев был избран в члены комитета грамотности при Императорском вольном экономическом обществе,

по поручению которого он собирал сведения о книжной и картинной торговле в Вязниковском уезде, известном офенском крае. С того же 1862 г. Иван Александрович в качестве корреспондента «Владимирских губернских ведомостей» опубликовал серию статей просветительского содержания. Будучи членом Московского археологического общества и общества любителей духовного просвещения, И. А. Гольшев продолжал активно сотрудничать с Владимирским губернским статистическим комитетом. Его труды заметили. В результате в 1871 г. ему было пожаловано звание личного почетного гражданина⁸.

Иван Александрович за свою жизнь подготовил и издал 10 альбомов, включавших в себя около 300 листов с рисунками церковных древностей и памятников русской старины: синодиков, лубочных картинок, резьбы по дереву и т. п. Отзывы о его альбомах, изданных в Мстёре, были весьма лестными. «Они могут встать в один ряд с произведениями лучших литографических заведений, и делают величайшую честь сельскому заведению, основанному крестьянином-самоучкой»⁹, — говорилось в одном из отчетов Императорского Русского археологического общества.

Безусловно, деятельность И. А. Гольшева способствовала развитию знаний о Владимирском крае. Он неоднократно награждался золотыми и серебряными медалями за свои научные изыскания. Так, в 1886 г. Императорская публичная библиотека избрала его своим почетным корреспондентом «за неусыпные труды в области археологии, истории, этнографии и статистики Владимирского края»¹⁰.

Занимаясь книжной торговлей, И. А. Гольшев заботился о качестве реализуемой книгопечатной продукции, неоднократно изымая из обращения грубые издания народной литературы. Он вел переписку с Н. А. Некрасовым об издании и реализации его произведений. Будучи в 1875—1878 гг. земским гласным, Иван Александрович ходатайствовал об облегчении правил торговли для офеней-книгонош. Все окрестные и даже некоторые отдаленные от Мстёры школы приобретали у И. А. Гольшева учебные пособия. Например, Мстёрские мужское и женское училища получили от Ивана Александровича безвозмездные пожертвования в виде книг и учебников. За деятельность на ниве народного образования и просвещения И. А. Гольшев в 1874 г. был награжден золотой медалью¹¹.

Иван Александрович внес свою лепту и в развитие библиотечного дела в Мстёре. В апреле 1862 г. он открыл в слободе воскресную рисовальную школу, а при ней учредил бесплатную читальню, чтобы «доставлять жителям правильное понятие и способы в рисовании... и образование через влияние библиотеки»¹². Разместилось новое просветительное заведение в свободной комнате волостного правления.

В 1864 г. в библиотеке насчитывалось 280 книг и выписывалось 6 периодических изданий: «Мирской вестник», «Сын Отечества», «Оса», «Русские ведомости», «Воскресный досуг» и «Владимирские губернские ведомости». И. А. Голышев отмечал, что благодаря читальне «многие получают духовную пищу из книг духовно-нравственного и исторического содержания, а из журналов — правильные сведения по разным отраслям знаний»¹³.

Из-за недостатка средств И. А. Голышев в 1864 г. передал библиотеку в ведение Богоявленского православного братства, делопроизводителем которого он состоял. В результате, благодаря дополнительным денежным поступлениям, в 1865 г. скромный до этого библиотечный фонд (менее 300 книг) увеличился до 560 томов¹⁴.

Владимирское братство Святого Благоверного князя Александра Невского избрало И. А. Голышева своим пожизненным почетным членом «за просвещенное сочувствие деятельности братства и за неоднократные пожертвования книг в библиотеку братства, а также за ценные пожертвования сочинений по археологии и предметов древности в древлехранилище братства»¹⁵. В 1894 г. заведующий библиотекой и древлехранилищем братства В. Георгиевский прислал И. А. Голышеву поздравление следующего содержания: «Приветствую Вас в день полувекового юбилея плодотворной деятельности Вашей книжной и картинной фирмы, распространившей среди простого русского народа многие миллионы книг, брошюр и картин на пользу народного просвещения. Дай Бог Вам сил еще потрудиться на благо народа многие, многие годы... Позвольте мне заключить свои искренние и сердечные пожелания словами поэта:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ»¹⁶.

К сожалению, после этого юбилея И. А. Гольшев прожил всего два года. Талантливого издателя и известного просветителя не стало в 1896 г. Однако память о нем сохранилась до наших дней, особенно среди жителей Мстёры.

Крупнейший книгоиздатель России Иван Дмитриевич Сытин

Крупнейшим книгоиздателем дореволюционной России был Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — выходец из крестьянского сословия, уроженец села Гнездиково Солигаличского уезда Костромской губернии. По счастливому стечению обстоятельств и, безусловно, благодаря незаурядным предпринимательским способностям, малограмотный крестьянин И. Д. Сытин (он имел три класса образования сельской школы) превратился во владельца огромной книгоиздательской «империи».

В 1866 г. Иван Сытин в возрасте 15 лет был определен в московскую книжную лавку известного в те времена издателя лубочной литературы П. Н. Шарапова¹⁷. Так он «окунулся» в книжный мир Москвы. Писатель Н. Телешов очень точно заметил: «Призванный “отворять дверь” в книжную лавку Сытин впоследствии действительно во всю ширь распахнул двери к книге — так распахнул, что через отворенную им дверь он вскоре засыпал печатными листами города и деревни, и самые глухие “медвежьих углы” России, куда понесли офени, коробейники — бродячая сытинская армия — копеечные брошюры “Посредника” с произведениями крупнейших писателей во главе с Л. Н. Толстым, за которым следовали Лесков, Гаршин, Короленко, с рисунками выдающихся художников, как, например, Репина»¹⁸.

Через десять лет жизни в Москве в 1876 г. И. Д. Сытин женился на купеческой дочери Е. И. Соколовой. На деньги, полученные в качестве приданого, а также занятые у своего бывшего хозяина П. Н. Шарапова, Иван Дмитриевич купил литографию для печатания лубочных картинок. Став известным книгоиздателем, И. Д. Сытин часто вспоминал, как на первой своей выставке лубочных картинок, несмотря на то, что его лубки были признаны образцовыми, ему, как представителю крестьянского сословия, присудили только бронзовую медаль. Иван Дмитриевич

писал по этому поводу: «Я помню, что тогда меня это очень обидело... Хотя впоследствии, когда я был уже купцом, мне присудили на выставках в России и за границей больше двадцати медалей (и по преимуществу золотых и больших золотых), первая, бронзовая, “крестьянская” медаль долго сидела в моей памяти, была для меня дороже всех золотых»¹⁹. Выпуск лубочных картин И. Д. Сытин увеличивал ежегодно. «Каждый год мы продавали свыше 50 миллионов картин, и по мере развития в народе грамотности и вкуса содержание картин улучшалось.... В продажу они шли по две и по четыре копейки штука.... Школьные стены, как и мужицкие избы, были увешаны нашими произведениями.... Продажа картин очень заметно отразилась и на сбыте книг. Картина тянула книгу, а книга — картину»²⁰.

Сытинские лубочные картины значительно отличались от подобных произведений, издаваемых в других литографиях. Они обращали на себя внимание оформлением, а самое главное — содержанием. Среди лубков сытинского производства значительное место занимали сборные листы, посвященные творчеству А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова и других классиков. Много внимания Иван Дмитриевич уделял лубочным картинкам на тему отечественной истории. Выпустил он и серию портретов русских писателей. Сатирические, бытовые сюжеты и песни также были широко представлены в его лубочной продукции.

В 1883 г. И. Д. Сытин открыл первую книжную лавку в Москве, а через год — уже книжный магазин. Тогда же он стал сотрудничать с Л. Н. Толстым. Иван Дмитриевич начал выпускать дешевые народные книги для издательства «Посредник». И. Д. Сытин вспоминал: «Л. Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок. Любил он ходить ко мне в лавку, особенно осенью, когда начинался “слет грачей”, как мы называли офеней...»²¹. Благодаря книгам издательства «Посредник», И. Д. Сытин лично познакомился не только с Л. Толстым, но и с В. Короленко, Н. Лесковым, В. Гаршиным, сблизившись тем самым с московской творческой интеллигенцией.

В 1884 г. вышел в свет первый сытинский народный календарь. И. Д. Сытин понимал, что к календарям в высших слоях российского общества и в среде интеллигенции относятся в основном

пренебрежительно, повторяя слова Фамусова: «всё врут календари...». В то же время ему было очевидно, что для подавляющего числа малограмотного крестьянского населения в конце XIX века народные календари являлись, по сути, единственным источником знаний. По ним учились, в них искали советы на каждый день. В результате И. Д. Сытин довел ежегодный тираж подобных календарей до 6 млн. штук. Он вспоминал: «Приступая к делу, я поставил самому себе три требования: очень дешево, очень изящно, очень доступно по содержанию.... Я смотрел на календарь как на универсальную справочную книгу, как на домашнюю энциклопедию на все случаи жизни.... Я имел в виду читателя массового, для которого календарь часто является его первой и последней книгой и который в календаре ищет ответа на все запросы пробуждающегося ума»²².

В результате И. Д. Сытин стал выпускать не только так называемый «Всеобщий календарь», но и «Общенародный», «Старообрядческий», «Малый всеобщий», «Современный», «Общепольный», «Дамский», «Охотничий», «Ученический», «Учительский», «Народный сельскохозяйственный» и т. п. Всего в начале XX века издавался 21 тип сытинских календарей²³.

И. Д. Сытин внес огромный вклад в издательство и распространение детской литературы. Развитие школьной земской сети, повышение грамотности в деревне в пореформенной России вызвали значительный спрос на качественную, но в то же время дешевую и доступную детскую книгу. Товарищество И. Д. Сытина начало с издания сказок, небольших детских рассказов и повестей. Были выпущены сказки А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Г. Х. Андерсена, С. Лагерлеф, братьев Гримм, Р. Киплинга и т. д. В адаптированном для детей варианте издавались и научно-популярные сочинения. При этом большое внимание уделялось оформлению книг, чтобы сама их обложка производила сильное впечатление на ребенка. Для совершенствования иллюстраций детских книг при сытинской типографии была создана специальная школа для рисования под руководством известного художника-передвижника Н. А. Касаткина. И. Д. Сытин также инициировал издание «Детской энциклопедии», которая имела огромный успех у детей и юношества²⁴.

Безусловно, И. Д. Сытин совершил своеобразную «ценовую революцию» при выпуске учебной литературы для детей, сделав ее стоимость минимальной для простого народа. Иван Дмитриевич справедливо сокрушался: «До чего у нас доходит цена на учебники! Книга так дорога, что создала свою цену огромным налогом на учение. В средней школе... учебники обходятся рублем 15—20. Разве это можно терпеть? Издание книги стоит 15—20 копеек, а продают ее 1 рубль — 1 рубль 25 копеек. Кого это ударяет по карману? Полуголодного темного крестьянина да “кухаркина сына”»²⁵. Дешевые сытинские учебники и учебные пособия были очень популярны в начальных школах. Например, его «Букварь» переиздавался в течение 30 лет. С 1895 г. Сытин начал реализовывать еще один просветительский проект — издание «Библиотеки самообразования», в которую вошли сочинения по истории, экономике, естествознанию, философии²⁶.

Детские журналы («Пчелка», «Друг детей», «Мирок»), издаваемые И. Д. Сытиным, не пользовались такой популярностью, как книги. Иван Дмитриевич это объяснял так: «...Периодичность журнала не соответствовала детскому возрасту. Психология ребенка требует, чтобы сказка, повесть или рассказ, однажды начатые, были сейчас же доведены до конца. Но прочитать начало повести в январе, середину в феврале, а конец в марте — это непосильно ни для детской памяти, ни для детского воображения»²⁷.

Совсем другая ситуация сложилась с предназначенным прежде всего для юношества журналом «Вокруг света», который с 1890-х гг. издавал И. Д. Сытин. Количество подписчиков журнала к началу Первой мировой войны составило 42 тыс. человек, т. е. увеличилось почти в 10 раз по сравнению с 1891 г. Безусловно, огромная популярность данного периодического издания была связана, прежде всего, с приложениями журнала. Благодаря этим приложениям простой российский читатель познакомился с произведениями Н. Гоголя, В. Жуковского, М. Загоскина, Л. Толстого, Ж. Верна, М. Рида, Ф. Купера, В. Скотта, К. Дойля, Э. По, Г. Уэллса, Д. Лондона, В. Гюго, Р. Киплинга, Д. Джерома и многих других²⁸.

Таким же популярным стало еще одно периодическое издание, выпускаемое И. Д. Сытиным, — иллюстрированный познавательный журнал «Нива». Иван Дмитриевич признавался:

«Я купил “Ниву” ... и всех этим удивил. А знал ли кто, зачем? Мне было нужно это издательство, чтобы сделать одну вещь... Россия должна была стать народной нивой; через “Ниву” я хотел начать обновление школ, создать конкурсы специальных программ и образцовые хрестоматии, поставленное правильно начальное чтение...»²⁹.

Об Иване Дмитриевиче очень точно сказал Н. Телешов: «Выйдя из деревенской глуши, из народных глубин, Сытин хорошо знал по самому себе, что такое потемки, в которых векует народ, и напрягал все усилия и все свое внимание на приобщение деревни и народных масс к печатному слову»³⁰.

Завершая разговор о деятельности И. Д. Сытина, приведем его собственные слова: «К каким результатам привела моя многолетняя борьба за книгу, не мне судить... Но эту борьбу за книгу я вел до конца. Мечта моя — чтобы народ имел доступную по цене, понятную, здоровую, полезную книгу. Чтобы книга стала лучшим другом крестьянина и стала близка ему»³¹.

Заключение

Во второй половине XIX — начале XX века в области просвещения населения Российской империи и его приобщения к чтению было сделано немало. Представители книгоиздательского дела, о которых шла речь на страницах данной работы, изо дня в день по мере своих сил и возможностей предпринимали всё от них зависевшее, чтобы книга, газета, журнал стали ближе к среднестатистическому горожанину и сельскому жителю. Они стремились, чтобы как можно больше простых городских и деревенских обывателей отдавали предпочтение общению с печатным словом, а не праздному времяпрепровождению (часто со злоупотреблением алкоголем).

На наш взгляд, и крупнейшие книгоиздатели, к которым, безусловно, относился И. Д. Сытин, и владельцы небольших книготорговых заведений и типолитографий, и разносчики лубочной книги (офени) — все они по мере сил в конце XIX — начале XX века создавали основу для превращения чтения в социальную норму, внося заметный вклад в просвещение «читателей из народа». Благодаря их усилиям книга постепенно превращалась в атрибут

повседневной жизни простого провинциального жителя России, так как без интересного и понятного материала для чтения невозможно было обеспечить распространение грамотности и продолжать планомерный процесс просвещения простого народа.

Для большинства людей из непривилегированных сословий с элементарным начальным образованием уровень грамотности напрямую зависел от того, продолжали ли они читать после того, как покинули школу. Следовательно, опыт дореволюционной России свидетельствовал о ведущей роли печатного слова в распространении грамотности в стране с кратким и далеко необязательным образованием. Чтобы крестьянин или рабочий продолжал читать после окончания начальной школы, во-первых, нужен был понятный и интересный для них материал для чтения, а во-вторых, создание механизма для распространения книгопечатной продукции. Не последнее место в этом принадлежало интеллигентам — выходцам из крестьянского сословия, таким как И. А. Гольшев и И. Д. Сытин, занимавшимся книготорговлей и книгоизданием, и как нельзя лучше представлявшим запросы «низового» читателя.

Примечания

- ¹ *Соловьев А. А.* Из истории книгоношества в России (На примере Владимирской губернии) // Библиотекосведение. 2013. № 5. С. 94—103.
- ² *Соловьев А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 21—31.
- ³ *Соловьев А. А.* Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 9—21.
- ⁴ *Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // Интеллигенция и мир. 2004. № 1—2. С. 26.
- ⁵ *Леткова Е.* Крепостная интеллигенция // Отечественные записки. 1883. № 11. С. 163—164.
- ⁶ Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. (Материалы для биобиблиографического словаря) / А. В. Смирнов. Вып. 2. Владимир, 1897. С. 66—67.

- ⁷ Пятидесятилетие книжного и картинного производства фирмы И. А. Гольшева в слободе Мстёра Вязниковского уезда Владимирской губернии // Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1895. С. 80.
- ⁸ Уроженцы и деятели Владимирской губернии... С. 75, 80, 85—86.
- ⁹ Там же. С. 97.
- ¹⁰ Двадцатипятилетний юбилей учено-литературной и художественной деятельности Ивана Александровича Гольшева. Владимир, 1887. С. 12.
- ¹¹ Пятидесятилетие книжного и картинного производства фирмы И. А. Гольшева... С. 81—82.
- ¹² Владимирские губернские ведомости. 1862. № 21. Неофициальная часть.
- ¹³ *Гольшев И. А.* О действиях воскресной рисовальной школы и библиотеки для чтения в слободе Мстёре Владимирской губернии в 1863—1864 гг. // Владимирские губернские ведомости. 1864. № 21. С. 111—112. Неофициальная часть.
- ¹⁴ Извлечение из отчета о действиях Богоявленского православного братства в слободе Мстёре Вязниковского уезда Владимирской губернии за первый год его существования с 14 октября 1864 г. по 14 октября 1865 г. // Владимирские губернские ведомости. 1865. № 23. С. 1323. Неофициальная часть.
- ¹⁵ Владимирские епархиальные ведомости. 1893. № 23. Неофициальная часть.
- ¹⁶ Пятидесятилетие книжного и картинного производства фирмы И. А. Гольшева... С. 99.
- ¹⁷ *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1962. С. 214.
- ¹⁸ *Телешов Н.* Записки писателя. М., 1958. С. 188.
- ¹⁹ *Сытин И. Д.* Указ. соч. С. 43.
- ²⁰ Там же. С. 43—44.
- ²¹ Там же. С. 65.
- ²² Там же. С. 68.
- ²³ История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М., 2001. С. 224.
- ²⁴ *Сытин И. Д.* Указ. соч. С. 77—81.
- ²⁵ *Алтаев А.* Памятные встречи. М.; Л., 1946. С. 295.
- ²⁶ *Сытин И. Д.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁷ Там же. С. 82.
- ²⁸ Там же. С. 82—83.
- ²⁹ *Алтаев А.* Указ. соч. С. 295.
- ³⁰ *Телешов Н.* Указ. соч. С. 195.
- ³¹ *Сытин И. Д.* Указ. соч. С. 132.

И. Н. Федотова

**НАУЧНАЯ ЭЛИТА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СССР:
СУДЬБА ПРОФЕССОРА Н. Д. КОНДРАТЬЕВА**

Введение

Яркая, насыщенная событиями жизнь Николая Дмитриевича Кондратьева (1892—1938), одного из выдающихся российских экономистов XX столетия, представляет несомненный исследовательский интерес для историков в силу того, что в ней получили наглядное отражение все важнейшие политические и социокультурные процессы, происходившие на его Родине начиная с первой русской революции и вплоть до 1930-х гг., ознаменованных формированием тоталитарного сталинского режима. Н. Д. Кондратьев вошел в отечественную историю не только как талантливый ученый, но и как политический и государственный деятель. Происходя из бедной крестьянской семьи, путь к университетскому образованию и науке он прокладывал исключительно собственными усилиями. При этом Николай Дмитриевич, как и большинство представителей интеллигенции его поколения, не мог оставаться в стороне от общественно-политической жизни.

С 1905 г. он принимал активное участие в деятельности партии эсеров, за что неоднократно подвергался аресту. В 1917 г. 25-летний Кондратьев стал секретарем главы Временного правительства А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства, работал

© Федотова И. Н., 2020

Федотова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, полковник внутренней службы, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, inf2306@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Colonel of Internal Service, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia).

в Лиге аграрных реформ, Главном земельном комитете, был избран товарищем председателя Общероссийского продовольственного комитета, а незадолго до Октябрьских событий назначен товарищем министра продовольствия¹.

Приход к власти большевиков Кондратьев воспринимал как узурпацию, открывающую путь к гражданской войне, и связывал свои надежды на стабилизацию положения в стране с созывом Всероссийского Учредительного собрания, депутатом которого он был избран по списку партии социалистов-революционеров. Однако вскоре после разгона Учредительного собрания Николай Дмитриевич решил отойти от политики, вышел из состава эсеровской партии и полностью посвятил себя науке. С 1918 г. он начал преподавать в Московском Кооперативном институте и Петровской (в дальнейшем — Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, а спустя всего два года не только стал профессором академии, но и возглавил вновь образованное научно-исследовательское учреждение — Конъюнктурный институт, подведомственный Наркомату финансов СССР. Помимо Наркомфина, Кондратьев работал в Наркомате земледелия начальником управления сельскохозяйственной экономики и политики, а также в сельскохозяйственной секции Госплана СССР².

Период нэпа был наиболее продуктивным в деятельности Николая Дмитриевича на поприще государственного управления. Главным итогом этой работы послужил пятилетний план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР, подготовленный под руководством Н. Д. Кондратьева в 1923—1924 гг. и построенный на основе сочетания рыночных и плановых начал. Однако курс на свертывание нэпа, избранный руководством страны во второй половине 1920-х гг., повлек за собой кардинальную смену приоритетов в области планирования, в результате чего научно обоснованные, сбалансированные планы подменялись директивами, принятыми в приказном порядке без учета реальных возможностей экономики³.

Эти политические пертурбации сыграли роковую роль в судьбе не только самого Кондратьева, но и других специалистов из числа его единомышленников. Трагические события, которыми были омрачены последние годы жизни Николая Дмитриевича, достаточно широко освещены в научно-исторической литературе.

В 1928 г. его отстранили от руководства Конъюнктурным институтом и преподавания в Тимирязевской академии; научные труды Кондратьева стали объектом ожесточенных нападок в печати. В 1930 г. по указанию и под личным контролем Сталина ОГПУ сфабриковало дело так называемой Трудовой крестьянской партии (далее — ТКП), по которому была привлечена к уголовной ответственности группа широко известных в стране ученых, в том числе Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайанов, Н. П. Макаров, Л. Н. Юровский, А. Г. Дояренко и др.

В январе 1932 г., рассмотрев дело на закрытом заседании, Коллегия ОГПУ признала Кондратьева виновным в организации и руководстве ТКП, якобы ставившей своей целью свержение Советской власти, и приговорила его к восьми годам лишения свободы. Назначенный срок Кондратьев отбывал в Суздальском политическом изоляторе. В 1938 г., когда массовые репрессии достигли своей кульминации, советская политическая верхушка заново использовала дело мифической ТКП. Кондратьеву было предъявлено заведомо ложное обвинение в том, что, находясь в политизоляторе, он пытался активизировать подрывную деятельность подпольных местных ячеек ТКП. На основании этого обвинительного заключения Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Н. Д. Кондратьева к расстрелу⁴.

Оценивая степень изученности жизненного и творческого пути Николая Дмитриевича Кондратьева, следует отметить, что до сих пор основное внимание историков было обращено на детали уголовного дела, послужившего предлогом для расправы с ученым. В работах Р. А. Медведева, О. В. Хлевнюка, А. П. Ефимкина, С. В. Горбунова, Г. К. Шутова, О. И. Марковой, Н. И. Горбуновой, А. И. Аксеновой и других исследователей убедительно показано, что процесс над членами вымышленной ТКП вполне вписывается в общую картину преследований, которым была подвергнута отечественная интеллигенция на этапе складывания тоталитарного политического режима⁵. Доказательства фальсификации этого дела представлены в письмах И. В. Сталина В. М. Молотову и других документах советского руководства, опубликованных в 1990-е гг.⁶

Мотивы репрессий в отношении Н. Д. Кондратьева историки связывают с критическими суждениями, которые он высказывал по поводу волюнтаризма в управлении народным хозяйством,

в частности, при подготовке планов первой пятилетки. Вполне признавая справедливость такого мнения, вместе с тем необходимо указать на тот факт, что занятая Кондратьевым позиция не только имела рациональное практическое обоснование, но и была обусловлена его научно-теоретическими взглядами.

Рассматривая вопрос под этим углом зрения, приходится отметить, что к настоящему времени богатое, многогранное научное творчество Н. Д. Кондратьева исследовано недостаточно. Как отмечают авторы коллективной монографии, выпущенной к 125-летию Николая Дмитриевича, вплоть до перестройки «наследие Н. Д. Кондратьева, выдвинутые им и признанные в мире идеи и теории отвергались и подвергались жестокой критике на родине ученого»⁷. Труды Кондратьева частично были опубликованы в конце 1980-х — начале 2000-х гг., но эти издания выходили небольшими тиражами и являются малодоступными для читателей⁸. Работы, посвященные анализу научной концепции Кондратьева, в основном написаны учеными-экономистами с целью использовать новаторские идеи, предложенные Николаем Дмитриевичем, в решении современных народнохозяйственных проблем национального и мирового масштаба⁹. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что научное наследие Н. Д. Кондратьева нуждается в изучении как часть истории экономической мысли, тесно связанная с общественно-политическими реалиями своей эпохи. Об актуальности избранной темы свидетельствует тот факт, что трагическую судьбу Николая Дмитриевича разделили сотни других представителей первого поколения советской научной интеллигенции, профессиональная позиция которых по тем или иным причинам не устраивала правящую верхушку.

Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть аргументацию, изложенную Кондратьевым в дискуссии 1920-х гг. по проблемам планирования, в широком контексте разработанной им научно-экономической концепции. В ее структуре можно выделить несколько коррелирующих между собой направлений исследований, главными среди которых были два:

- теория и методология перспективного планирования,
- учение о больших циклах конъюнктуры.

Исходя из этого, для достижения сформулированной цели следует выполнить несколько задач:

1) выделить ключевые научные принципы, положенные Кондратьевым в основу экономического планирования,

2) проанализировать подход ученого к составлению народно-хозяйственных планов во взаимосвязи с его циклической теорией.

Автором статьи предпринята попытка изучить творчество Кондратьева как представителя научной элиты с учетом специфики процессов, происходивших в советском обществе 1920-х гг. в целом и научной сфере, в частности. В интерпретации понятия «научная элита» автор солидарен с одним из ведущих специалистов по истории отечественной науки С. А. Кислицыным, который включает в элитарную часть научной интеллигенции исследователей, вносящих наиболее весомый вклад в формирование научной картины мира. Это ученые, продуцирующие «научные знания первого ранга ценности, когда ожидаемый результат претендует на открытие новых закономерностей объекта исследования, новых явлений, новых теорий, методов... даже новых путей мышления»¹⁰. Все вышесказанное в полной мере относится к деятельности Н. Д. Кондратьева, имя которого составляет гордость не только российской, но и мировой экономической науки.

Теоретико-методологические принципы народнохозяйственного планирования в трудах Н. Д. Кондратьева

Важнейшие концептуальные положения, касающиеся теории и методологии экономического планирования, наиболее подробно освещены в двух работах Н. Д. Кондратьева: «Проблема предвидения» (1926) и «План и предвидение (К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства, в частности)» (1927). Говоря о сущности плана, Кондратьев определяет ее как систему перспектив, достижение которых предполагается в течение заданного промежутка времени, например, в сельском хозяйстве либо промышленности. Это могут быть перспективы увеличения объемов производства, повышения производительности труда, роста товарности и т. п. Таким образом, от планирующих органов требуется правильно наметить данные перспективы. Для выполнения этой задачи необходимы не только всесторонняя оценка современного состояния

избранного сектора экономики, но и выделение закономерностей, которые обнаруживаются на основе изучения предшествующих этапов его развития. Предлагаемый метод Н. Д. Кондратьев назвал генетическим, подчеркивая тезис о том, что без учета объективных тенденций прошлого и настоящего разработка осуществимых планов на будущее невозможна. Как указывал ученый, задаваемые перспективы должны быть «выражением желательных результатов хозяйственного строительства в рамках... реально достижимого»¹¹.

Анализ существующих тенденций хозяйственного развития представляет собой первый из структурных компонентов любого экономического плана. Следующая часть в структуре плана должна содержать характеристику того комплекса мероприятий, которые предполагают провести планирующие органы с тем, чтобы воздействовать на состояние соответствующей отрасли в нужном для них направлении. И только на основе этих двух необходимых компонентов можно правильно выстроить третий, который будет включать в себя вышеупомянутые перспективы, определяемые с большей или меньшей степенью конкретности в зависимости от продолжительности того периода времени, на который рассчитан план. «Если теперь мы внимательно присмотримся к существу выделенных трех элементов плана, — отмечает Н. Д. Кондратьев, — то легко убедимся в том, что построение каждого из них имеет теснейшую связь с проблемой предвидения хода социально-экономических явлений действительности»¹².

По мнению ученого, научно обоснованный прогноз служит наиболее эффективным инструментом планирования. Цель прогноза состоит в том, чтобы просчитать вероятный ход будущего развития избранного сектора экономики, приняв во внимание два важнейших фактора: с одной стороны, заложенные в нем объективные тенденции, а с другой, возможный эффект от предполагаемых средств и методов воздействия на него. От соблюдения этих условий напрямую зависит степень обоснованности и соответственно достижимости перспектив, обозначаемых в плане. Резюмируя свои соображения о роли прогноза в планировании, Кондратьев указывает на то, что план представляет собой «программу действий, но план без всякого предвидения — ничто»¹³.

В работах ученого настойчиво проводится мысль о необходимости строить планирование на основе максимально полного

учета объективных законов развития рынка, который рассматривается Кондратьевым в качестве естественной среды как для капиталистической, так и для социалистической экономики. Изучение рыночной конъюнктуры в целом и особенно динамики формирующихся на рынке цен позволяет специалистам получить достоверное представление о текущем состоянии народного хозяйства. Без опоры на эту информацию план неизбежно теряет научное обоснование и превращается в априорно заданную директиву, оторванную от реальных социально-экономических процессов. Подчеркивая недопустимость волюнтаризма в планировании, Кондратьев отмечал: «В лучшем случае такие планы останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем — они будут вредными, потому что могут ввести практику в жестокие ошибки»¹⁴. Выступая сторонником т. н. товарной модели социализма, ученый был глубоко убежден, что плановые и рыночные начала в экономике не только могут, но и должны составлять единое целое и в их гармоничном сочетании заключается залог нормального развития народного хозяйства¹⁵.

Наглядным примером практического применения теоретико-методологических принципов планирования, предложенных Кондратьевым, стал подготовленный под его руководством проект перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923—1928 гг. (т. н. сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева). Реализуя генетический метод, Николай Дмитриевич и его коллеги по Конъюнктурному институту тщательно изучили состояние аграрного сектора российской экономики в широких хронологических рамках: с начала XX века и вплоть до периода нэпа. На основе результатов проведенного анализа удалось определить ключевые тенденции в эволюции сельского хозяйства и выявить наиболее острые экономические проблемы российской деревни, решение которых требовало участия государства. К числу таковых в проекте отнесены резкие диспропорции в обеспечении аграрного сектора трудом и капиталом, иными словами, крайняя нехватка капиталовложений при переизбытке сельского населения.

Прогнозируя возможные пути развития сельского хозяйства, авторы проекта предлагают обеспечить одновременный и сбалансированный подъем аграрного и индустриального секторов

экономики. Обоснование этого варианта как оптимального заключается в том, что, с одной стороны, деревня представляет собой сырьевую базу индустрии, рынок сбыта промтоваров, снабжает город продовольствием, а также обеспечивает валютные поступления от экспорта сельхозпродукции, необходимые для закупки средств промышленного производства. С другой стороны, развитие индустрии способствует оттоку избыточного сельского населения в города, а также расширению рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Предлагаемая авторами проекта система перспектив обозначается как «ставка на двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства» в условиях полноценных рыночных отношений между городом и деревней¹⁶.

Как видим, план сельскохозяйственной пятилетки Кондратьева соответствовал реалиям нэпа. Последовавшая во второй половине 1920-х гг. смена политического курса повлекла за собой формирование административно-командной системы управления экономикой. В сфере народнохозяйственного планирования это означало, что научно обоснованный план-прогноз был вытеснен, образно выражаясь, «планом-приказом». К числу образцов «приказного» планирования относился план первой пятилетки, подготовленный группой специалистов Госплана СССР во главе с С. Г. Струмилиным в 1927 г. Свое мнение по поводу данного проекта Н. Д. Кондратьев изложил в статье «Критические заметки о плане развития народного хозяйства». Эта статья стала одной из последних работ ученого, опубликованных при его жизни.

Проведенный Кондратьевым детальный анализ перспектив, обозначенных в плане, позволил убедительно показать, что они не имеют научного обоснования и представляют собой совокупность цифровых параметров, заданных априорно, без учета реальной экономической ситуации в стране. Этот сугубо директивный подход к планированию Николай Дмитриевич метко охарактеризовал как «статистический фетишизм»¹⁷. Главный порок проекта Кондратьев усматривал в отсутствии необходимого баланса между темпами развития индустрии и сельского хозяйства. Индустриализацию, доказывал ученый, нельзя успешно осуществить за счет перекачивания ресурсов из аграрного сектора в промышленный, поскольку именно сельское хозяйство служит сырьевой, продовольственной и валютной базой для индустрии. Обобщая свои

соображения о плане первой пятилетки, Кондратьев отмечал: «Всю систему указанных построений в отношении сельского хозяйства при взятом курсе на индустриализацию мы считаем не только теоретически спорной, но и практически опасной. Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов»¹⁸.

Дальнейшие события полностью подтвердили высказанный Н. Д. Кондратьевым прогноз. Свертывание рыночных отношений, подмена экономических стимулов средствами политического давления привели к катастрофическим последствиям. Как известно, уже осенью 1927 г. государство столкнулось с хлебозаготовительной проблемой, для решения которой были использованы принудительные методы из арсенала эпохи военного коммунизма. Рубеж 1920—1930-х гг. ознаменовался такими явлениями, как дезорганизация финансовой системы, огромный дефицит бюджета, обесценивание денег и обусловленная этим натурализация товарообмена между городом и деревней, острая нехватка продовольствия в городах. Насилие над крестьянством в форме насаждения колхозов и раскулачивания обернулось голодом, унесшим миллионы жизней¹⁹.

В рамках создаваемой административной модели хозяйствования планирование полностью утрачивало научное содержание и превращалось в буквальное отражение политической воли вождя и его окружения.

Учение Н. Д. Кондратьева о больших циклах конъюнктуры и проблематика народнохозяйственного планирования

Возвращаясь к профессиональной деятельности Н. Д. Кондратьева, следует отметить, что под его руководством сложилась первая в нашей стране научная школа планирования и прогнозирования, основу которой составил коллектив Конъюнктурного института. В 1919 г., когда по инициативе А. В. Чаянова был создан Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и политики, Николай Дмитриевич получил приглашение занять там должность заведующего лабораторией сельскохозяйственной конъюнктуры. Спустя год, в октябре 1920 г., на базе

лаборатории был образован Конъюнктурный институт, директором которого стал Кондратьев. Первоначально институт относился к ведению Наркомата земледелия, а в 1923 г. был переведен в Наркомат финансов СССР²⁰.

Поставленная перед институтом цель заключалась в том, чтобы осуществлять мониторинг состояния советской и мировой экономики. Сотрудники института вели сбор данных по ключевым народнохозяйственным параметрам и обрабатывали полученную информацию методами математического анализа. Об успехах коллектива красноречиво свидетельствует тот факт, что к середине 1920-х гг. Конъюнктурный институт стал ведущим в Европе научно-исследовательским учреждением такого профиля²¹.

Этот огромный по объему и разнородный по содержанию эмпирический материал Николаю Дмитриевичу удалось осмыслить на теоретическом уровне и представить в виде целостной концепции, получившей название учения о больших циклах конъюнктуры. Замысел циклической теории возник у ученого еще в годы первой мировой войны и претворялся в жизнь постепенно, в процессе наблюдения за социально-экономическими процессами, происходившими в нашей стране, других государствах и мировом масштабе. Основные положения теории больших циклов сформулированы в таких трудах Кондратьева, как «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (1921), «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922), «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1922), «Большие циклы конъюнктуры» (1925), «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» (1928) и др.

Отправной точкой в разработке циклической теории послужили данные, свидетельствующие о том, что целый ряд показателей товарного хозяйства демонстрирует волнообразную, т. е. обратимую, тенденцию к изменению, когда за периодом ускоренного роста следует спад, а затем — новый подъем. Эти колебания находят отражение в конъюнктуре, под которой Кондратьев понимает «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни», характерных для данного момента, по сравнению с тем или иным предшествующим отрезком времени²².

К началу 1920-х гг. в экономической науке уже были достаточно подробно изучены свойственные капиталистической экономике циклы продолжительностью от 3 до 4 лет (малые) и от 7 до 11 лет (средние). Николай Дмитриевич делает объектом своего исследования волнообразные колебания, которые обнаруживаются в рамках более длительных периодов — от 45 до 60 лет. Предположения о существовании такого рода циклических изменений высказывались учеными задолго до Кондратьева, еще в конце XIX в., однако именно в его трудах эта гипотеза получила убедительную фактическую аргументацию и теоретическое объяснение. Использованный Кондратьевым эмпирический материал охватывает период с 80-х гг. XVIII в. до 1920 г., т. е. почти полтора столетия, и имеет широкие географические рамки, включающие наиболее развитые страны Запада: Великобританию, Германию, Францию и США. Кондратьев проследил динамику таких важных индикаторов, как уровень товарных цен, процент на капитал, номинальная заработная плата в различных отраслях, обороты внешней торговли, добыча и потребление топлива и нек. др. Опираясь на эти данные, ученому удалось выделить несколько циклов: первый — с конца 1780-х до начала 1850-х гг., второй — с середины XIX в. до 1890-х гг., и третий цикл, начавшийся в конце XIX в. В границах каждого из этих циклов, названных Кондратьевым большими циклами конъюнктуры, наблюдаются две «волны» продолжительностью от 20 до 30 лет: восходящая (фаза роста) и нисходящая (фаза спада)²³.

Существование долгосрочных циклических колебаний ученый связывал с механизмом накопления и инвестирования капитала, необходимого для усовершенствования производительных сил. Начало восходящей фазы совпадает с моментом, когда складываются наиболее благоприятные условия для капиталовложений. Вместе с тем нарастание темпа хозяйственной жизни влечет за собой не только обострение социально-политических противоречий в обществе, но и усиление борьбы на международной арене за рынки сырья и сбыта. Внутренние и внешние конфликты в конечном итоге приводят к замедлению процесса накопления капитала, в результате чего наступает фаза экономического спада. Постепенно капитал вновь аккумулируется в руках финансово-промышленных групп, и цикл повторяется, но уже на новой ступени

развития производительных сил. Со свойственной ему энциклопедической образованностью Николай Дмитриевич привел множество исторических фактов, подтверждающих справедливость этого объяснения феномена больших циклов²⁴.

В своих работах Кондратьев сумел не только представить развернутую характеристику больших циклов, но и соотнести их с малыми и средними. По образному выражению ученого, колебания меньшей длительности «как бы нанизываются на волны больших циклов» и испытывают на себе их влияние. Иными словами, малые и средние циклы протекают по-разному в зависимости от того, на какую фазу большого цикла (восходящую или нисходящую) они приходятся. Восходящая фаза создает предпосылки к более выраженному подъему и менее глубокой депрессии в границах малого или среднего цикла, и наоборот²⁵.

Обобщая вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что, не будучи первооткрывателем больших циклов конъюнктуры, Кондратьев разработал первую научную теорию, в рамках которой это явление получило всестороннее описание и убедительное концептуальное истолкование. Новаторство Кондратьева в изучении эволюции рыночной экономики заключалось в том, что на основе анализа волнообразных колебаний разной длительности он предложил целостную, логически стройную модель циклической динамики товарного хозяйства.

Данное направление фундаментальных исследований и для самого Николая Дмитриевича, и для его коллег по Конъюнктурному институту представляло не только академический интерес. Раскрытие закономерностей, определяющих экономическую конъюнктуру, имело бесспорное прикладное значение, поскольку позволяло прогнозировать в различной временной перспективе дальнейшее развитие народного хозяйства, в частности, предвидеть смену фаз в рамках цикла, а также переход от одного цикла к другому. Практическая ценность этих научных знаний со всей очевидностью проявлялась в сфере планирования: план-прогноз, построенный с учетом волнообразных изменений конъюнктуры, должен был, с точки зрения Н. Д. Кондратьева, стать инструментом, с помощью которого управленческие органы могли бы создавать условия для адаптации экономики к объективно происходящим динамическим процессам.

Разработка циклической теории стала научным достижением не только общенационального, но и мирового масштаба. Во второй половине 1920-х гг. основные труды Кондратьева, посвященные большим циклам, были опубликованы за рубежом на английском, немецком, французском и итальянском языках. Николай Дмитриевич был избран членом семи экономических и статистических обществ, учрежденных в США и Великобритании²⁶.

Большую роль в популяризации учения Кондратьева на Западе сыграл выдающийся австрийский и американский экономист Йозеф Алоиз Шумпетер. Близость научных воззрений этих исследователей проявлялась в том, что, во-первых, основной сферой их научных интересов было изучение динамики товарного хозяйства, а во-вторых, оба ученых считали своей задачей приспособить теорию к нуждам практики, т. е. не только объяснить закономерности функционирования рыночной экономики, но и обеспечить возможность прогнозирования ее дальнейшего развития. В 1934 г. в четвертом издании своего фундаментального труда «Теория экономического развития» Й. А. Шумпетер ввел в научный оборот термин «длинные волны Кондратьева» и присоединился к мнению Николая Дмитриевича относительно хронологических рамок этих волнообразных колебаний²⁷. Развернутый анализ циклической теории Кондратьева представлен в двухтомном сочинении Й. А. Шумпетера «Деловые циклы» (1939). В этой работе Шумпетер подробно изложил и дополнительно аргументировал суждения Кондратьева о том, что главной движущей силой циклических изменений конъюнктуры выступает инвестирование капитала, обусловленное внедрением технических, технологических и иных инноваций в производство²⁸.

Учение Кондратьева о больших циклах продолжало оставаться в центре внимания иностранных исследователей на протяжении всего времени, когда имя ученого предавалось забвению на его Родине. В СССР за период с начала 1930-х и вплоть до середины 1980-х гг. не было опубликовано ни одной работы Кондратьева, тогда как за рубежом его труды неоднократно переиздавались (в США, Великобритании, ФРГ, Испании, Японии и других странах)²⁹. Важно также отметить и тот факт, что циклическая теория Кондратьева оказала влияние не только на зарубежную экономическую мысль, но и на другие общественные

науки, в частности, нашла применение в историографии. Наглядным подтверждением этого служит трехтомная монография Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.» (1979), в которой представлено широкомасштабное исследование доиндустриальной эпохи. Обработав большой массив эмпирического материала, отражающего объемы ВВП, цены и доходы на душу населения, Ф. Бродель пришел к выводу, что возникновение «длинных волн» конъюнктуры в европейской экономике может быть отнесено не к концу XVIII в., как предполагал Кондратьев, а к средневековью, т. е. значительно более раннему периоду³⁰.

Обобщая вышеизложенное, нельзя не согласиться с мнением С. Л. Комлева о том, что научная школа, созданная под руководством Н. Д. Кондратьева на базе Конъюнктурного института, представляет собой «утраченное звено советской экономической науки», связывавшее ее с мировой и дореволюционной российской научной мыслью³¹. Утрата этого звена была обусловлена тем, что содержание циклической теории противоречило большевистской идеологической доктрине, согласно которой буржуазный строй обречен на упадок и дальнейший крах, следовательно, в капиталистической экономике не может наблюдаться восходящих фаз или каких бы то ни было иных положительных тенденций. Насажение выгодного правящей верхушке идеологического единообразия в общественных науках обернулось тяжелейшими последствиями и лично для Кондратьева, и для возглавляемого им коллектива. Как уже отмечалось, в 1928 г. Николай Дмитриевич был снят с должности директора и уволен из Конъюнктурного института, а спустя год институт был расформирован. С этого времени и вплоть до второй половины 1980-х гг. советские экономисты не занимались исследованиями циклической динамики рыночного хозяйства: данная тематика фактически оказалась под запретом³².

Выводы

В настоящей статье представлена характеристика таких аспектов научной деятельности Н. Д. Кондратьева, как конъюнктуроведение и перспективное планирование. Результаты проведенного анализа показывают, что Николаю Дмитриевичу удалось

не только проделать большой путь в каждом из этих направлений исследовательского поиска, но и синтезировать их. Ключевая концептуальная идея, проходящая «красной нитью» сквозь все творчество Кондратьева, состояла в том, чтобы открывать и изучать объективные закономерности развития рыночной экономики с расчетом на максимально полное использование научного знания в интересах практики, т. е. поставить науку на службу как хозяйствующим субъектам, так и обществу в целом. Поэтому учение о больших циклах конъюнктуры следует рассматривать в качестве фундамента, на котором основаны предложенные Кондратьевым теоретико-методологические принципы прогнозирования и планирования. Товарная модель социализма, убежденным сторонником которой был Кондратьев, предполагала, что советское народное хозяйство будет гармонично сочетать в себе рыночные и плановые начала. Автор статьи полностью солидарен с мнением коллеги Николая Дмитриевича по Конъюнктурному институту А. А. Конюса, который, давая оценку научного наследия Кондратьева, подчеркивал, что «работы по большим циклам... оказались по существу наиболее законченной частью его теории планирования»³³.

Совершенно очевидно, что содержание концепции Кондратьева в корне противоречило тем политическим приоритетам, которые были избраны руководством страны в конце 1920-х гг. Форсированная индустриализация и коллективизация, осуществлявшиеся за счет внеэкономического принуждения, неизбежно означали свертывание рыночных отношений и переход к директивным методам управления народным хозяйством. А это, в свою очередь, лишало экономистов-рыночников всякой возможности для продолжения исследований и свободного выражения научной позиции.

Утверждая тоталитарный контроль над наукой, возглавляемая Сталиным правящая верхушка обрекла Кондратьева, как и многих его единомышленников и сподвижников, не только на вытеснение из профессиональной сферы, но и на физическое уничтожение. Представляется вполне справедливой точка зрения С. А. Кислицына, который указывает, что в силу невысокого уровня своего образования советский политический лидер был неспособен оценить значение вклада, внесенного в науку Кондратьевым и другими специалистами из числа интеллектуальной

элиты³⁴. Вместе с тем нужно отметить, что глубокого изучения научных концепций от Сталина даже не требовалось. Ресурсов его догматического мышления вполне хватило на то, чтобы безошибочно рассмотреть в экономистах-рыночниках силу, противостоявшую административной модели хозяйствования и, следовательно, нетерпимую в условиях тоталитарного режима.

Примечания

- ¹ *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 68, 79, 84, 94, 316.
- ² Политические деятели России. 1917: Биографический словарь / под ред. П. В. Волобуева. М., 1993. С. 161—163; *Агеев А. И., Мясоедов Б. А.* Сорокин и Кондратьев — два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 83—84.
- ³ *Мау В. А.* Реформы и догмы. 1914—1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. С. 221—223; *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 242—246.
- ⁴ *Ефимкин А. П.* Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. С. 172—204; *Клюкин П. Н.* Николай Дмитриевич Кондратьев // Большая российская энциклопедия. URL: <http://www.bigenc.ru/economics/text/3830602> (дата обращения: 12.08.2020).
- ⁵ *Медведев Р. А.* К суду истории: о Сталине и сталинизме. М., 2011. С. 178—181; *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 50—52; *Ефимкин А. П.* Указ соч. С. 203—204; *Горбунов С. В., Шутов Г. К.* Узник «святого монастыря»: Краеведческие очерки. Иваново, 1994. С. 103—117; *Маркова О. И.* Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Материалы исследований Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архит. и худож. музея-заповедника. Сб. 5. Владимир, 1999. С. 91—97; *Горбунова Н. И.* Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии — узники Суздальской тюрьмы // Материалы исследований Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архит. и худож. музея-заповедника. Сб. 7. Владимир, 2001. С. 58—67; *Аксенова А. И.* Суздаль. XX век. Страницы истории. Владимир, 2002. С. 85—86.
- ⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Мологову. 1925—1936 гг.: сб. документов. М., 1995. С. 182—188, 190—193, 211—212, 220, 224; Советское

- руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая и др. М., 1999. С. 137—138, 143.
- ⁷ Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: монография / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М., 2017. С. 18.
- ⁸ *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989; *Его же.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991; *Его же.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; *Его же.* Избранные сочинения / сост. В. М. Бондаренко, В. В. Иванов, С. Л. Комлев и др. М., 1993; *Его же.* Особое мнение: избранные произведения: в 2 кн. / сост. В. В. Симонов. М., 1993; *Его же.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды / сост. Ю. В. Яковец. М., 2002; *Его же.* Суздальские письма / под ред. П. Н. Клюкина. М., 2004.
- ⁹ Общее количество публикаций по данной тематике довольно велико, но в большинстве своем они касаются тех или иных отдельно взятых аспектов концепции Кондратьева. Из числа работ, претендующих на общую оценку его научного наследия, можно выделить труды Ю. В. Яковца, С. Ю. Глазьева, В. Г. Клинова, Н. А. Макашевой, П. Н. Клюкина, А. В. Фоминой, а также монографию, подготовленную коллективом авторов к 125-летию ученого (см.: Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: монография / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М., 2017).
- ¹⁰ *Кислицын С. А.* Научная элита в системе политической власти. М., 2013. С. 12—13.
- ¹¹ *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения... С. 572—573.
- ¹² Там же. С. 575—576.
- ¹³ Там же. С. 577—578.
- ¹⁴ Там же. С. 605.
- ¹⁵ *Симонов В. В., Фигуровская Н. К.* Николай Дмитриевич Кондратьев (краткая биография) // Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М., 1991. С. 530—531.
- ¹⁶ *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения... С. 624—635.
- ¹⁷ Там же. С. 676.
- ¹⁸ Там же. С. 699.
- ¹⁹ *May В. А.* Указ. соч. С. 222; *Хлевнюк О. В.* Указ соч. С. 8, 33—48.

- ²⁰ *Симонов В. В., Фигуровская Н. К.* Николай Дмитриевич Кондратьев (краткая биография) // Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики... С. 529.
- ²¹ *Комлев С. Л.* Конъюнктурный институт (судьба научной школы Н. Д. Кондратьева) // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 165—170.
- ²² *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения... С. 32.
- ²³ Там же. С. 341—367.
- ²⁴ Там же. С. 369—378.
- ²⁵ Там же. С. 378—379.
- ²⁶ *Комлев С. Л.* Указ. соч. С. 179; Николай Дмитриевич Кондратьев / сост. К. П. Личко, Н. В. Дунаева, И. Д. Моисеева. М., 2012. С. 151—153.
- ²⁷ *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. М., 1982. С. 49—50, 385—436.
- ²⁸ *Гловели Г. Д.* Йозеф Алоиз Шумпетер // Большая российская энциклопедия. URL: <http://www.bigenc.ru/philosophy/text/4923658> (дата обращения: 12.08.2020).
- ²⁹ Николай Дмитриевич Кондратьев / сост. К. П. Личко, Н. В. Дунаева, И. Д. Моисеева. М., 2012. С. 153—154.
- ³⁰ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1992. Т. 3. Время мира. С. 68, 76, 628—631, 636—637.
- ³¹ *Комлев С. Л.* Указ. соч. С. 164.
- ³² Там же. С. 174; *Ясный Н.* Указ. соч. С. 235—236; *Агеев А. И., Мясоедов Б. А.* Указ. соч. С. 87.
- ³³ *Комлев С. Л.* Указ. соч. С. 170.
- ³⁴ *Кислицын С. А.* Указ. соч. С. 110.

А. В. Зябликов

ЛЮДИ ИСКУССТВА, ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В ДРАМАТУРГИИ ВИКТОРА РОЗОВА

Введение

Творчество Виктора Розова сегодня находится на периферии эстетических и общественных дискуссий. О драматурге почти не вспоминают. Ученые и диссертанты тоже относятся к нему достаточно безучастно. Похоже, В. С. Розов, как и многие другие литераторы второй половины XX в., прочно задвинут в запасники русской культуры как выразитель архаично-гуманистических представлений о человеке, как автор, оставшийся вместе со своей «инфантильной» советской эпохой. К столетию писателя (2013) появилась едва ли не первая книга о В. С. Розове, представляющая собой собрание воспоминаний, фрагментов, бесед, очерков разных лет¹. Из научных публикаций последнего времени назовем статью филолога И. М. Петрачковой, посвященную анализу семантического поля фамилий розовских героев². Отметим работу И. И. Рудяк, в которой для иллюстрации антропологического конфликта постсталинской эпохи неожиданно привлечен В. С. Розов со своей пьесой «В добрый час!» (1955)³. Заметим, что выбор исследователя не кажется нелогичным и случайным: творчество драматурга, действительно, дает простор многим социальным и культурфилософским наблюдениям и обобщениям. Попытка сформулировать некоторые из них была предпринята в ряде публикаций⁴.

© Зябликов А. В., 2020

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей РФ, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, a.zyablikov@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Member of the Union of Writers of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University).

Совершенное В. С. Розовым глубокое художественное погружение в идейные и социальные конфликты своей эпохи побуждает взглянуть на его творчество в широком историческом, социокультурном и мировоззренческом контексте. Эта необходимость возрастает на фоне обостряющихся сегодня дискуссий о стратегии образования и воспитания, о социальной миссии учителя, деятелей науки и культуры — тех, кого прежде, во времена Розова, называли интеллигенцией, а ныне чаще именуют «работниками бюджетной сферы». Розовская транскрипция этой проблемы весьма интересна и актуальна.

Основные положения

Драматургию Розова отличает настоящий культ молодости. Почти всегда в центре внимания автора юноша — в чем-то романтик, в чем-то максималист, в чем-то идеалист. Чистая душа с ее «прекрасными порывами». Свой интерес к такому герою драматург объяснял наличием «двойного конфликта»: «Организм в это время наливается соками, набирает силу, возникает жажда деятельности, а понимание мира за этим стремительным повзрослением угнаться не успевают»⁵. Отсюда — моральная оппозиция окружающим, стремительно формирующаяся на фоне конфликта героя с самими собой. Герой пьесы Розова «Гнездо глухаря» (1978) Степан Алексеевич Судаков жалуется итальянскому гостю господину Дзирелли на самоуверенность и дерзость сына-школьника. Дзирелли пытается дипломатично вразумить Судакова: «Молодежь всегда знает меньше взрослых, но интуитивно чувствует жизнь правильнее». Благородные розовские юноши следуют строгому кодексу чести. Органика их такова, что они просто не могут жить по лжи. Как, например, «русские мальчики» Ф. М. Достоевского, ищущие правды, бесстрашно ставящие перед собой вопросы, от которых трусливо бегут те, кто претендует на статус первоучителей и стратегов. Розов любил творчество Джерома Сэлинджера и его роман «Над пропастью во ржи» (1951). Розовские герои в чем-то подобны сэлинджеровскому Холдену Колфилду — «дивному подростку», который заставляет взрослых по-другому взглянуть на самих себя и на привычные вещи. Шестнадцатилетний Пров Судаков («Гнездо глухаря»),

стремясь разоблачить нечестность Георгия Ясюнина, мужа сестры, попадает в милицию. Объясняя потом мотивы своего странного поступка (вырвал на улице у Георгия портфель с «джентльменским набором» спешащего на любовное свидание мужчины), Пров говорит: «Я хочу, чтоб дом был чистый». А в какой-то момент и вовсе заявляет своему номенклатурному родителю о планах жениться на дочери торговки овощами — для «оздоровления сословия».

Олег Савин («В поисках радости», 1956), рубящий дедовой шашкой мебель, которой заставлена квартира, предлагает экстремальную форму социального протеста. Протеста против обоготворения вещей, против мещанского, сытого благополучия, против ханжеского чистоплюйства. Но, похоже, дальше всех идет Вова Федоров, герой пьесы «В дороге» (1962), жанр которой Розов обозначил как «современная история». Отправленный на перевоспитание к родственникам в периферийный город, Володя не устает огорошивать провинциалов своим стилизбким радикализмом. Например, делится с дядей мечтой: «Истребить на земле всех самодовольных тупиц, жуликов, карьеристов, приспособленцев, подхалимов, двойных душонок». К сожалению, в начале третьего десятилетия XXI в. эта малосимпатичная линейка социальных типов не стала короче! Когда дядя Вася (рабочая кость!) простодушно выражает сомнение в части достижимости этой мечты, племянник ёрнически подхватывает: «Вот я и думаю: а может быть, взорвать весь земной шар к чертовой матери! Уничтожить всех разом! Пускай начнется все сначала, с одноклеточных...» Спустя полвека этот смелый рецепт обрел неожиданное концептуальное наполнение: «одноклеточное» существование было возведено в ранг общественного «приоритета», который популяризируется именно теми, на кого был нацелен идейный динамит розовского героя. «В дороге» свидетельствует о том, как тонко чувствовал драматург умонастроения молодого поколения, как чутко улавливал его жизненные токи. Самим названием пьеса перекликается с культовым романом Джека Керуака «On the Road» (1957), ставшим «библией» американских и европейских битников. Неожиданную розовскую пьесу можно назвать советской вариацией на тему «on the road», пронизанную экспрессионистским ощущением разорванности мира, ставящую в центр конфликт человека и цивилизации с ее мнимыми ценностями.

Понятно, что у советского «битника» не было шансов довести до конца свой эскапизм и воплотить пессимистическое отрицание существующих правил игры во что-то определенное. Герой обречен прийти к нравственному выздоровлению и преодолению «крайностей». Розов, проведя Вову через различные встречи и жизненные ситуации, стукнув его лбом о некоторые трудности и наградив жертвенной любовью девушки Серафимы, водружает на голову «стиляги» войлочную шапку сталевара.

Кому же противостоят юные идеалисты и романтики? Кто воплощает «испорченный» миропорядок? На кого направлен натиск молодой энергии и силы? В этом плане примечательна фигура Романа Тимофеевича, героя пьесы «Неравный бой» (1959). Его социальная физиономия соединяет черты бойких советских выдвиженцев, энпманскую предприимчивость и ханжескую спесь идейных инквизиторов сталинской эпохи. Юные герои пьесы вступают в противоборство с этим нахрапистым пошляком и побеждают.

Идейными «побратимами» Романа Тимофеевича являются Илларион Николаевич Егоров и Михаил Полуэктович Серегин, герои пьесы «Перед ужином» (1961), чья жизненная философия крутится вокруг сакраментального «цель оправдывает средства». В одном ряду с ними стоят заведующий телеателье Андрей Селезнев («Квиты», 1974), Игнат Васильевич Кашин («Ситуация», 1973), мастер по профессии и по жизненному амплуа тоже — мастер прибрать к рукам чужие заслуги и деньги. Вдвойне опаснее люди типа Георгия Самсоновича Ясюнина («Гнездо глухаря»), чья моральная нечистоплотность и расчетливость спрятана под маской образованности и благопристойности. В терминологии Кима Жаркова, героя пьесы «С вечера до полудня» (1969), это «всадники» — люди, несущиеся по жизни, не разбирая, куда их лошадь «ставит копыта». Они легко перешагнут через законы добра, чести и справедливости, демагогически оправдывая это жизненной необходимостью, правом более сильного и успешного. О своих идейных оппонентах «всадники» отзываются как о завистливых посредственностях и обиженных неудачниках.

Профессор Илья Леонидович Тараканов («Традиционный сбор», 1966) озлоблен на современную молодежь, ершистую, неуправляемую, возражающую старшим: «Разве мы позволяли себе

подобное!» Уличенный в том, что мальчишкой вытаскивал мелочь из карманов одноклассников, Тараканов сознается: сделал это, для того чтобы купить щегла в зоомагазине. Сергей Усов почти по-библейски советует пристыженному и обмякшему Тараканову, общаясь с молодежью, того щегла вспоминать. Таракановская родня по несчастью — учительница физики Елена Сидоровна из пьесы «Ситуация», публично унизившая школьницу на уроке и получившая за то земноводно-рептильное прозвище «жаба». Для характеристики реликтовых взрослых, которые видят в молодежи лишь некий раздражающий фактор, юные розовские герои охотно используют еще одну зоологическую дефиницию — «ихтиозавр».

Конечно, не «ихтиозавры» и «всадники» диктуют свое понимание жизни, не они задают здесь тон, но их тяжелая поступь слышна, их не подлежащая сомнению «точка зрения» отравляет сознание молодежи, их разрушительная мощь мешает пробиться росткам понимания, добра и красоты. Творимое ими зло ощутимее втрое, если такие люди «поставлены» обществом для того, чтобы формировать вкусы и жизненные ориентиры подрастающего поколения.

Размышления о нравственном содержании личности неизбежно выводили Розова на проблему просвещения и воспитания. У писателя была своя педагогическая концепция, контуры которой прорисованы в пьесах весьма четко. Идейный диктат, учительский окрик и указующий перст имеют, с точки зрения писателя, невысокую дидактическую и воспитательную ценность. Задача наставника не выпрямлять сознание ребенка, не фаршировать его голову информацией, а стимулировать интерес к самостоятельному познанию мира. И лучшее подспорье здесь — чтение. Пьесы Розова — настоящий путеводитель по миру книг. Ирина («Вечно живые», 1943) дарит своему брату Борису томик Лермонтова. Безупречный выбор — особенно с учетом того, что Борис уходит на войну. «В каждом порядочном доме есть Цветаева, Пастернак и Юрий Трифонов», — заявляет девятиклассник Пров («Гнездо глухаря»). Угасание интереса к хорошему чтению сродни утрате интереса к жизни. Иногда Розов использует читательскую оценку как средство раскрытия образа. Так, тщеславного и пустого Валентина Селищева («Затейник», 1965) в толстовском «Отце Сергии» более всего восхитило, как герой «лихо» оттяпал себе палец.

Ребенок не может и не должен воспитываться в стерильной обстановке. Драматург склонен разделять известную педагогическую аксиому: слишком послушные дети никогда не достигают многого. В пьесе «Страница жизни» (1951) старая учительница Елизавета Максимовна Павлова, разбирая свой школьный «архив» и вспоминая давних учеников, рассказывает сыну Николаю: «Кашенцева Шура тридцать второго года. Помню. Представь себе, я ее всегда за отпетую дуру считала, а она член-корреспондент Академии педагогических наук. Умнейшая получила баба. <...> Алеша Пузырев... Лентяй отпетый, на уроках в классе всё в потолок смотрел, как будто там кино показывают. Спросишь его “Пузырев, о чем я сейчас рассказывала?” Он со своего потолка свалится, испуганные глаза на меня выкатит, рот раскроет — да каждый раз одно: “Простите, я не слышал вопроса”. Сейчас профессор, в институте курс анатомии ведет. Видать, он на потолке тогда, действительно, уже свое кино видел». Упомянут в монологе Павловой и умник Андрей Говоров, из которого «ничего не вышло».

Насколько хорош жизненный регламент и распорядок, установленный для юношества в качестве эталонного? А главное: в какой мере он соответствует ценностным приоритетам общества и эпохи? У героя пьесы «Затейник» Эдуарда Беляева мать изымает паспорт и запирает его в сейф, чтобы сын, не дай бог, не женился на любимой девушке. Эдик (светлая голова, золотые руки!) выкрадывает паспорт из сейфа, а потом выносит свой приговор педагогическому фарисейству: «Да нам еще в школе все уши прожужжали: Пушкин в 17 лет, Лермонтов в 15 лет, Николай Островский в 18 лет! А мне двадцать!.. Да если бы их паспорта мамы запирали в ящик, они бы не только взломали сейф, они бы дом сожгли, целый квартал, город!» Что и говорить, сожженных домов и разрушенных городов в российской истории было достаточно. В том числе — и по причине педагогических издержек. Отнюдь не всегда дело ограничивалось подсыпанием махорки в пасхальное тесто учителю закона Божия (Николай Островский — в «житийном» списке советского юноши Эдика Беляева). Бывшие семинаристы нередко становились яркими гонителями Церкви и разрушителями храмов, обладатели правоведческих дипломов объявляли нравственные кодексы и нормы отжившими свой век,

а поэты предлагали во имя светлого будущего «разрушить музеи» и «сжечь Рафаэля».

Пожалуй, дороже всего обходятся обществу и государству профессиональные издержки и скороспелые прожекты именно в сфере образования. Возвращаясь к монологу учителя из «Страницы жизни», заметим, что волшебное превращение «отпетой дуры» в «умнейшую бабу» может быть объяснено разными обстоятельствами. Возрастными мутациями организма. Непроницательностью учителя. Порочностью всей системы образования. Последнее объяснение самое неприятное. Но именно оно-то может оказаться в высшей степени не бесосновательным. Предположим самое страшное: Шура Кашенцева как была «дурой», так ею и осталась — почему бы и нет! Правда, сейчас «дурость» этой дамы эффектно зашторена общественным положением, должностью, ученым званием. Но что это, в сущности, меняет? Разве что фигура Шуры становится более зловещей. Розов, кстати, вполне допускал такую логику развития событий. Более того — усматривал в этом некую жизненную закономерность. Потому особенно охотно драматург отпускает шпильки в адрес обладателей ученых степеней. Уже упомянутый профессор Тараканов («Традиционный сбор») склонен к демагогическим назиданиям в адрес молодежи. Недалеко от него ушел ректор института Василий Прокофьевич Богдавленский («Кабанчик», 1986), налево и направо раздающий молодым характеристики типа «парень паршивый», «хамло», «мерзавец». Мнимый доцент Селищев («Затейник»), не раз и не два показавший свою законченную аморальность, разъезжает с лекциями типа «Моральный облик советского человека». Лев Иванович Груздев («С вечера до полудня») прячет свое малодушие за статус ученого, ведущего важные разработки в закрытой лаборатории. Его интересует факт «в чистом виде», факт, из которого арифметически вычтены человеческие переживания, алогичные и хаотичные жизненные обстоятельства. Социологическим анкетам Груздев доверяет больше, чем живому человеческому опыту. В фильме «С вечера до полудня», снятом режиссером Константином Худяковым в 1981 г., нравственная инфантильность Левы была тонко подчеркнута актером Эдуардом Марцевичем. Бейджа со своими регалиями (приехал на научную конференцию) Груздев не снимает с пиджака даже во время частного визита к старым знакомым, даже за обеденным столом.

Верхом розовского сарказма является маленькая трагикомедия «Праздник» (1974), где показано застолье, затеянное по случаю успешной защиты диссертации. Виновица торжества Муза Андреевна конфузливо исключает родителей из числа чувствующих. Она выговаривает мужу Степану, что он не нашел повода куда-нибудь выпроводить стариков. В пример приведен некий диссертант Гога Капканов, который, не желая видеть своих родителей на банкете, разорился и купил им билеты в театр «Современник». Бедные старики сидят в своей комнате и слушают доносящийся из-за стенки стук ножей, звон бокалов, сомнительные остроты и псевдоинтеллектуальную болтовню, из которой вдруг вырывается: «В вашей диссертации, Муза Андреевна, мне особенно запомнилось место о гуманизме». Высоколобая ученость (не говоря уже о рядящихся в ее одежды тщеславии и карьеризме) становится для Розова синонимом некой нравственной аморфности, иллюзорности жизненных целей. Бесчеловечная философия «всадничества» произрастает именно отсюда.

Среди надутых собственной важностью доцентов и профессоров иногда мелькают и рефлексирующие герои, знающие истинную цену своего положения. Таков Федор Савин («В поисках радости»), вдруг заявляющий своему другу Леониду: «Ведь мама права, я куда-то лечу, лечу вниз... Я совсем забросил научную работу, мне самому осточертели мои статьи и эта моя суета в жизни». Бессознательно, на эмоциях Савин разграничивает — и правильно делает! — научную работу и «писание статей», которое, видимо, давно превратилось в рутинное, унылое исполнение «производственных» обязанностей. Ощущение, которое испытывает Федор Савин, знакомо всякому современному преподавателю высшей школы, ввергнутому в тягостную необходимость регулярно изготавливать — по-другому не скажешь — и публиковать статьи, научная значимость которых весьма сомнительна. Героиня пьесы «Кабанчик» Людмила Яковлевна Баскакова полагает, что наука не стоит того, дабы приносить ей в жертву простое человеческое счастье, любовь, материнство, семью. Молодая женщина признается юной Оле Богдавленной, что пошла в науку от одиночества, «от нечего делать». С иронией, близкой к истерике, она живописует свои жизненные перспективы: «Защита потом докторскую, к пятидесяти стану профессором, совсем очую, и сделают меня членком Академии медицинских наук <...>

Буду невообразимо важной и злощей бабой, всех критиковать, всем надоедать поучениями». Похоже, что у Людмилы Яковлевны есть шанс уберечь себя от превращения в «ихтиозавра».

Драматург органически не принимает наукообразного теоретизирования, затуманивающего слова и смыслы. Характерный пассаж вкладывает Розов в уста Марии Ивановны Егоровой («Перед ужином»), обеспокоенной тем, что ее племянник-студент дни и ночи просиживает за учебниками: «Света божьего не видит. Совсем наглухо захлопнулся... Молчит... И учит, учит... Боюсь, не сдурел бы... Так мне и кажется: сделается он через это дурачком или уж сразу академиком...» Вполне по-толстовски Розов верит, что истина может быть открыта только простым человеком. Впрочем, писателю удается не соскользнуть в крайность и не стать певцом некоего неонароднического опрощения. Человек, который кичится своей простотой и полужайством, тоже далек от истины. Илларион Егоров («Перед ужином»), потрясающий, как хоругвью, бедняцким происхождением и рабочими заслугами, столь же антипатичен Розову, как и Валентин Селищев («Затейник»), старательно камуфлирующийся под интеллигентного и образованного человека. Менторская ученость и горделивая демонстрация собственного невежества стоят в одном ряду. В автобиографических заметках Розова есть показательное суждение о том, что фразу типа «Я не понимаю Толстого» человек может произнести только с сожалением, но уж никак не с гордостью⁶. Там же представлена анекдотичная фигура эрудитасантехника, который увлекался русским акмеизмом, но при этом не мог качественно выполнить работу водопроводчика — за что в итоге и был изгнан со своего места. «Вот чего ненавижу, так это стихи», — с апломбом и осознанием своего житейского превосходства над «сопляками» и «слюнтяями» изрекает Илларион Егоров. Еще более карикатурен образ Эммы Константиновны («Перед ужином»), которая, в отличие от сермяжного Егорова, тянется к «культуре», правда, тяготение это особого свойства: «Мы с Михаилом Михайловичем в театр опаздываем. Какую-то новую пьесу показывают, дрянь, наверно, но надо быть в курсе». Чтобы не отстать от жизни и выглядеть не хуже других, посещает театры Селищев («Затейник»). Жена таскает его — куда бы вы думали? — в театр «Современник», о котором у Валентина Алексеевича есть свое мнение: «Мне лично не очень, солидности нет,

жидковато...» Родной для Розова театр становится прямо-таки идентификатором эстетического и умственного развития личности.

В пьесе «Традиционный сбор» выведен малосимпатичный образ литературного критика Агнии Шабиной, которая в жертву изысканному слогу и интеллектуальному блеску приносит правду, справедливость, человечность и прочую «сентиментальную чепуху». Она признается, что не любит серость, обыкновенность (видимо, для нее это равнозначные понятия). Розов спорит с Агнией устами Сергея Усова: «Может быть, в твоих литературно-критических эмпиреях одни небожители, а я по земле шатаюсь...» Все естественное, будничное, непритязательное, простое вызывает в героине эстетическое возмущение. В какой-то момент Шабина даже начинает раздражаться цветами, которые неизменно приносит ей Сергей Усов. Практичная и умная критикесса полагает, что время романтических глупостей прошло и мужу пора подумать о карьере, репутации, положении, имени. Очередное появление Сергея — «как всегда со своим милым цветочком» — оборачивается крахом семейной жизни: место возле супруги занято другим мужчиной — перспективным физиком Александром Петровичем Машковым.

Фигуры деятелей образования и науки дополнены в произведениях В. С. Розова колоритными образами людей искусства. Герой пьесы «С вечера до полудня» старый писатель Андрей Трофимович Жарков не может преодолеть издержки соцреализма. Сын его Ким с удовольствием читает булгаковский роман «Мастер и Маргарита», а при чтении «производственного» отцовского романа засыпает. Друг Жаркова Константин Егорьев тоже почитывает не Кочетова или Грибачева, а Сартра и Хэмингуэя. В итоге Андрей Трофимович, усомнившись в своем писательском призвании, поступает радикально, по-гоголевски: сжигает все свои рукописи. Жарков снова обретает внутреннюю свободу, желание жить, работать, любить. Он не может ждать ни минуты и просит Егорьева помочь ему переставить мебель в кабинете: «По-новому хочу». У героя словно пелена спадает с глаз: писательские амбиции не стоят того, чтобы приносить им в жертву добрые отношения с близкими, способность «чужой радости радоваться». По-своему это настроение выражает дочь Жаркова Нина, вразумляющая субтильного Леву Груздева: «Я живу тут,

в этой суматошной Москве, в нашей не очень уютной квартире, среди своих забот и печалей и все же чувствую себя рядом с Богом».

Спустя 20 лет в «перестроечной» драме «Дóма» (1989) В. С. Розов представит читателям зловещий образ писателя Егора Федотовича Пенкина. Герой пьесы Сергей Романов, чудом выживший в мясорубке афганской войны, возвращается в родной Красногвардейск и попадает в атмосферу, наэлектризованную идейными и социальными противоречиями. Из прорех ветшающей советской империи вылезли новые герои: бандиты, мафиози, проститутки, бодибилдеры, национал-патриоты. Началась чудовищная мутация нравов: комсомольский активист Конкин оказывается замешанным в групповом изнасиловании, а писатель Пенкин и вовсе проявляет замашки садиста. Пьеса «Дóма» — позднесоветская вариация на тему «Бесов» Достоевского. Клон Петра Верховенского Егор Федотович Пенкин пытается вовлечь Сергея Романова в организацию, которую вполне можно было бы назвать «Народной расправой» — на нечаевский манер. Отличие лишь в том, что «пенкинцы» не с режимом воюют, а, напротив, пытаются помочь государству очиститься от всевозможного человеческого «шлака». И делают это самыми изуверскими методами. Сергей пытается бороться со злом, понимая, что делать это методами зла — значит умножать его. Мученическая смерть героя (под пение сошедшей с ума Кати Гореловой), оставляет ощущение безнадежности и какого-то надвигающегося кошмара, что не типично для драматургии Розова. В самом Романове угадываются черты и Шатова, и даже Авдия Каллистратова (не случайно в пьесе упоминается Айтматов: Розов был свидетелем и участником горячих дискуссий, кипевших во второй половине 1980-х гг. вокруг романа «Плаха»). Финальный монолог Сергея о бесстрашных героях, всходящих на костер, только усиливает эти аллюзии.

В розовской галерее людей искусства особое место отведено представителям театрального мира. Кажущийся проходным образ Жени Салова в пьесе «В день свадьбы» (1963) согрет воспоминанием Розова о своей юности. Первое появление героя снабжено авторской ремаркой: «Василий выталкивает из сарая Женю. Тот в одних трусах, взлохмаченный, заспанный». Не Жерар Филипп. Не Олег Стриженов. Но тем-то и хорош — нескладный, наивный. Его «столличность» едва проклевывается сквозь плотный провинциальный

дерн. Женя Салов с гордостью рассказывает Оле Кожуркиной, что своими глазами видел в Москве Евгения Евтушенко. И уже снимается в кино! Роль, правда, предложили эпизодическую, но со словами. И крупный план есть. Фраза, которую произносит Женя в фильме, весьма примечательна: «Ты удоем не хвастайся!» Явная шпилька Розова в адрес изготовителей кинопродукции, где «производственные показатели» заслоняют собой человеческие отношения и судьбы. Авторская издёвочка чувствуется и в монологе простодушной Оли, которая вразумляет будущую кинозвезду Салова на предмет того, зачем народ ходит в кино: «Я вот тебе как кинозритель скажу: время убить и на любимых артистов посмотреть».

Розов прекрасно знал театрально-киношную жизнь, в том числе ее неприглядно-изнаночную сторону. В пьесах палитра авторских оценок весьма широка: от рефлексирующего, ищущего себя молодого актера Аркадия («В добрый час!») до трагикомичного образа актрисы Натальи Архиповны Зубатовой («Скрытая пружина», 1989). Зубатовой, которая, как и Женя Салов, когда-то приехала в Москву из провинции, пришлось буквально отвоевывать для себя жизненное и творческое пространство, выгрызая свое право на зрительский успех и личное счастье. Правда, счастье это всегда оказывалось скоротечным и разбивалось в прах. Вот и теперь Наталья Архиповна (есть в ней что-то от Антонины Николаевны Монастырской из «Вечно живых»), судорожно цепляясь за уходящую молодость, расходует свои душевные силы на никчемного и самовлюбленного актера Горкина. Зубатовой не откажешь в житейском темпераменте и в наблюдательности. С простонародной грубоватостью говорит она о возносимой критиками молодой актрисе Ивановой: «Сколько таких прошло передо мной за все годы. Вспорхнет — ах, хорошо! Ах, полетела! А она уже на лету и сдохла, одно жеманство осталось, два-три штампа. А там, глядишь, личико уже увяло, шейка дряблая, задик кадушкой, а она все: пи-пи-пи...» Так что опасения Салова-старшего за судьбу младшего сына понятны: актерская среда достаточно токсична. Сколько каверзного и саркастичного в позднесоветской и постсоветской публицистике Розова, адресованной режиссерам и актерам, которые в погоне за зрителем и модой скатываются в откровенную халтуру и похабщину! Глубокое неприятие вызывали у писателя деятели искусства, рвущиеся

во власть или сладкоречиво этой власти поддакивающие. Розов даже придумал словцо, характеризующее это явление, — «холоужж».

Бесспорно, при желании можно упрекнуть В.С. Розова в антиинтеллигентском пафосе, более того — причислить его к идейным «интеллигентофобам»: характеристики, которыми драматург награждает деятелей искусства, образования и науки, благостными не назовешь. Их легко встроить в ряд других нелестных оценок, среди которых, конечно, выделяются своей агрессивностью суждения А. И. Солженицына, высказанные, в частности, в известном эссе «Образованщина» (1974). Исторические счета, выставляемые русской интеллигенции, — традиция отечественной умственной практики. «Тройной стыд, — писал А. И. Солженицын, — что уже не страх перед преследованием, но извилистые расчеты тщеславия, корысти, благополучия, спокойствия заставляют так сгибаться “московские звезды” образованщины и средний слой “остепененных”»⁷. Многие критические суждения, высказанные писателем в адрес советской интеллигенции, точны и справедливы, но, впав в обличительный азарт, А. И. Солженицын в итоге теряет чувство меры и фактически приходит к отождествлению понятий *интеллигенция* и *образованщина*: «Интеллигенция-образованщина как огромный социальный слой закончила свое развитие в теплом болоте и уже не может стать воздухоплавательной»⁸. Оставляя в сторону дискуссию о неоднозначной позиции А. И. Солженицына, приведем только одну цитату, которая на наш взгляд, высвечивает существо проблемы. Принадлежит это высказывание Л.К. Чуковской — человеку, который хорошо знал писателя и — что важно — являлся горячим поклонником его таланта: «Вообще к интеллигенции он жесток, а главное — он не понимает ее. Образованщина! И все тут. <...> У такой огромины, как он, и заблуждения огромны. Огромный человек, талант огромный. Для того чтобы стать гением, ему не хватает только интеллигентности!»⁹

В. С. Розов, по счастью, не впадает в осуждающий пафос, и уж тем более не хлещет интеллигенцию по щекам, перечисляя ее исторические прегрешения. Драматургу ближе чеховское понимание социальной роли интеллигенции: «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать»¹⁰. Критическая, а подчас и гротесковая,

подача героев, принадлежащих миру искусства, образования и науки, объясняется именно уважением В. С. Розова к представителям подлинной интеллигенции, к тем, кто талантливо и совестливо делает свое дело: учит детей, читает лекции студентам, пишет книги, играет на театральной сцене. «Воздухоплавательные» свойства интеллигенции не утрачены. Драматург убежден, что мера ответственности интеллигента за каждое свое слово и за каждый поступок очень высока. Потому люди типа Зубатовой, Селищева или Тараканова антипатичны и опасны вдвойне: они извращают, искажают представления о важной миссии художника, педагога и ученого. Розовские «ихтиозавры» и «всадники» — это псевдоинтеллигенты, люди, рядящиеся в одежды интеллигента, но не соответствующие ему по своим умственным и нравственным качествам. В комедии характеров «Квиты», которая заставляет вспомнить чеховский «Толстый и тонкий» и пушкинский «Выстрел», В. С. Розов устраивает форменную дуэль между интеллигентным, образованным Михаилом Денисовым и агрессивным невеждой Андреем Селезевым. Историческая и человеческая справедливость здесь торжествует: пристыженный, с горящей на физиономии пощечиной, Селезев ползает по вагону электрички, собирая раскатившиеся апельсины.

Конечно, не всякий возрастной персонаж Розова является заведомым антиподом юного героя-романтика, протестующего против невежества и фальши, возражающего мещанскому пониманию благополучия и успеха. Умудренный опытом Григорий Степанович Галкин («Неравный бой») — тоже простой человек! — наставляет своего юного соседа Славу: «Плохие-то, конечно, в глаза сильнее лезут, ярче они, колоритней... Хороший-то не пестрит...» Бесспорно, здесь слышится голос самого Розова. Да, нужно жить так: не громыхая и не пестря. Без плетения словес и распускания павлиньих хвостов. Но искренне. С любовью. С интересом к людям и к миру.

С другой стороны, сама по себе юность еще не гарантия внутреннего благородства, совестливого и честного взгляда на вещи. Вспомнить хоть гоголевского Павлушу Чичикова, который сызмальства понимал самосущную роль «копейки». В пьесе Розова «Ситуация» девятнадцатилетняя Тамара, узнав, что ее муж Виктор Лесиков премирован немалой суммой за изобретение, тут же решает правильно пристроить свалившийся на голову

капитал. Гордясь своей предприимчивостью и хозяйственностью, она сообщает мужу, что купила дорожку, старинную вазу в комиссионке и бюст Герцена. «Почему — Герцена?» — спрашивает ошарашенный супруг. «Других не было». Куда дальше глупенькой Тамары идет студентка Ариадна Филипповна Коромыслова («Гнездо глухаря»), пришедшая в дом к Искре Ясюниной, чтобы заявить права на ее мужа. Коромыслова подводит под свое требование целую идейную базу — со ссылками на мировую классику и прогрессивный опыт Европы. Дескать, хватит жить ветхозаветными преданиями: «Вон моя подруга Тата Пивоварова третьего дня шикарную свадьбу сыграла. А вчера мне говорит: я, кажется, ошиблась. Ну и что же, бывает. Говорит: буду разводиться. И все спокойно, без Достоевщины».

Бездарный актер Владлен Горкин («Скрытая пружина») и все живет на содержании у стареющих женщин, понукая их своими инфантильными капризами. Вот так, без «Достоевщины», без внутренних терзаний и угрызений совести существуют розовские героини-«всадники». Они считают себя идущими в ногу с эпохой. Их не соблазнишь патриархальным именованным пирогом или шумной возней малышни. Розов предчувствует и остро переживает состояние мира, где традиционные ценности оказываются лишь помехой на пути к бытовому комфорту, благосостоянию, демократии и прогрессу. В пьесе «Праздник» (1974), устами Нины Сергеевны Зосимовой Розов формулирует свое отношение к современной цивилизации, которая, борясь с одними «чертями», тут же порождает других.

Выводы

Таким образом, литературные герои, представляющие мир искусства, образования и науки, помогают В. С. Розову раскрыть мировоззренческие, социальные и нравственные конфликты своей эпохи, не потерявшие, по нашему мнению, актуальности. На их острие — столкновение юношеского порыва к правде, человеческому достоинству, красоте и благообразно-фальшивого мира мнимых ценностей, толкователями и защитниками которых нередко выступают люди, облеченные званиями, учеными степенями, общественным положением и, увы, профессиональным правом влиять на умы и вкусы подрастающего поколения. Причина столь критичного отношения драматурга к образованному «сословию» кроется

не в «интеллигентофобии» В. С. Розова, а в признании им за интеллигенцией особой общественной миссии, особой ответственности и обязанности. Главная из этих обязанностей — соответствовать самым высоким умственным, духовным, нравственным кондициям. Писатель выводит своего рода социальную «формулу», размышляя над тем, как степень деформации ценностных приоритетов влияет на умонастроение человека, прежде всего, человека молодого. Протестные настроения юношества прямо пропорциональны той мере лжи, зла и несправедливости, которой характеризуется состояние ума и души взрослых людей. Помогая прояснить мотивы и содержание рекуррентного конфликта поколений, В. С. Розов продолжает и развивает одну из главных тем русской классической литературы.

Примечания

- ¹ Попов В. С. Свет Розова. М., 2013.
- ² Петрачкова И. М. Имена героев в драматургии В. С. Розова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2010, № 4. С. 106—112.
- ³ Рудяк И. И. Антропологическая точка Розова и Бахтина: вектор конструктивизма против вектора деспотизма // Язык и культура. Новосибирск, 2016. № 25. С. 89—94.
- ⁴ Зябликов А. В. Семейная тема в драматургии В. С. Розова // Костромской гуманитарный вестник. 2014. № 1. С. 23—26; Зябликов А. В. Традиции «волжской» драмы в творчестве В. С. Розова // Щельковские чтения 2014. А. Н. Островский и культура конца XIX—XX века: сб. статей / Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского “Щельково”». Кострома, 2015. С. 173—183; Зябликов А. В. Неапеллятивная лексика в драматургии В. С. Розова // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 65—70; Зябликов А. В. Костромские мотивы в творчестве Виктора Розова. Кострома, 2017.
- ⁵ Розов В. С. Собр. соч.: в 3 т. М., 2001. Т. 3. С. 434.
- ⁶ Розов В. С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. М., 1987. С. 362.
- ⁷ Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 36.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М., 2010. С. 420—421.
- ¹⁰ Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1964. Т. 10. С. 481.

Е. В. Скрыбина, И. Н. Кулешова

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Введение

По подсчетам исследователей, в литературе можно обнаружить не менее 300 разнообразных формулировок термина «интеллигенция»¹. Единого дефинитивного определения этого понятия на сегодняшний день не существует.

Признанные специалисты в области интеллигентоведения — В. С. Меметов и В. Н. Расторгуев, насчитывают по меньшей мере три толкования термина «интеллигенция»: «В широком смысле под И. понимаются, с одной стороны, лица любых социальных слоёв и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества, а с другой — социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности. Наряду с широким значением

© Скрыбина Е. В., Кулешова И. Н., 2020

Скрыбина Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, e.gryzdeva@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo state Polytechnic University).

Кулешова Инна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, ladyinna79@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo state Polytechnic University).

термина «И.» получило развитие и узкое его толкование, позволяющее говорить об И. как о специфически русском явлении, не имеющем аналогов в других странах. В этом смысле И. именуется лишь часть образованного слоя общества, берущая на себя роль выразительницы интересов народа, претендующая на роль его духовного пастыря и представителя перед властью... Третье толкование понятия «И.» — как критически настроенных интеллектуалов, которые находились в оппозиции к правительству и были близки к революционным идеям и движениям»².

Разные исследователи могут понимать под интеллигенцией как совокупность людей, занимающихся преимущественно умственным/творческим трудом и способствующих созданию и распространению в обществе тех или иных ценностей культуры (социально-экономический, культурологический подходы)³, так и наиболее образованную и высоконравственную часть общества, наделенную обостренным чувством социальной справедливости и выступающей в роли некоей социальной миссии (социально-этический подход)⁴. Более того, в специализированной литературе все чаще озвучиваются мнения, согласно которым «подразделение людей на интеллигенцию и всех остальных» является совершенно неприемлемым с морально-нравственной точки зрения⁵, что интеллигенции как особого социального слоя, в принципе, не существует⁶, выдвигаются предложения заменить «устаревший» отечественный термин «интеллигенция» (используемый исключительно в России) на модный западный термин «интеллектуал»⁷.

Неоднозначность понятия «интеллигенция», определение и толкование которого вызывает затруднения даже у узкопрофильных специалистов⁸, заставляет задуматься о смысле и значении, которое вкладывают в него среднестатистические российские граждане. Не подлежит никакому сомнению, что термин «интеллигенция» (как и производные от него) уже достаточно давно и прочно вошел в повседневную разговорную речь и деловую коммуникацию россиян.

Целью данного социологического исследования является детекция содержания, вкладываемого современной российской молодёжью (в частности, студентами вузов) в понятие «интеллигенция», а также выявление соотношения этого содержания с обозначенными выше научными подходами.

Методология исследования

В ходе исследования, проведенного в 2019—2020 гг. на базе ИВГПУ, было организовано выборочное тестирование порядка 80 студентов 1—4 курсов дневного отделения вуза. Средний возраст большинства респондентов — 18—21 год. В подавляющем большинстве случаев — это молодые люди, впервые получающие высшее инженерно-техническое образование.

В качестве метода сбора первичной социологической информации использовался анкетный опрос. Основа анкеты (помимо т. н. открытых вопросов, направленных на выяснение общего уровня «знакомства» анкетированных с понятием «интеллигенция») состояла из пяти блоков, четыре из которых фиксировали: психологические, когнитивные, социально-ролевые и морально-этические характеристики и качества личности. В пятом располагались маркеры, характеризующие общий уровень культуры и воспитания человека (по 10 «положительных» и 10 «отрицательных» качеств в каждом из пяти блоков соответственно). Анкетированным предлагалось ранжировать каждый из 5 блоков по степени важности в плане уточнения и общей характеристики понятия «интеллигенция» (каждый блок оценить по шкале от 1 до 5 баллов соответственно), после чего проделать ту же самую манипуляцию внутри самих рассматриваемых блоков (каждое качество из того или иного блока оценить по шкале от 1 до 10 баллов в соответствии со степенью его важности). Таким образом, в процессе операционализации понятия «интеллигенция» была предпринята попытка выявления его существенных характеристик, показателей и индикаторов (психологических, аксиологических, когнитивных, морально-этических и социально-ролевых) с точки зрения анкетированных, т. е. современной российской молодежи/студенчества.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования

Согласно полученным данным, понятие «интеллигенция» знакомо и активно используется в речевом обороте 100 % опрошенных студентов. Термин «интеллектуал» знаком порядка 35 % анкетированных, но используется не более чем 10—15 % из них.

Порядка 58 % респондентов считает, что термин «интеллигенция» имеет латинские корни, около 25 % полагает, что это слово отечественного происхождения, оставшиеся 17 % затруднились ответить на этот вопрос. До 93 % опрошенной молодёжи считает, что представителей интеллигенции можно обнаружить в любой развитой стране, и лишь 7 % уточняет, что интеллигенция — это исключительно русский феномен.

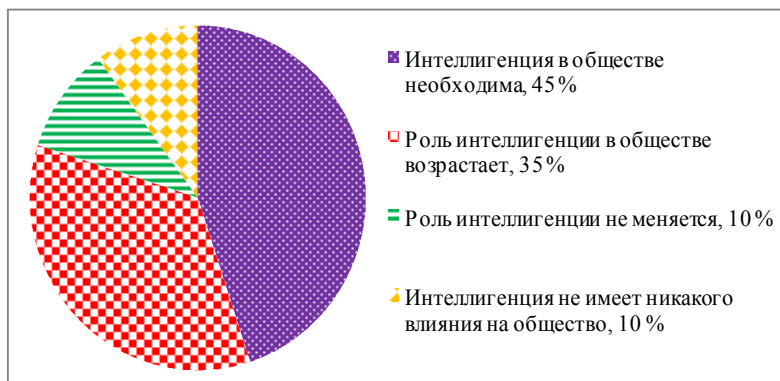

Рис. 1. Роль интеллигенции в обществе

Более 45 % молодых людей убеждены, что интеллигенция, в том или ином виде, всегда присутствовала, присутствует и будет присутствовать в обществе. В том числе, обществе современном. Около 35 % респондентов подчеркивает при этом, что роль интеллигенции в социуме постоянно возрастает. Молодые люди проводят прямые параллели между становлением информационного общества и ростом влияния интеллигенции: «по мере возрастания в социуме роли знаний, будет возрастать и роль носителей этих знаний». Около 10 % опрошенных студентов полагает, что влияние интеллигенции в обществе достаточно стабильно и практически не меняется с течением времени: «действующая власть редко, но все же иногда прислушивается к мнению интеллигенции. Например — просвещенный абсолютизм Екатерины II», — поясняют молодые люди. Наконец, около 10 % респондентов считает, что интеллигенция не имеет и никогда не имела особого влияния в обществе. «Роль интеллигенции

всегда сводилась и сводится лишь к развитию научной и культурной жизни страны», — отмечают студенты.

Порядка 37 % респондентов, раскрывая свое понимание понятия «интеллигенция», прежде всего обращается к блокам, охватывающим когнитивные характеристики и маркеры общего уровня культуры и воспитания человека (1 и 2 место по степени важности соответственно). Внимание студентов, в первую очередь, сосредоточивается на таких характеристиках, как уровень образования и общий кругозор/эрудированность человека, грамотная и литературная речь, а также «креативность, самостоятельность, глубина и гибкость интеллекта». С незначительным отрывом от когнитивных способностей в качестве неотъемлемых атрибутов интеллигенции перечисляются: знание и соблюдение норм и правил этикета, хорошие манеры, чувство такта, умение вести себя в обществе. Интеллигентный человек «ни при каких обстоятельствах не позволит себе повысить голос», «не будет отвечать грубостью на хамство», «всегда уступит место даме», — отмечают студенты. Портрет истинного интеллигента, с точки зрения опрошенной молодёжи, должен быть срисован исключительно с умного и образованного человека, непременно обладающего изысканной речью и утонченными манерами.

На третьем месте по популярности находится блок с морально-этическими характеристиками личности. Порядка 14 % студентов указывают, что интеллигенции в обязательном порядке должны быть свойственны такие качества, как порядочность, честность, ответственность, чувство долга и справедливости. Четвертое место уверенно занимает блок, акцентирующий внимание на психологических атрибутах и характеристиках интеллигенции: доброжелательность, эмпатия, отзывчивость, внимательность к окружающим, трудолюбие и т. д. Именно эти качества, в качестве обязательных для интеллигенции, перечисляют около 12 % анкетированных. Впрочем, около 15 % студентов считают их «не показательными» и «не принципиальными» с точки зрения определения принадлежности того или иного человека к интеллигенции.

Наконец, на последнем по популярности месте оказываются социально-ролевые маркеры понятия «интеллигенция». Порядка 7 % анкетированных молодых людей уверенно отнесли такие качества, как любовь к Родине, чувство ответственности за судьбу

страны и счастье народа, т. е. характеристики, прямо или косвенно связанные с т. н. социальной миссией, в разряд существенных и незначимых показателей принадлежности к интеллигенции. Лишь в небольшом проценте обрабатываемых анкет можно было разглядеть слабые намеки на особое значение морально-этического кодекса интеллигенции.

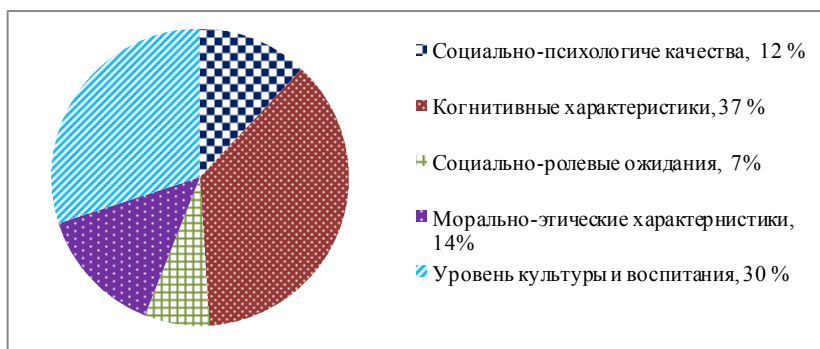

Рис. 2. Маркеры интеллигенции

Патриотизм, желание принести пользу Родине и соотечественникам в качестве отличительной черты интеллигенции назвали менее 10 % опрошенной молодёжи. Интересно, что даже те участники опроса, которые подчеркивали значение социальных установок, не проводили четких параллелей между социальной мотивацией человека и принадлежностью его к интеллигенции. Более того, с точки зрения подавляющего большинства опрошиваемой молодёжи, такие традиционные социальные маркеры интеллигенции, как готовность к служению своей стране и своему народу, чувство гражданственности, стремление принести пользу обществу — это установки, присущие «практически всем нормальным людям», независимо от того, относятся они к интеллигенции или нет. Крайне незначительный процент респондентов (порядка 8—9 %), описывая интеллигенцию, подчеркивает ее принадлежность к тому или иному социальному слою или группе. Примерно 25 % опрошенных проводят параллели между принадлежностью человека к интеллигенции и его профессиональной деятельностью.

Выводы

Термин интеллигенция, на первый взгляд, хорошо знаком и активно используется современным российским студенчеством как в повседневном общении, так и на уровне деловой коммуникации. Вероятность того, что его «потеснит» западный термин «интеллектуал», в настоящее время ничтожно мала.

Впрочем, подавляющему большинству респондентов этимология и наиболее традиционная для отечественного интеллигентоведения социологическая трактовка понятия «интеллигенция» (от латинского *intelligens* — ‘понимающий, мыслящий, разумный’, общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры)⁹ практически незнакома.

Следует отметить, что к близким выводам приходят и авторы аналогичных социологических исследований в других регионах страны. Например, Ю. Н. Рыжая в статье «Интеллигенция и интеллигентность в оценках студенческой молодёжи (по материалам социологического исследования)» отмечает: «В то же время респонденты не видят, что функция интеллигенции в обществе — профессиональный умственный труд. Это объясняется объективными причинами»¹⁰.

Данные проведенного на базе ИВГПУ социологического исследования убедительно показывают, что основными маркерами интеллигенции у большей части современного студенчества выступают не социальные (принадлежность к определенному социальному слою/группе/классу, профессия/род деятельности/вид занятий, социальные установки и мотивация), но когнитивные характеристики, а также общий уровень культуры и воспитания человека. В значительно меньшей степени учитываются морально-этические и психологические свойства и качества, выступающие, скорее, в роли более или менее значимых «штрихов», но не в качестве основных критериев принадлежности к интеллигенции. В глазах большей части опрошенной молодёжи практически любой человек, получивший достойное образование и воспитание, не использующий в своей речи грубых и нецензурных выражений, обладающий изысканными манерами, может быть причислен к числу интеллигенции. Вне зависимости от социальной

роли и статуса, нравственных и психологических характеристик, морально-этических и социальных установок, вида гражданства.

Фактически современное молодое поколение «растворяет» понятие «интеллигенция» в близком, но не тождественном понятии «интеллигентность» (лат. *intelligens, intelligentis* ‘знающий, понимающий, разумный’) — «высокий уровень развития интеллекта, образованность, высокая культура поведения»¹¹.

В свете вышесказанного, особого внимания заслуживает небезынтересное наблюдение Ю. Н. Рыжей, на социологическое исследование которой мы уже делали ссылку выше: «Следует отметить, что выпускники и студенты педагогического вуза в лучшую сторону отличаются от некоторых своих ровесников, обучающихся в других вузах страны, так как связывают интеллигентность с нравственностью. Особенно часто интеллигентность сводят к этикету, «правилам хорошего тона» студенты юридических и технических вузов. Например, социологи, исследующие в течение десятилетий изменения духовного облика студентов МГТУ им. Н. Э. Баумана, следующим образом оценивают данную редукцию понятий: «Интеллигентность и культурность не связываются с нравственностью и духовностью. Они скорее рассматриваются прагматически, как совокупность способностей, помогающих эффективно справляться с трудными ситуациями, лучше разбираться в людях и себе»¹².

В качестве первостепенных причин отмечаемых исследователем тенденций, и с этим невозможно не согласиться, справедливо указывается «трансформация ценностного сознания российского студенчества», объективно определяющаяся прагматизацией интересов российской молодёжи¹³.

Примечания

¹ Самарцева Е. И. Российская интеллигенция до октября 1917 г. (историографический очерк). Тула, 1998.

² Меметов В. С., В. Н. Расторгуев «Интеллигенция» // БРЭ. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (дата обращения: 27.10.2020).

³ Кошелева Л. А. Интеллигенция как феномен русской культуры: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000. С. 41—46.

- ⁴ *Толстых В. И.* Об интеллигенции и интеллигентности (культурно-личностный аспект) // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 83—98; *Омеличкин О. В.* Интеллигенция как субъект культуры // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991. Вып. 1. С. 88—89; *Коган Л. Н.* Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Интеллигенция в советском обществе: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово, 1993, С. 20—22; *Сергейчик С. И.* Российская интеллигенция: история и судьба. М., 2006.
- ⁵ *Бродский И.* Нобелевская лекция. URL: <https://ksunray.livejournal.com/156704.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- ⁶ *Булгаков С.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов: в 2 т. М., 1911. Т. 2; Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей 1909—1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М., 1991; *Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009.
- ⁷ *Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность. EBook 2008 // URL: https://imwerden.de/pdf/gasparov_intellektualy.pdf (дата обращения: 27.10.2020); *Куренной В. А.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. А. Куренного. М., 2006. С. 5—26; *Сергеев С.* Досоветская Россия (XVIII — начало XX века) // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М., 2009, С. 15—54.
- ⁸ *Коваленко С. В.* Интеллигенция как субъект социально-культурного творчества: философско-антропологические аспекты // Интеллигенция и мир. 2019. № 2. С. 58—71.
- ⁹ Современный энциклопедический словарь. URL: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1839617.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- ¹⁰ *Рыжская Ю. Н.* Интеллигенция и интеллигентность в оценках студенческой молодежи (по материалам социологического исследования) // Вестник КГПУ. 2007. № 3. С. 73—79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-i-intelligentnost-v-otsenках-studencheskoy-molodyozhi-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 27.10.2020).
- ¹¹ Новый словарь иностранных слов. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1423835.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- ¹² *Рыжская Ю. Н.* Указ. соч.
- ¹³ Там же. С. 79.

Е. А. Смирнов, Ю. М. Воронов

**РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ
И ПОВЕДЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РЕГИОНА
(По материалам социологического исследования
в Ивановской области)**

Введение

Каждый регион России имеет свои социокультурные особенности, исторические традиции, которые в своей совокупности во многом определяют репродуктивное поведение населения. Ивановская область, будучи депрессивным регионом старопромышленной зоны, за последние 30 лет демонстрирует низкие показатели рождаемости и высокие — смертности¹. Так, по данным официальной статистики, на 1 января 2019 года численность населения Ивановской области составила 1004180 человек (в том числе городское население — 81,6 % — 819463 человек, сельское население — 18,4 % — 184717 человек). В общей структуре населения доля граждан старше трудоспособного

© Смирнов Е. А., Воронов Ю. М., 2020

Смирнов Евгений Александрович — доктор социологических наук, профессор, директор филиала, заведующий кафедрой теории управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e.a.smirnov@bk.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Branch Director, Head of the Department of Management Theory, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation).

Воронов Юрий Михайлович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, voronov3227@mail.ru (Dr. Sc. (Political), Professor, Head of the Department of Humanities and Natural Sciences, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation).

возраста составила 26,9 %, лица трудоспособного возраста — 55,2 %, детское население — 17,9 %. За последние три года демографическая ситуация в Ивановской области имеет отрицательную динамику. В 2018 году в регионе родилось 9117 детей, что меньше на 768 детей по сравнению с 2017 годом (9885 детей). Суммарный коэффициент рождаемости на 1.01.2018 г. составил 1,4. До настоящего времени не удается остановить естественную убыль населения².

24 декабря 2018 года Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утвердил паспорт Национального проекта «Демография», одной из главных целей которого является рост коэффициента рождаемости с 1,62 до 1,7 (на одну женщину) к 2024 году за счет финансовой поддержки семей при рождении ребенка³.

С учетом возможностей, которые дает реализация национального проекта «Демография» Ивановской области, вполне вероятно достижение роста рождаемости. Утвержденный в 2019 году региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» позволит повысить коэффициент рождаемости (на женщину) с 1,4620 до 1,5730⁴. Вместе с тем одних мер поддержки по линии национального проекта недостаточно. При выработке эффективных методов и средств стимулирования рождаемости важно учитывать специфику социального самочувствия различных групп населения, включая такие, как место проживания, половозрастные особенности, уровень образования и тип занятости. Именно они могут иметь определяющее значение при решении вопроса о рождении или отказе от рождения ребенка.

Репродуктивное поведение выступает объектом социологического исследования довольно давно. Интерес к нему обусловлен нарастанием демографических проблем в обществе. Интерпретация ключевых для данного исследования понятий, таких как рождаемость, репродуктивное поведение, репродуктивные установки, мотивы репродуктивного поведения, социальное самочувствие, родительство основывается на современных подходах к ним, сформулированных в ряде работ отечественных исследователей⁵.

Целью данной статьи является изучение влияния высшего образования (включая наличие одного, нескольких высших образований и ученой степени) на мотивы и факторы репродуктивного поведения жителей Ивановского региона. Отметим, что изучение влияния уровня образования как фактора, определяющего мировоззрение и приоритеты человека, нередко становится темой для современного научного дискурса⁶. Не является исключением и интеллигентоведение, которое изучает особенности воззрений интеллигенции⁷.

Фактор образования традиционно исследуется в рамках социально-экономического анализа рождаемости. Образование выступает источником формирования дальнейшего социально-экономического положения индивида, влияя и на возможности на рынке труда и на величину потенциальных доходов. В более широком контексте образование населения выступает основополагающим фактором модернизации общества, приводя к изменению всего комплекса социальных норм поведения, в том числе репродуктивного. Образование — один из наиболее весомых социальных факторов, дифференцирующих рождаемость⁸.

Сформулированная цель обуславливает **методологию исследования**, которая представлена количественными методами социологии, в частности, анкетированием, позволяющим на основе репрезентативных данных выявлять характеристики различных аспектов жизнедеятельности социальных групп, в том числе факторов репродуктивного поведения. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетирования, проведенного во всех 27 муниципальных образованиях Ивановской области. Для проведения анкетирования населения применялась стратифицированная непропорциональная выборочная совокупность, которую составили жители Ивановской области репродуктивного возраста. Основными котируемыми признаками выступили: возраст, пол, место проживания. В каждом муниципальном образовании опрашивались жители репродуктивного возраста (от 18 до 49 лет) соответственно половозрастным различиям и месту проживания — город/село. Всего было проанкетировано 756 человек. Вся первичная информация обрабатывалась в программе SPSS.

Социально-демографические характеристики опрошенных

Из всей совокупности опрошенных 710 человек указали свой уровень образования, среди них респондентов с высшим образованием (а также имеющих несколько высших образований или ученую степень) — 42,1 %, респондентов со средним профессиональным и незаконченным высшим образованием — 41,1 %, с начальным и средним (общим) образованием — 16,8 %.

Среди имеющих высшее образование — 66,2 % женщин и 33,8 % мужчин. Данный факт имеет большое значение в рамках нашего исследования, поскольку многие демографы отмечают одним из факторов, влияющих на снижение рождаемости, именно рост образованности женщин. В других группах респондентов — со средним (полным) и средним профессиональным образованием — преобладают мужчины (64,1 % и 59,7 % соответственно).

Возрастная структура опрошенных, имеющих высшее образование, представлена практически равными частями во всех возрастных группах, за исключением группы 18—19-летних (0 %).

В рамках предмета исследования было важным проследить зависимость между уровнем образования, брачным статусом и количеством детей у респондентов. Выявлено, что из тех, кто имеет высшее образование — это респонденты, основная часть которых состоит в официальном браке (65,8 %) и имеет одного (43,1 %) или двух (30,3 %) детей. Примечательно, что 23,8 % высокообразованных лиц вообще не имеют детей. Можно предположить, что основную долю бездетных респондентов с высшим образованием составляют молодые люди, недавно получившие это образование, нацеленные, прежде всего, на трудоустройство и карьеру, и в силу этих причин не спешащие с деторождением.

Также выявлено, что почти половина опрошенных, имеющих высшее образование, проживают в городских округах (46,9 %). Это объективно обусловлено большими возможностями как для получения высшего образования, так и последующего его применения в рамках профессиональной деятельности. Треть опрошенных с высшим образованием проживает в сельских поселениях.

Распределение высокообразованных респондентов по субъективным оценкам своего экономического положения в целом

отражает экономическое положение семей в Ивановской области: основная часть (50,8 %) находится на краю бедности («живем от зарплаты до зарплаты, еле сводим концы с концами»), трети респондентов «приходится работать из всех сил», чтобы обеспечивать себе приличное существование, 7,4 % опрошенных живут в бедности и только 3,7 % «живут в достатке, ни в чем себе не отказывая».

Мотивы репродуктивного поведения

Как показывают исследования, факторы репродуктивного поведения — это жизненные условия, субъективное переживание которых влияет на принятие решения о рождении или не рождении ребенка. Прежде всего, подобным фактором выступает общая оценка жизни, восприятие будущего (рис. 1).

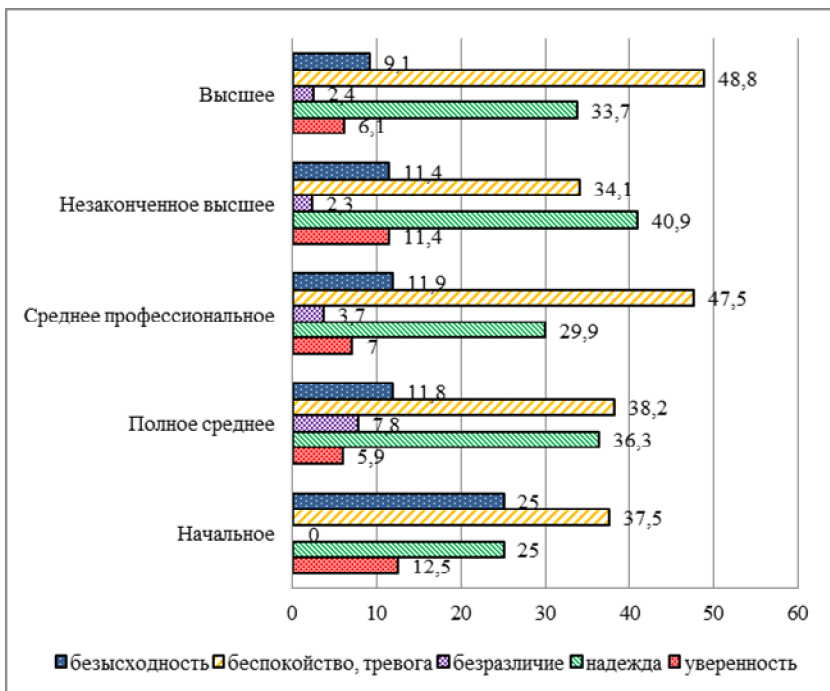

Рис. 1. Восприятие будущего в зависимости от уровня образования (n = 756), %

Итак, данные, представленные на рисунке 1, показывают нам, что группа респондентов с высшим образованием чаще других групп демонстрирует беспокойство и тревогу как характеристику социального самочувствия и реже — уверенность в завтрашнем дне — самый маленький результат по выборке — 6,1 %. Высокий уровень негативных характеристик социального самочувствия может быть объяснен тем, что люди с высшим образованием более рационально и критически воспринимают текущие события жизни.

Далее были выявлены представления об идеальном количестве детей в семье (рис. 2).

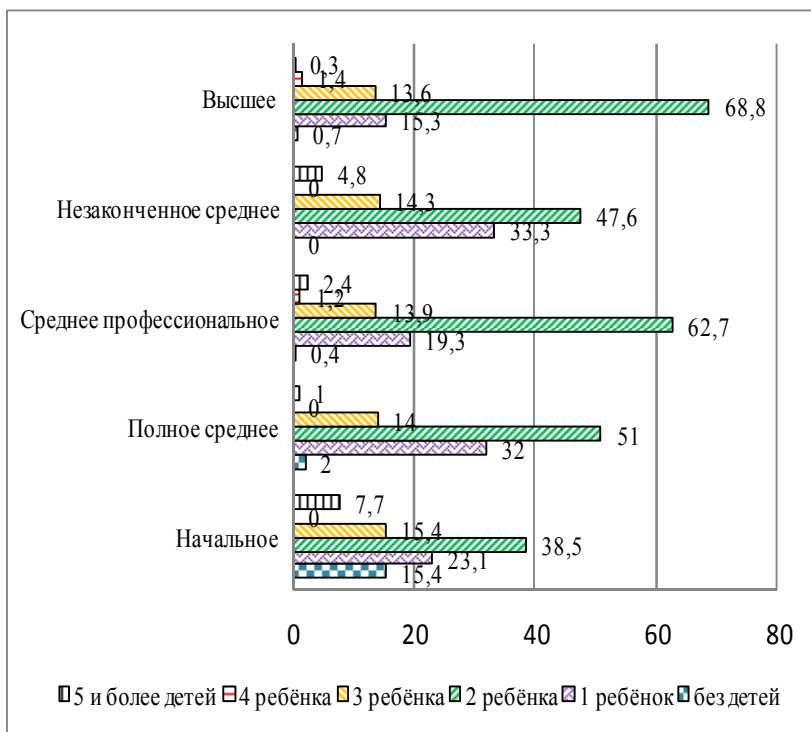

Рис. 2. Представления об идеальном количестве детей в зависимости от возраста (n = 756), %

Сравнительный анализ представлений об идеальном количестве детей показывает, что ивановцы с высшим образованием преимущественно ориентированы на двухдетную семью, лишь чуть более 15 % представителей этой группы считают идеальной семью с тремя и более детьми.

Рассмотрим теперь, как соотносятся идеальное и желаемое количество детей (рис. 3).

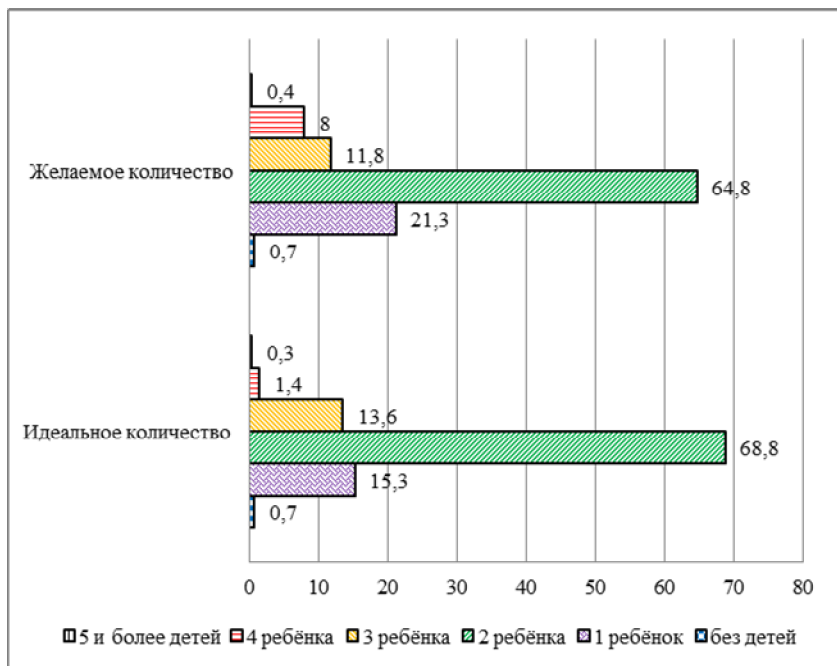

Рис. 3. Соотношение идеального и желаемого количества детей у жителей Ивановской области, имеющих высшее образование (n = 299), %

Как видим из рисунка 3, представления об идеальном и желаемом количестве детей в семье в целом схожи, за исключением того, что в изучаемой группе на 5 % больше тех, кто желает иметь в семье только одного ребенка и на 6,6 % больше тех, кто желает иметь в своей семье четверых детей.

Установки на количество детей должны подтверждаться действиями и наличием соответствующих планов по рождению. Поэтому обратимся к анализу планов населения репродуктивного

возраста по рождению ребенка (первого, последующего). Для этого респондентам был задан вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, второго, последующего) в ближайшие 3 года?» Как видим из таблицы 1, из группы респондентов с высшим образованием 36 % имеют точные планы и намерения рождения ребенка, 17,8 % откладывают рождение и 48,7 % не планируют рождения ребенка. Исследуемая группа, в отличие от прочих, демонстрирует наиболее четко сформулированную позицию в отношении репродуктивных планов: среди тех, кто затруднился ответить на этот вопрос, наши респонденты представлены менее всего — 15,4 %.

Таблица 1

Планы рождения детей в зависимости от уровня образования (n = 756), %

Уровень образования	Планы по рождению детей					Всего
	Я (жена/партнера) уже беременна	Да, в ближайшие 2 года	Да, но позже, пока откладываются/ем	Нет	Трудно сказать	
Начальное	6,3	0,0	12,5	56,3	25,0	100,0
Полное среднее	0,0	5,9	41,6	28,7	23,8	100,0
Среднее специальное	2,0	11,0	30,6	38,4	18,0	100,0
Незаконченное высшее	0,0	14,0	48,8	18,6	18,6	100,0
Высшее	3,4	14,8	17,8	48,7	15,4	100,0

Как показал социологический опрос, наиболее значимыми демотивирующими факторами рождения ребенка выступили семейная сфера и материальное благополучие. Для этого респондентов просили оценить различные аспекты этих групп демотивирующих факторов по 5-балльной шкале, где 1 балл — не мешает, а 5 баллов — очень мешает. Проанализируем полученные результаты по группе ивановцев с высшим образованием (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка причин в семейной сфере, препятствующих рождению
желаемого количества детей (n = 292), %**

Причины в семейной сфере	Оценка					Средняя оценка
	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	
Сложные взаимоотношения в семье	67,2	3,5	6,3	2,4	20,5	2,052
Нежелание партнера иметь столько детей	69,2	5,2	9,3	3,8	12,5	1,852
Боязнь ущемления интересов уже имеющихся детей	63,7	4,8	9,9	6,5	15,1	2,005
Родственники против рождения	80,3	3,8	5,2	3,8	6,9	1,532
Неудовлетворительное состояние моего здоровья	54,3	10,2	11,3	4,8	19,5	2,253
Неудовлетворительное состояние здоровья партнера	64,8	7,4	11,3	4,2	12,3	1,918
Стремление интереснее проводить досуг	72,2	5,8	10	5,8	6,2	1,680

Итак, из таблицы 2 видим, что среди причин в семейной сфере, препятствующих рождению ребенка, преобладают — неудовлетворительное состояние здоровья (2,253 %), сложные взаимоотношения в семье (2,052 %) и боязнь ущемления интересов имеющихся детей (2,005 %). В отличие от респондентов, не имеющих высшего образования, на решение о рождении ребенка практически не влияют такие причины, как мнение родственников и стремление интереснее проводить досуг.

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что среди причин в сфере материального благополучия, наиболее существенными выступают — неуверенность в завтрашнем дне (3,614 %) и текущие материальные трудности (3,544 %), менее существенными — жилищные трудности (2,484 %) и необходимость выплачивать ипотеку (2,345 %).

Таблица 3

**Оценка причин в сфере материального благополучия,
препятствующих рождению желаемого количества детей (n = 292), %**

Причины в сфере материального благополучия	Оценка					Средняя оценка
	1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	
Материальные трудности	21,8	6,8	14,6	8,8	48	3,544
Необходимость выплачивать ипотечный кредит	57,8	4,2	8,7	4,8	24,6	2,345
Неуверенность в завтрашнем дне	21,2	4,8	15,1	9,2	49,7	3,614
Жилищные трудности	48,6	8,3	11,8	8,7	22,6	2,484

В целом, мы видим, что ивановцы с высшим образованием представляют собой группу, которые имеет четко оформленные репродуктивные планы. Ведущим мотивом их собственной жизни является не столько уровень, сколько качество жизни, что предопределяет их основную репродуктивную установку — ориентацию на двухдетную семью.

Факторы репродуктивного поведения

Обратимся теперь к анализу оценок жителями Ивановской области существующих мер государственной поддержки родительства и детства, в том числе региональных, и к оценке мер демографической политики, которые могут повлиять на решение иметь детей / большее число детей.

При выявлении факторов, влияющих на решение иметь ребенка / еще одного ребенка, респондентов попросили оценить реализуемые в настоящее время меры государственной (региональной) поддержки, причем, не просто выбрать наиболее важные, а оценить степень влияния каждой меры на принятие данного решения по 5-ти балльной шкале, где 1 балл — не повлияло, а 5 баллов — очень повлияло. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Оценка мер, реализуемых в настоящее время, которые повлияли или могли бы повлиять на личное решение иметь больше детей (n = 751), %

Варианты ответа	Баллы				
	1	2	3	4	5
Пособие по беременности и родам	37,2	15,8	16,4	7,2	33,4
Единовременное пособие при рождении ребенка	33,2	6,4	16,9	6,4	36,9
Предоставление «материнского (семейного) капитала»	26,2	4,8	15,9	9,7	43,4
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности	53,4	7,2	10,3	5,9	23,1
Предоставление частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (в размере 40 % от заработной платы для работающих женщин), а также введение ежемесячного пособия по уходу за ребенком неработающим женщинам	34,1	6,5	14,7	9,9	34,8
Ежемесячное пособие на ребенка в семьях с низкими доходами	39,9	4,4	16,7	7,2	31,7
Предоставление жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях	32,6	5,9	17,4	8,7	35,4
Компенсация части затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных образовательных организаций	28,6	9,7	21,7	9,3	30,7
Сокращение подоходного налога родителям на каждого ребенка («стандартные налоговые вычеты», увеличивающиеся в зависимости от очередности рождения ребенка; «социальные налоговые вычеты», частично компенсирующие затраты на образование или лечение ребенка)	30,4	8,2	14,3	13,7	33,4
Родовой сертификат и возможность выбрать роддом	41,6	9,3	12,4	10,3	26,5
Предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет	49,3	16,2	15,2	4,5	24,8

Окончание табл. 4

Варианты ответа	Баллы				
	1	2	3	4	5
Предоставление регионального «материнского (семейного) капитала»	28,6	6,5	14,8	13,1	37,1
Бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства	44,4	7,8	15,4	7,8	24,6
Ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка до достижения им возраста 3-х лет	31,5	6,2	14,2	11,4	36,7
Предоставление детского питания детям до 1 года	38,9	8,9	17,4	8,5	26,3
Бесплатные лекарства для детей до 1(3) лет	31,3	9,2	17,7	11,9	29,9
Витаминно-минеральные комплексы для беременных женщин	44,5	8,6	17,5	6,2	23,3
Бесплатная психолого-педагогическая поддержка родителей	55,6	5,1	15,0	5,8	18,4

Итак, по мнению респондентов, *наименьшее* влияние на решение родить ребенка / ещё одного ребенка оказывают такие меры, как:

— единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности;

— предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет;

— бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства;

— витаминно-минеральные комплексы для беременных женщин;

— бесплатная психолого-педагогическая поддержка родителей;

— родовой сертификат и возможность выбрать роддом.

К числу *наиболее* влияющих мер были отнесены:

— предоставление «материнского (семейного) капитала»;

— предоставление жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях;

— предоставление регионального «материнского (семейного) капитала»;

— ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка до достижения им возраста 3-х лет.

Очевидно, что материальные меры поддержки, представленные либо значительными финансовыми выплатами или дающие возможность решить жилищный вопрос семьи, оцениваются как наиболее эффективные, а значит, способные повлиять на решение о рождении ребенка. Те меры, которые носят нематериальный характер или выплаты чисто «символические», оцениваются как наименее значимые.

Кроме оценки существующих мер поддержки, необходимо выявить, какие дополнительные меры могут простимулировать принять решение иметь еще одного ребенка. Респондентам был предложен перечень потенциальных мер государственной поддержки семей. Выяснилось, что самой действенной мерой могла бы стать льготная ставка по ипотеке для семей с двумя детьми и более (43,7%). На втором месте — «снижение пенсионного возраста (обратно пропорционально количеству детей)» (36,8%), на третьем — «возможность трудоустроится с гибким графиком» (30,7%).

Заключение

Материалы социологического исследования свидетельствуют о том, что жители Ивановской области с высшим образованием имеют четко оформленные репродуктивные планы, которые во многом обусловлены уровнем и качеством жизни людей.

Изученная группа чаще других групп демонстрировала беспокойство и тревогу как характеристику социального самочувствия и наиболее четко сформулированную позицию в отношении репродуктивных планов.

Основной репродуктивной установкой жителей Ивановской области с высшим образованием является двухдетная семья. Решение отказаться от рождения большего числа детей обусловлено текущими материальными трудностями и неуверенностью в завтрашнем дне.

Повлиять на изменение репродуктивных планов могло бы введение таких мер, как льготная ставка по ипотеке для семей с двумя детьми и более, снижение пенсионного возраста (обратно пропорционально количеству детей), возможность трудоустроиться с гибким графиком.

Примечания

- ¹ *Зубаревич Н., Хасанова Р., Флоринская Ю.* Социальное положение и демографическая ситуация в регионах в первом полугодии 2018 г. (по материалам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // *Экономическое развитие России.* 2018. № 9. С. 81.
- ² Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2019 года. URL: https://ivanovo.gks.ru/storage/mediabank/NAS19_Pr.pdf (дата обращения: 02.12.2019).
- ³ Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018. № 16). URL: <http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaehKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁴ Паспорт регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» (утв. губернатором Ивановской области). URL: <http://szn.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/73c/паспорт%20Фин.%20поддержка%20утв.%2004.06.2019.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁵ *Смирнов Е. А., Воронов Ю. М., Гафизова Н. Б., Цалко Е. О., Газаева А. А.* Отчет о прикладной научно-исследовательской работе (Аналитический отчет) по проведенному социологическому исследованию на тему «Факторы и мотивы репродуктивного поведения жителей Ивановской области». Иваново, 2019; *Гафизова Н. Б., Кодина И. Н., Панкратова Е. В.* Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области // *Вестник Ивановского государственного университета.* 2012. Вып. 1. С. 72—86; *Жук Е. И.* Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2016. № 1. С. 156—174; *Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики.* М., 2005; *Тындик А. О.* Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М., 2015; *Хачатрян Л. А.* Рождаемость в современном российском обществе: особенности и последствия // *Вестник Пермского университета.* 2011. № 4. С. 98—106;

Шелехов И. Л., Скрипачёва Е. Н. Репродуктивное поведение российских женщин // Вестник Томского государственного политехнического университета. 2009. № 2. С. 104—106.

⁶ См., напр.: Образование и его роль в формировании мировоззрения современного человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Зарайский. Саратов, 2017.

⁷ *Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрябина Е. В.* Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 40—44. См., об этом, также: *Меметов В. С., Юркин Н. Г.* Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 107.

⁸ *Тындик А. О.* Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М., 2015.

DOI: 10.46725/IW.2020.4.7

А. А. Ильина

ПИСЬМА ХРИСТИАНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: АЛКУИН И ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Введение

Алкуин (Альбин) Йоркский (ок. 735—804 гг.) известен отечественному читателю, прежде всего, как сподвижник Карла Великого, глава школы в Ахене и член придворной Академии поэтов. Между тем масштаб его личности не ограничивался пределами королевского двора, о чем свидетельствует его богатое эпистолярное наследие, насчитывающее около трех сотен писем, которые вполне могут стать предметом научного исследования.

Предполагая в настоящей статье проанализировать послания Алкуина, мы, с одной стороны, надеемся через сравнение его писем с образцами позднеантичной эпистолографии проследить степень преемственности культурных и социальных практик языческой Античности и христианского Средневековья, с другой же стороны, благодаря самим этим письмам заглянуть во внутренний мир христианского интеллектуала, познакомиться с вопросами и проблемами, занимающими умы его современников, выстроить схему сетевого общения Алкуина и благодаря этому понять, как далеко в Европе простиралось его духовное влияние и с представителями каких социальных слоев он общался.

© Ильина А. А., 2020

Ильина Анастасия Андреевна — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, sonya-k085@rambler.ru (Post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University).

Адресаты Алкуина

Как уже говорилось, до нас дошло почти три сотни писем Алкуина к самым разным адресатам, жившим, за редким исключением, на просторах обширного Франкского государства и Британских островах¹.

Причины, по которым именно эти письма были отобраны и сохранены Алкуином, разнообразны и могут стать темой отдельного исследования. Например, большое количество дошедших до нас посланий к епископу (а позднее архиепископу) Зальцбурга Арно объясняется, по-видимому, тем, что в 802 или 803 г. при архиепископской кафедре Зальцбурга был организован выпуск кодекса с произведениями Алкуина, включая и его письма². Не удивляет и то, что до нас дошло большое количество писем Альбина к Карлу Великому. Среди адресатов Алкуина также находятся члены семьи и приближенные Карла, представители британского и франкского духовенства, британские короли, римские папы. Тем не менее значительное число писем посвящено людям невысокого статуса. Это послания монахам различных монастырей, пресвитерам и священникам, о которых неизвестно ничего, кроме их имен, а также ученикам, не обладающим важными должностями. Алкуин, как видно, не замыкался на высшем слое общества и как духовный отец и наставник оставался открыт для всех, кто имел возможность его читать. И в этом, пожалуй, состоит главное отличие Алкуина — интеллектуала рубежа VIII—IX вв. — от его коллег времен поздней античности, стремившихся обособиться от остальной массы общества и обращаться в своем узком кругу³. А насколько вообще письма Алкуина являются продолжением античной эпистолярной традиции?

Письма Алкуина и античная эпистолярная традиция

Вместе с риторикой как школьной дисциплиной в средневековье пришла из античности также культура обмена посланиями со всеми ее основополагающими принципами. Поэтому не удивительно, что в коллекции писем Алкуина мы без труда встретим образцы известных со времен Цицерона посланий — от рекомендательных до благодарственных. Но вместе с тем этика христианского смирения явно заставляла отказываться от «обвинительных»,

«пренебрежительных» и «упрекающих» писем, столь популярных в античную эпоху. Даже в тех случаях, когда Алкуин обращается к своим оппонентам — приверженцам адопцианства — Феликсу Урхельскому и Элипанду Толедскому, он использует метод увещевания, наставления.

Как и в эпоху античности, письма воспринимались как публичный, а не личный литературный продукт. Так, Алкуин нередко просит адресата переслать копию своего письма кому-то ещё. Однако, на наш взгляд, делает он это не из желания блеснуть своими риторскими навыками, но стремясь поделиться своими взглядами с как можно большим количеством христиан, чтобы наставить их на путь праведности и тем самым поспособствовать их спасению.

В письмах Алкуина без труда можно обнаружить унаследованные от эпохи поздней античности риторические приемы. Следуя Цицероновскому учению о стилях, он избирает для каждой группы адресатов особый язык. Пышные сравнения, отсылки к различным сочинениям, патетические обращения и риторические рассуждения характерны для писем Алкуина к Карлу Великому и его окружению. В них Алкуин явно не чурается, подобно античным литераторам⁴, проявить свою ученость. Как и его «учителя», стремившиеся оттенить свой талант посредством напыщенной скромности⁵, Алкуин нередко отзывается о собственной персоне с заметным самоуничижением. В то же время письма Алкуина к другим адресатам, например, к менее известным и прославленным ученикам, отличаются более простым слогом.

Нередко Алкуин, как и его позднеантичные предшественники, ссылается в своих письмах на сочинения различных писателей, а это уже позволяет нам реконструировать круг его чтения, реконструкция которого по письмам при всех оговорках может быть вполне достаточной, чтобы определить место античной литературы в обществе христианских интеллектуалов рубежа VIII—IX вв.

Традиционно внимание к себе в средневековой литературе привлекают цитаты и аллюзии из античных трудов, позволяющие судить о той степени, в которой вместе со школьной наукой античность сохранялась в христианской интеллектуальной среде⁶. В своих письмах Алкуин несколько раз цитирует строки из произведений

Вергилия и Овидия, впрочем, не называя их по именам. Например, в письме к своему ученику и другу, зятю Карла Великого Ангильберту (академическое прозвище Гомер) наставник Альбин вставляет цитату из второй книги «Науки любви» Овидия: «Будь ты хоть сам Гомер — выставлен будешь, Гомер» (*Alc.* Ep. 97, S. 141). В другом письме, восхваляющем военную победу Карла Великого, он использует фразу из «Буколик» Вергилия: «*tela inter Martia*» (*Alc.* Ep. 149, S. 243). И это не единственные примеры, свидетельствующие о том, что не только автор писем, но и его адресаты знали этих великих язычников, которых они не обязательно читали полностью, но знали их либо по выдержкам из учебников по грамматике, либо по цитатам из христианских авторов.

В другом письме Алкуин утешает скорбящего по умершей супруге Карла словами Цицерона, который в 3-й книге «Тускуланских бесед» цитирует Анаксагора, добавляя, что исцеляются все — разумом или временем (*Alc.* Ep. 197, S. 326). При объяснении грамматических тонкостей в письме к Ангильберту Алкуин ссылается на грамматика Доната и Вергилия, а также неизвестного грамматика, чья культурная принадлежность не до конца ясна (*Alc.* Ep. 162, S. 261). Исполняя же просьбу самого Карла рассказать ему о движении звёзд, наставник Альбин скромно констатирует, что «слабым умом... пока не изучил смысла земных вещей», а потому должен обратиться к «изыскателю природных вопросов» — Плинию Старшему (*Alc.* Ep. 155, S. 250).

Судя по всему, интерес к Античности проявляло и окружение Флакка: в одном из писем Алкуин упоминает, что супруга Карла спрашивала его о Донате (*Alc.* Ep. 149, S. 244), а в другом жалуется на то, что его ученик предпочитает переписке со своим учителем чтение Вергилия: «О, если бы имя мне было Вергилий... мои речи ты изучал бы с прилежанием» (*Alc.* Ep. 13, S. 39).

Тем не менее имена античных корифеев встречаются в богатом эпистолярном наследии Алкуина не так уж часто: так, Вергилий упоминается в двадцати двух письмах, Гораций и Овидий — в четырех, Гиппократ — в трёх, Донат — в двух, Цицерон — в одном, судьба последнего постигла и Аристотеля. Вероятно, некоторые из них были знакомы автору писем по извлечениям из более поздних, христианских, писателей.

Очевидно, что обращение Алкуина к христианской письменной традиции более последовательное. Его письма наполнены прямыми цитатами из Писания и аллюзиями на него. Множество раз он упоминает сочинения Августина, Иеронима, Исидора Севильского. Неизвестному другу Алкуин советует чаще читать пастырскую книгу святого Григория (*Alc.* Ep. 39, S. 83). Её же он рекомендует в письмах к Арно (*Alc.* Ep. 113, S. 166), архиепископу Йоркскому Энбальду II (*Alc.* Ep. 116, S. 171), епископу Линдисфарна Хигбальду (*Alc.* Ep. 124, S. 181) и некоему пресвитеру (*Alc.* Ep. 209, S. 346). Стремясь убедить своих соотечественников-англосаксов в том, что нужно вести праведную жизнь и быть покорными власти архиепископа, Алкуин вспоминает Гильду Премудрого и Беду Достопочтенного. Впрочем, книги Беды, не имеющие отношения к британской истории, например, «*De temporum ratione*», оказываются полезны и на континенте. В одном из посланий к Карлу Алкуин цитирует «Письма к Ацирцию» Альдхельма (*Alc.* Ep. 145, S. 234), в другом — «Утешение философией» Бозция (*Alc.* Ep. 229, S. 373).

Нередко в одном письме «уживаются» обе традиции: Алкуину иногда бывает важным подкрепить суждения античных писателей авторитетом Писания и христианских авторов. Здесь уместно вспомнить, во-первых, уже упомянутое выше письмо к Карлу, написанное в связи с кончиной королевы, когда после слов Цицерона Алкуин сообщает, что по этому поводу сказано в Евангелии от Матфея, Псалтыри, Первом Послании к Тимофею, Послании к римлянам и Послании Иакова (*Alc.* Ep. 197, S. 326), во-вторых, письмо к Ангильберту, где, обсуждая вопросы грамматики, наряду с мнениями Доната и Вергилия Альбин ссылается на авторитет Амвросия, Исидора и Арнобия (*Alc.* Ep. 162, S. 261), в-третьих, рассказ о «блуждании звёзд», где рядом с именем Плиния стоит имя Беды Достопочтенного (*Alc.* Ep. 155, S. 250).

Иногда имеет место и противопоставление античных и христианских авторов, причем преимущество, разумеется, имеют последние. Так, в письме к Паулину Аквилейскому, говоря об орошении «томимого жаждой сердца», Алкуин использует в одном предложении и строку из шестой книги «Энеиды» Вергилия, и цитату из Евангелия от Иоанна, так что достойным этого «орошения» становится именно евангельский «источник воды, текущий

в жизнь вечную», а не «семиструйные нильские устья» античного поэта (*Alc.* Ep. 60, S. 103). В большинстве писем отчетливо прослеживается мысль о том, что христианским писателям следует уделять больше внимания, нежели языческим: «Нам нужно больше размышлять над наставлениями Евангелия, чем над строками Вергилия» (*Alc.* Ep. 178, S. 294).

При этом в педагогических трактатах, в частности, в диалоге «О грамматике», Алкуин подчеркивает авторитет Доната и показывает Вергилия образцом правильного латинского языка и совершенно не использует цитаты из Священного Писания⁷. Очевидно, это связано со школьной традицией, унаследовавшей античные образцы и учебники, и Алкуин-учитель не может отрицать полезность изучения античного интеллектуального наследия и стремится приобщить к нему своих учеников, в то время как Алкуин-наставник и духовный отец старается воспитать своих «детей» в духе христианской религии, ставя её выше опыта языческих ученых.

Если вернуться к сравнению писем Алкуина с эпистолографией времен поздней Античности, то необходимо заметить, что тематика его посланий гораздо шире и разнообразнее. Как духовный отец своих учеников, наставник светских правителей и человек Церкви, он чувствовал ответственность за спасение душ своих адресатов и за благополучие христианского общества. Рассмотрим тематику писем Алкуина более подробно.

Тематика писем

На протяжении всей своей жизни Алкуин сохранял интерес к родной Британии и внимательно следил за политическими изменениями в своем отечестве — Нортумбрии. Однако влияние, которое он пытался оказывать на местных правителей, в основном духовного плана. Так, в письме к аббату Корби Адалхарду, которое Алкуин написал в Нортумбрии, по-видимому, сразу после возвращения на престол короля Этельреда, мы читаем: «Тревожные вещи... застали меня на родине и обнаружили характер нового короля не таким, каким я ожидал. Однако мы дали кое-какие увещевания ему и другим» (*Alc.* Ep. 9, S. 35).

О том, что Алкуин в самом деле пытался наставить этого правителя, свидетельствует несколько более поздних писем к нему, посланных уже с континента, в которых наш герой рисует образ добродетельного короля, к которому должен стремиться его адресат, ибо «не подобает... сидящему на троне царского достоинства обладать грубыми нравами» (*Alc.* Ep. 30, S. 71). Когда же Этельред был свергнут и убит, Алкуин написал по этому поводу два утешительных письма его матери — аббатисе Этельтрит (*Alc.* Ep. 105, S. 151; Ep. 106, S. 152). Со смертью Этельреда интерес Алкуина к Нортумбрии не ослабеваает, и он пишет наставительное письмо теперь уже новому правителю королевства — Эрдвульффу (*Alc.* Ep. 108, S. 155).

Вместе с тем Алкуина волновали и дела другого англосаксонского королевства — Мерсии. В письме к Адалхарду Алкуин пишет о конфликте между Карлом и Оффой и о своей роли в его разрешении: «Я не буду возражать, если они пожелают направить меня, недостойного, в качестве весомой цены за мир. И, если ты знаешь хоть что-то о причине разногласия между прежними друзьями (то есть Карлом и Оффой. — *A. II.*), не скрывай её от меня» (*Alc.* Ep. 9, S. 35).

С самим Оффой Алкуин обсуждает убийство нортумбрийского короля Этельреда и сообщает ему, как к этому событию отнесся Карл Великий (*Alc.* Ep. 101, S. 147). Эта тема поднимается и в посланиях к дочери Оффы, аббатисе Эдильбурге (*Alc.* Ep. 102, S. 148; Ep. 103, S. 149), чья сестра, другая королевская дочь, была женой Этельреда, и в беспокойстве о которой Алкуин пытается утешить эту знатную деву.

После смерти Оффы и его сына Алкуин пишет письмо о сложившейся обстановке помощнику (*minister*) Оффы Осберту (*Alc.* Ep. 122, S. 178), а затем и новому мерсийскому королю Кенвульффу (*Alc.* Ep. 123, S. 180). Последнего Алкуин увещевает найти себе рассудительных советников, напоминая, что его соотечественники часто страдали за свои грехи. Советует он и держать в памяти все лучшее, что было в нравах предшественника нового правителя — короля Оффы.

Особенно волнуют Алкуина, разумеется, дела в британской церкви, начиная от судебных конкретных епископских кафедр и заканчивая проблемой распространения ереси адопцианства. Обладая

безусловным авторитетом в христианском сообществе, он обсуждает с архиепископом Йоркским Энбальдом I вопрос о его преемнике (*Alc.* Ep. 44, S. 90), а позже призывает архиепископа Кентерберийского Этельхарда восстановить свою власть над церковью, нарушенную вследствие мятежа (*Alc.* Ep. 128, S. 189). Стремясь помочь ему в этом, Алкуин пишет послание также его людям, в котором, ссылаясь на сочинение Гильды Премудрого, советует им призвать Этельхарда — «мужа почитаемого и благоразумного» — обратно (*Alc.* Ep. 129, S. 192).

Когда же в 793 г. норманнами был разграблен монастырь святого Кутберта на острове Линдисфарн у восточного побережья Англии⁸, Алкуин отреагировал на это событие целой серией писем. Эти послания говорят о том, насколько обеспокоило нападение норманнов христианскую интеллектуальную элиту того времени. Необходимо отметить, что в этих письмах Алкуин не только объясняет причины случившейся катастрофы, возлагая ответственность на самих пострадавших, но и даёт советы по предотвращению подобных трагедий в будущем, а также одним из первых в англосаксонской Британии четко определяет зоны ответственности мирян и духовенства, конструирует образ идеального священнослужителя. Так, посредством цитат из Священного Писания Алкуин призывает своих духовных адресатов уподоблять себя апостолам и быть достойными имени «светочей всей Британии». Неудивительно, что сформулированные Алкуином идеи оказались востребованными в дальнейшем, и значительные отрывки из одного из писем, посвященных набегу, слово в слово будут повторены в одном из писем святого Дунстана, архиепископа Кентерберийского⁹.

На протяжении многих лет Алкуина беспокоило распространение адопцианской ереси, о чем свидетельствуют многочисленные письма, в которых упоминается впавший в заблуждение епископ Уржеля Феликс и его сторонники. Деятельное участие Алкуина в борьбе с этой ересью так отразилось в сознании его потомков, что автор *Vita Alcuini* даже полагал, что отец Альбин прибыл во Франкское государство именно с этой целью¹⁰.

Самому Феликсу Алкуин отправил два письма. В первом он заводит с ним знакомство (*Alc.* Ep. 5, S. 30), во втором же —

пытается добрыми уговорами и ссылками на сочинения святых отцов отвлечь своего адресата от «лживых суждений» (*Alc.* Ep. 23, S. 62). Существует и одно письмо к сподвижнику Феликса, епископу Толедо Элипанду (*Alc.* Ep. 166, S. 268). В нем Алкуин также пытается вывести заблудшие души на истинный путь, привлекая в качестве аргументов сочинения Августина и Иеронима.

Алкуин касается этой «испанской ереси» во множестве других посланий, которые помогают нам в какой-то степени восстановить последовательность событий. Так, он раскрывает суть заблуждений Феликса в одном из писем к Карлу Великому (*Alc.* Ep. 41, S. 84), делится своими переживаниями с йоркскими монахами (*Alc.* Ep. 43, S. 87), пытается оградить от ошибок монахов Готии, находящихся в непосредственной близости от областей, где распространилось адопцианство (*Alc.* Ep. 137, S. 210). Посылая им письмо с объяснением сути ереси, Алкуин также просит монахов отправить экземпляр этого письма их братьям на Леринские острова (*Alc.* Ep. 137, S. 216). Затем Алкуин посылает Карлу свое сочинение, направленное против адопцианства (*Alc.* Ep. 145, S. 231), и также, сообщив, что знакомится с книгой Феликса (*Alc.* Ep. 148, S. 237), просит Карла послать экземпляры этой книги Паулину Аквилейскому, Рихбоду Трирскому и Теодульфу Орлеанскому (*Alc.* Ep. 149, S. 242), видимо, стремясь заручиться их поддержкой. Теодульфу же Алкуин также обещает прислать некую книгу против Феликса (*Alc.* Ep. 160, S. 259). В другом письме Альбин благодарит Карла за то, что тот приказал читать вслух его книгу, обращенную против этих еретиков (*Alc.* Ep. 172, S. 284). Кроме того, Алкуин снабжает догматами против адопциан монахиню Гундраду (*Alc.* Ep. 204, S. 337).

Несколько писем Алкуина посвящено и другой теме — крещению аваров, с которыми вел войны король Карл. Наставник Альбин призывает и его (*Alc.* Ep. 110, S. 157), и Арно (*Alc.* Ep. 107, S. 153), отправившегося, по-видимому, в эту миссию, и приближенного Карла Мегенфрида (*Alc.* Ep. 111, S. 159), чтобы к аварам были посланы кроткие и бескорыстные священники. «И будь проповедником благочестия, а не сборщиком десятины» (*Alc.* Ep. 107, S. 154), — пишет Алкуин Арно. А затем напоминает

ему о саксах, которых «десятина... отвратила от веры» (*Alc.* Ep. 107, S. 154). В другом письме к Карлу Алкуин увещевает его позволить военным противникам выкупить пленников (*Alc.* Ep. 118, S. 173).

Впрочем, Алкуина волновали не только дела церкви. Время от времени в его письмах поднимаются вопросы, связанные со свободными искусствами. А в посланиях, адресованных мирянам, мы читаем советы Алкуина, обращенные к тем, кто строит свою карьеру на светском поприще. Например, из письма к графу Мегинхеру мы узнаем, что граф сам попросил Альбина дать ему наставление, что тот и не преминул сделать: «Верен будь господам, которых дал тебе Бог, будь благосклонен друзьям, равно относись ко всем людям, будь щедрым с обездоленными. Прощай обиды должникам своим и виноватым перед тобой, чтобы простил тебе Бог, если ты сделал что-то против Его воли» (*Alc.* Ep. 33, S. 75). Сыновьям Карла Алкуин также отправляет наставительные письма, призванные сделать их мудрыми и справедливыми правителями.

Важной темой писем Алкуина оказывается обмен книгами. Нередко он прикладывает к письмам собственные сочинения. Радо, аббату святого Веста Аппасского, Алкуин посылает житие святого Веста, которое он «постарался улучшить» (*Alc.* Ep. 74, S. 116), Беорнраду, архиепископу Сенса, — книгу жизни святого Виллиброрда, гомилию о нем и элегию о святом Вильгельме, его отце (*Alc.* Ep. 120, S. 175), а Гисле и Ротруде — свои комментарии на Евангелие от Иоанна (*Alc.* Ep. 195, S. 322). Кроме собственных Алкуин нередко активно делился сочинениями других авторов из собственной библиотеки, а также искал у собеседников необходимые ему самому труды. В письме к некоему ученику Алкуин обещает отправить ему сочинение Беды, как только он получит его от Гислы (*Alc.* Ep. 88, S. 132). Стремясь же наиболее полно ответить на вопросы Карла относительно движения звезд, Алкуин просит прислать ему «первые книги... учителя Плиния» (*Alc.* Ep. 155, S. 250). А у Ангильберта наш ученый муж спрашивает, может ли он ему передать «ради знакомства с некоторыми вещами» книгу Иордана «О происхождении и деяниях готов», если она у него есть (*Alc.* Ep. 221, S. 365).

Выводы

Таким образом, анализ эпистолярного наследия Алкуина позволяет нам делать вывод о том, что в какой-то степени он является продолжателем традиции позднеантичной эпистолографии. Это касается в основном формы писем, способа их написания, использования особых риторических приемов. Тем не менее мы видим, что новая эпоха привнесла свои изменения. Круг адресатов интеллектуала рубежа VIII—IX вв. значительно расширяется: он пишет не только представителям высшей светской и духовной власти или равным себе, но и менее образованным и значимым людям, выступая для всех них духовным отцом и наставником. География влияния Алкуина также достаточно широка и распространяется от Нортумбрии до островов Средиземного моря (Леринский монастырь). Коммуникативная сеть охватывает значительную часть христианского мира. Таким образом, церковный интеллектуал видел свою миссию довольно широко, обращая свое слово ко всем христианам, вне зависимости от их социального положения и места проживания. Осознание Алкуином своей ответственности за адресатов диктует и тематику писем. Они могут быть посвящены объяснению обязанностей тех или иных членов христианского сообщества, определению зоны ответственности мирян и духовенства, конструированию образа идеального священнослужителя или праведного мирянина. В письмах Алкуина мы можем найти отклик на важные проблемы современного для него общества: борьбу с адопцианством, крещение язычников и т. д.

Примечания

- ¹ Далее ссылки на письма Алкуина приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием номера послания и страницы по изданию: *Alcuini sive Albini epistolae // MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II) / Rec. E. Duemmler. Berlin, 1895. S. 1—481.*
- ² *Bullough D. A. Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands, 2004. P. 52.*

- ³ Беркова Е. А. Поздняя римская эпистолография (IV—V вв. н. э.) // Ан-
тичная эпистолография: очерки / АН СССР. Институт
мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1967. С. 262.
- ⁴ Там же. С. 272.
- ⁵ Там же. С. 274; Тюленев В. М. Эннодий и Померий: к истории одного
письма // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.:
Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. С. 71.
- ⁶ Bullough D. A. Op. cit. P. 277.
- ⁷ Ненарокова М. Р. Учебный текст в раннесредневековой школе: един-
ство в многообразии // Возлюблю слово как Ближнего: Учебный текст
в позднюю античность и раннее средневековье: исследование состава
школьного канона III—XI вв.: сб. науч. статей и переводов / под об-
щей ред. М. Р. Ненароковой. М., 2017. С. 930.
- ⁸ Plummer Ch. M. A. Two of the Saxon Chronicles Parallel. Vol. 1. Oxford,
1892. P. 57.
- ⁹ Stubbs W. Memorials of Saint Dunstan, archbishop of Canterbury. Cam-
bridge, 2012. P. 401.
- ¹⁰ Bullough D. A. Op. cit. P. 419.

DOI: 10.46725/IW.2020.4.8

Г. А. Будник

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ НОРВЕЖСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Рец. на кн.: *Абрахамсен Э.*

**Из Серёгова в Онегу: воспоминания
о норвежском лесном бизнесе в России
/ пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной,
Е. С. Котловой, М. Бьеркинг.**

**Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т
им. М. В. Ломоносова, 2016. 214 с.**

Книга воспоминаний Эгиля Абрахамсена (1893—1977) — одного из норвежских предпринимателей, связавшего свою жизнь с лесной промышленностью Европейского Севера России, была закончена им в 1960-е годы. В ней автор описывает свою жизнь в России с 1908 года, когда 15-летним юношей он оказался в Архангельской глубинке и до 1928 года (с четырехлетним перерывом в 1919—1923 гг.).

Воспоминания состоят из пяти глав. В первой главе Э. Абрахамсен рассказывает о своем детстве в Норвегии, во второй — самой большой по объему — о жизни и работе в России

© Будник Г. А., 2020

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, budn@inbox.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin).

в 1908—1919 годах, в третьей — о возвращении в Норвегию, в четвертой — вновь о работе в России в 1923—1928 годах, и в последней главе — о работе в Лондоне и служебных командировках в СССР.

Книга содержит научно-справочный аппарат и большое количество уникальных фотографий из архива автора, его родных и коллег, а также фондов Норвежского лесного музея в городе Эльверум.

Впервые мемуары Эгиля Абрахамсена вышли на норвежском языке в издательстве «Ограна» в 2015 году. Русское издание воспоминаний не осталось незамеченным читателями¹. Книга передана в ведущие библиотеки Российской Федерации².

Несомненным достоинством книги является ряд наблюдений автора о событиях 1917—1919 годов, о проблемах, сложностях и перспективах развития российско-норвежских внешнеэкономических отношений тех лет. Автор не был непосредственным участником Великой российской революции и Гражданской войны, он наблюдал происходившее со стороны. Однако свидетельства очевидца — вдумчивого иностранца, который уже достаточно долго прожил в России, но сохранил по отношению к российскому государству определенную дистанцию — полезны как специалистам, так и всем тем, кто интересуется историей XX века. Э. Абрахамсен не анализирует причины событий, современником которых ему пришлось быть, но передает общую атмосферу жизни и настроений населения Европейского Севера России.

Автор отмечает, что в годы Первой мировой войны норвежский лесопильный промысел в России успешно развивался, т. к. каких-либо серьезных изменений, если не считать мобилизацию многих работников, в Онеге не произошло. «Те годы были финансово успешными для Норвегии, и, по-видимому, там было легко раздобыть денег на любое дело. Все думали, что Россия будет благодатным краем для работы после войны» (с. 122)³. Однако «военные действия складывались не в пользу России и вызывали недовольство населения царским управлением и бюрократией, становилось трудно с продовольствием и одеждой, по всей стране распространялись страх и беспокойство. Слухи о Распутине и оргиях при дворе дошли даже до наших краев,

говорили о революции. Рождество 1916 года, однако, было мирным, с праздником и карнавалом в клубе и т. п.» (с. 127—128).

Однако, как известно, в конце февраля 1917 года в Петрограде произошла революция. В Архангельске о революции узнали практически сразу. «Море людей с красными знаменами были преисполнены восторга, постоянно играли военные марши, а по улицам трудно было пройти. <...> Чиновники были отстранены от дел, но каких-либо эксцессов в виде убийств и грабежей не происходило» (с. 130).

В целом, в первые послереволюционные месяцы на севере страны, по свидетельству Э. Абрахамсена, было спокойно. Между редкими деревнями Онежского полуострова не было ни телефонной, ни телеграфной или почтовой связи, новости и почта доставлялись сюда редко и с опозданием. «Более или менее надежные слухи кочевали из деревни в деревню вместе с такими редкими явлениями, как, например, я и мой кучер. Всегда бросалось в глаза то, что там, где я останавливался, люди начинали думать, что что-то не так с царем-батюшкой, который для них был единственным олицетворением власти. Правительство, не говоря уже о партиях, их не интересовало. Царь в Петрограде, губернатор в Архангельске и его представитель в округе исправник — только на их долю приходилось исполнение воли Божьей и суд» (с. 130).

С ноября 1917 по январь 1918 года иностранным предпринимателям на севере России работать было достаточно хорошо. Руководящие посты в созданных здесь Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов занимали в основном меньшевики. На лесопилке, которой руководил Абрахамсен, был также создан заводской комитет. Не имея опыта управления производством, члены комитета долго, часто на митингах, обсуждали различные, порой малозначимые вопросы, что отнимало время от основной работы. Выдвигались требования, многие из которых, по мнению предпринимателей, трудно было удовлетворить. Так, заводской комитет «требовал равномерной оплаты труда для всех: мужчин, женщин, подмастерьев и помощников». Возражения Э. Абрахамсена были названы «капиталистическими тонкостями» и отклонены. Также против его воли было принято и решение о стопроцентной оплате больничных. В результате

к середине лета 1917 года работа на лесопилке приняла хаотический характер. «Оборудованием никто не занимался, рабочий ритм был нарушен, а люди, находящиеся на больничном, собирали морошку в лесу или рыбачили на отдаленных озерах» (с. 132). Э. Абрахамсен присутствовал на ежедневных заседаниях заводского комитета и объяснял свою позицию по вопросам организации производства. Постепенно рабочие стали его понимать. Началась здравая дискуссия, в июле 1917 года заводской комитет отменил свои предыдущие решения.

В январе 1918 года лесопилка и все ее активы были изъяты в пользу работников, а Абрахамсен отправлен в Онежскую тюрьму. Однако в заключении он пробыл недолго, т. к. заводской комитет лесопилки потребовал его освобождения под домашний арест. В апреле 1918 года его вновь попросили взять на себя руководство предприятиями, что он и сделал.

Описывая события первых лет советской власти, автор обращает внимание на наиболее «странные», с его точки зрения, решения большевиков. Например, отмену официального брака, как «капиталистического наследия».

В книге имеются отдельные сюжеты об иностранной интервенции. Как известно, в конце июня — начале июля 1918 года английские и американские войска, бывшие союзники России, оккупировали Мурманский край, 31 июля ими был захвачен город Онега, а 2 августа они высадились в Архангельске. Войска интервентов, как отмечено в воспоминаниях норвежского предпринимателя, вывезли из Онеги устройства для телеграфа и телефонной станции, и город оказался отрезанным от внешнего мира. «Единственное, что мы знали, это то, что где-то на юге — Красная армия, где-то на севере — союзные войска <...>. В городе было спокойно, хотя совсем не было никаких властей. Ситуация была поистине уникальной. Красные не дошли до нас, но были где-то неподалеку в лесу, союзники тоже не приходили, и не было никакого аппарата управления, который бы работал. Мы были ничьей землей...» (с. 149).

В 1919 году союзники стали уезжать. Американцы уехали первыми. Те из них, с кем Э. Абрахамсен общался, «были счастливы уехать, потому что, по их словам, вызвались воевать с немцами, но не представляли себе, что придется бороться

с русскими» (с. 151—152). Потом стали уезжать и английские военные. Наблюдение норвежца совпадают с мнением ученых. «После окончания в ноябре 1918 года Первой мировой войны командованию интервентов было нелегко объяснять цели пребывания своих войск в России, а в силу этого падал и их моральный дух», — писал В. Голдин⁴.

Позднее, размышляя об интервенции, Э. Абрахамсен писал: «Если реальной целью интервенции был разгром большевизма, то те, кто принимал эти судьбоносные решения, должны были помнить, что большевизм — это философия, идея, а идеи не могут быть расстреляны из пушки. С неугодными идеями можно бороться только другими, лучшими идеями, которые смогли бы захватить умы народа» (с. 176).

Воспоминания Э. Абрахамсена, как и многие другие мемуары, не дают полного представления о причинно-следственных связях происходивших событий. Поэтому вдумчивому читателю необходимо ознакомиться с мнением специалистов. Так, например, «очевидно, что главной целью необъявленной войны и нахождения интервентов в России и на Русском Севере являлась борьба против советской власти, а также реализация геополитических и экономических целей», — справедливо считает В. Голдин⁵. Также ряд фактов, упомянутых в книге, требуют уточнения (например, вызывает сомнение отсутствие конфликтов между российскими рабочими и норвежскими предпринимателями).

В 1918 году семья Абрахамсенов уехала из России, но в 1923—1928 гг., когда частный бизнес в СССР до некоторой степени был разрешен, Э. Абрахамсен вновь вернулся работать в нашу страну. Среди руководителей местных органов власти и предприятий он встретил и тех большевиков, с которыми работал в Онеге в первые послереволюционные годы. Но «это уже были совсем другие люди. <...> Те, кто прошел Гражданскую войну и голод, и хорошо себя зарекомендовал, были направлены на работу в промышленности для того, чтобы наладить ее. Люди эти были серьезны, их взгляд — жестким, они не болтали попусту и не суетились. <...> Заседания фабричного комитета тоже проводилось по-деловому, и если я приходил с новым предложением и был убедителен, то решение принималось немедленно» (с. 184—185).

Деятельность частных предпринимателей стала ограничиваться только с 1927 года. И семья Абрахамсенов покинула СССР. Позднее Э. Абрахамсен работал в банке Лондона и в 1936 году имел служебную командировку в северные районы СССР. Здесь его удивило и восхитило то, как много государство сделало «для культурного развития советских рабочих. У них была спортивная площадка для игры в футбол, дорожка для бега, сектор для прыжков в высоту и длину, а также для метания. Молодежь могла проводить там свободное время по вечерам. Построили также красивый клуб, где была небольшая библиотека..., а также можно было попить чаю. Я был впечатлен этим развитием... Будьте уверены, русские скоро заявят о себе в международном спорте» (с. 206—207), — говорил он своим спутникам.

Воспоминания Э. Абрахамсена, без сомнения, интересны и познавательны. Однако надо иметь в виду, что мемуары всегда субъективны, порой схематичны. Автор описывает главным образом то, что он хорошо знает. В данном случае — организацию норвежской лесной промышленности на Севере России. В результате создается достаточно одностороннее представление о роли норвежских предпринимателей в лесном бизнесе российского Беломорья. Некоторое разъяснение истории внешнеэкономических отношений России и Норвегии дается во вступительной статье, написанной Ингве Аструпом, в прошлом директоре Норвежского лесного музея в городе Эльверум. Так, в частности, он пишет, что в 1913 году в Архангельской губернии насчитывалось 43 лесопильных завода, 20 из которых принадлежали российским предпринимателям — остальные — бизнесменам из Англии, Франции, Германии, Нидерландов, стран Балтии и др. государств⁶.

На мой взгляд, одним из важнейших достоинств книги является описание быта и традиций жителей Европейского Севера России, а также природы этих мест. Автор сделал немало интересных зарисовок о жизни поморов, представителей православного духовенства, старообрядцев, крестьян и работников лесопилок, которых он «воспринимал как очень добрых» (с. 54), «величественных, красивых и отзывчивых» людей (с. 57), ко многим из них он «проникся любовью» (с. 83).

Увиденное в России вызывало у Э. Абрахамсена искренний интерес. Поэтому страницы, посвященные жизни и быту населения,

написаны наиболее красочно и лирично. Так, например, он подробно описал жизнь крестьянской общины в деревне Правдино, где жил в 1908—1909 гг. «... Правдино состояло из 200 домов, красивой церкви, магазина и почты. Правдино раскинулось широко и свободно на берегу реки Северной Двины, примерно в 40 километрах к северу от города Великий Устюг» (с. 50). Подробно описывается система землепользования, а также труд и быт крестьян. «Крестьяне всегда помогали друг другу. Если сгорал дом или сарай, то сразу организовывался сбор помощи. Заготавливали в лесу бревна и отвозили на место, также помогали в строительстве нового дома, уборке сена для скота и зерновых с полей. Охота и рыбная ловля были свободными... Сено косили коллективно на больших, ровных островках на реке. Они никогда не вспахивались, потому что удобрялись илом весной во время ледохода, когда река выходила из берегов. Каждая семья складывала сено для скота в большие стога, а зимой оно отвозилось домой. Покос сена и весенние работы на пашнях, такие, как вспашка, боронование и посев, производились мужчинами. Всеми остальными делами заправляли женщины: срезали и перевязывали колосья, молотили зерно палками, а не машинами» (с. 52—53). С уважением к умелому труду описывается то, как «мужчины отлично управлялись с топором и пилой, вырезали из дерева прекрасные изделия. Старики часто занимались резьбой по дереву зимой. Все в доме были чем-то заняты, так как в нем проживало сразу три поколения. Для деревенских жителей было совершенно немыслимо, чтобы старики жили отдельно» (с. 53).

Детально описываются в книге труд и быт лесорубов. Они жили в хижинах, построенных из неотесанных бревен. Хижины «были довольно-таки большими, квадратными, без окон, но с дымовыми отверстиями в потолке и квадратными дырками высоко в стенах, прямо под крышей для того, чтобы дым мог выходить наружу. Вдоль трех стен стояли койки, в высоту примерно полтора фута от земляного пола. В центре хижины было место для огня на утрамбованной глине. На глине были выложены круглые камни, взятые со дна реки, сложенные в живописную пирамиду таким образом, что когда небольшие дрова ... горели, то задевали верхушку камней и нагревали их. Такая система давала постоянное приятное тепло даже при наружной температуре в 40 градусов мороза. На койках сидели люди, которые жили

здесь со своими семьями или родственниками. Мужчины делали какую-либо работу: затачивали пилы и топоры или занимались резьбой по дереву, а женщины и девушки сидели и вязали. Всегда велся оживленный разговор» (с. 65—66).

Э. Абрахамсен, как предприниматель, не мог не обратить внимания на уровень зарплаты рабочих и цены на российских рынках. По его данным, в начале XX века «лесорубы получали зарплату примерно в 2,5 рубля в день, что считалось неплохой зарплатой в то время. Еда и все товары были дешевыми; тушу овцы можно было купить за три рубля. Соленая рыба была невероятно дешевой» (с. 62). Практичные в суровых условиях севера и долговечные «самодельные крестьянские тулупы» стоили всего лишь 3-5 рублей (с. 56), медвежий мех стоил 10 рублей, выдры и куницы — 12 рублей, беличий — полрубли. Цены на дичь — куропатка — 10 копеек, рябчик — 15 копеек (с. 67).

Серьезного внимания заслуживает то, как автор оценивает окружающих его людей: норвежцев, россиян, англичан. Рассказывая о них, он неоднократно подчеркивает, что ценит в людях образованность, культуру, профессионализм, честность, порядочность, чувство долга, высокие моральные качества. Так, например, огромное впечатление на Э. Абрахамсена оказала настоятельница одного из северных монастырей: дружелюбная, имеющая обширные знания не только в области русской литературы и искусства, но и норвежской, знающая о лютеранской церкви, к которой принадлежал автор, больше, чем в то время юный Эгиль (с. 83).

Основатель интеллигентоведения — научного направления по изучению интеллигенции России и мира — В. С. Меметов считал вышеназванные черты сущностными, базовыми характеристиками интеллигенции. Полагаю, что Э. Абрахамсен такой же смысл вкладывал в это понятие, т. к. он использовал термин «интеллигенция», «интеллигентные люди» на страницах книги.

В целом, воспоминания Эгиля Абрахамсена можно рассматривать как интересную книгу, расширяющую наше представление об истории и культуре России, а также Норвегии в первой трети XX века и формирующую уважительное отношение к населению обеих соседних стран.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Мокроусов А.* Русский лес, норвежская история // Московский книжный журнал. URL: <https://morebo.ru/tema/segodnja/item/1491115988004> (дата обращения: 07.08.2020).
- ² См., напр.: Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008656316> (дата обращения: 07.08.2020).
- ³ Здесь и далее указаны страницы рецензируемой книги.
- ⁴ *Голдин В.* Гражданская война и интервенция на Русском Севере. URL: <https://goarctic.ru/society/grazhdanskaya-voyna-i-interventsiya-na-russkom-severe/> (дата обращения: 23.05.2019).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной, Е. С. Котловой, М. Бьеркинг. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 20.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Оришев А. Б. Иранская интеллигенция, национализм и нацистская Германия // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 9—25. ББК 63.3(5Ирн)6

В статье анализируется ситуация в Иране накануне и в годы Второй мировой войны, когда противоборствующие стороны в лице Англии, Германии и СССР пытались привлечь на свою сторону иранскую интеллигенцию. Автор показывает, что накануне войны наибольших успехов на этом поприще достигли германские пропагандисты. Показаны основные темы, которые могли стать основанием для сближения нацистской Германии и шахского Ирана: пропаганда «арийского братства» и позиционирование Третьего рейха как защитника мусульман. Раскрыты каналы воздействия нацизма на иранскую интеллигенцию. Главный научный результат: показана эволюция национального самосознания иранской интеллигенции, определены основные причины конечного краха германской идеологической экспансии в Иран.

Ключевые слова: интеллигенция, национализм, пропаганда, национальная идея, арийство, ислам, экспансия.

Библиографический список

- Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране (Веймарская республика, третий рейх). М.: Наука, 1969. 157 с.
- Востров А.* Некоторые материалы о проникновении германского фашизма в Иран // Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936. № 34. С. 233—242.
- Гельбрас Г.* Крах фашистской авантюры в Иране // Исторический журнал. 1942. № 3—4. С. 63—64.
- Костромин Л. П.* Противоборство с фашистской агентурой в Иране // Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4: Советская разведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Международные отношения, 1999. С. 324—340.
- Кузнец Ю. Л.* «Длинный прыжок» — в никуда: Как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М.: Финансы и статистика, 1996. 256 с.

- Мамедова Н. М.* Иран: успешная операция Красной Армии в 1941 г. // Вторая мировая война и восток: монография. М.: ИВРАН, 2019. С. 174—84.
- Оришев А. Б.* Иранский узел. Схватка разведок. М.: Вече, 2009. 400 с.
- Орлов Е. А.* Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М.: Наука, 1975. 224 с.
- Пальгунов Н. Г.* Тридцать лет. Воспоминания журналиста и дипломата. М.: Политиздат, 1964. 351 с.
- [*Тарбийат Г. А.*] *Фарханг-е Тарбийат*. Фарси-алмани хави мотаджаваз аз бист-о пяндж хазар логат / на перс. яз. Тегеран, 1937. 568 с.
- Цкитишвили К. В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Тбилиси: Издательство ЦК КП Грузии, 1969. 490 с.
- Arfa H.* Under Five Shahs. New York: Morrow, 1965. 462 p.
- Johnston-White Iain.* Nazi Secret Warfare in occupied Persia (Iran): the failure of the German intelligence services, 1939—1945 // Intelligence and National Security. 2018. Vol. 33, iss. 2. P. 303—304.
- Malekpur A.* Die Wirtschaftsverfassung Irans. Berlin, б.и., 1935. 111 S.
- Mossaki N., Ravandi-Fadai L.* A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940s to the 1960s // Iranian Studies. 2018. Vol. 51, iss. 3. P. 427—454.
- Orishev A. B., Mamedov A. A., Tarasenko V. N., Grigoriev S. L., Aleksandrov A. V.* Red army in Iran: Unknown «occupation» // Revista San Gregorio. 2020. Iss. 37. P. 75—82.
- Osin V. M.* Military Mission of the Red Army in Iran (1941—1946). In the Documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Herald of an Archivist. 2015. Iss. 2. P. 27—42.
- O'Sullivan Adrian.* Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). The Success of the Allied Secret Services, 1941—1945. London: Palgrave Macmillan, 2015. 293 p.
- Sayre J.* Persian Gulf Command. Some Marvels on the Road to Kazvin. New York: Random House, 1945. 140 p.
- Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1958. Seattle: University of Washington press, 1959. 328 p.
- Tehrani A.* Iran. Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag, 1943. 99 S.
- Zare K., Saeidinia H.* Exploring and Explaining the Economic political relations between Iran and Soviet Union in the Second Pahlavi era emphasizing the system theory // Revista Genero & Direito. 2020. Vol. 9, iss. 2. P. 840—862.

Соловьев А. А. Интеллигенты из крестьян Иван Гольшев и Иван Сытин: книгоиздательская и просветительская деятельность // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 26—37.
ББК 63.3(2)53-283.2

Во второй половине XIX — начале XX века в области просвещения населения Российской империи и его приобщения к чтению было сделано немало. Реформы Александра II дали дополнительный импульс развитию книгоиздательского дела в российской провинции. Данная статья посвящена двум ярким представителям интеллигенции, выходцам из крестьян Верхнего Поволжья, И. А. Гольшеву и И. Д. Сытину. Безусловно, И. Д. Сытин стоит особняком среди выходцев из крестьянского сословия Костромской губернии. Он был крупнейшим дореволюционным книгоиздателем Российской империи. Крестьянин из слободы Мстёра И. А. Гольшев также внес немалый вклад в книгоиздательское дело России, но на уровне Верхнего Поволжья. Оба они изо дня в день по мере своих сил и возможностей, предпринимали всё от них зависевшее, чтобы книга, газета, журнал стали ближе к среднестатистическому горожанину и сельскому жителю. В статье на конкретных примерах продемонстрировано стремление И. А. Гольшева и И. Д. Сытина сделать так, чтобы как можно больше простых городских и деревенских обывателей отдавали предпочтение общению с печатным словом, а не праздному времяпрепровождению (часто со злоупотреблением алкоголем). Благодаря деятельности подобных подвижников просвещения (культуртрегеров) расширилась сфера воздействия печатной продукции на простое население Российской империи. В целом же книгоиздательская и просветительская деятельность героев этой статьи не выходила за рамки господствующей идеологии царской России, основанной на знаменитой триаде С. С. Уварова — «Православие — Самодержавие — Народность».

Ключевые слова: интеллигенция, книгоиздательское дело, просветительская деятельность, крестьяне, издания для народа.

Библиографический список

- Алтаев А.* Памятные встречи. М.; Л.: Искусство, 1946. 307 с.
- Гольшев И. А.* О действиях воскресной рисовальной школы и библиотеки для чтения в слободе Мстёре Владимирской губернии в 1863—1864 гг. // Владимирские губернские ведомости. 1864. № 21. С. 111—112. Неофициальная часть.
- Двадцатипятилетний юбилей учено-литературной и художественной деятельности Ивана Александровича Гольшева. Владимир, 1887. 82 с.

- Извлечение из отчета о действиях Богоявленского православного братства в слободе Мстёре Вязниковского уезда Владимирской губернии за первый год его существования с 14 октября 1864 г. по 14 октября 1865 г. // Владимирские губернские ведомости. 1865. № 23. С. 1323. Неофициальная часть.
- История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М.: Светотон, 2001. 400 с.
- Леткова Е.* Крепостная интеллигенция // Отечественные записки. 1883. № 11. С. 163—164.
- Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // Интеллигенция и мир. 2004. № 1—2. С. 22—32.
- Пятидесятилетие книжного и картинного производства фирмы И. А. Гольшера в слободе Мстёре Вязниковского уезда Владимирской губернии // Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1895. С. 79—102.
- Соловьев А. А.* Из истории книгоношества в России (На примере Владимирской губернии) // Библиотекосведение. 2013. № 5. С. 98—107.
- Соловьев А. А.* Научная интеллигенция Ярославской губернии в деле сохранения книжной старины и развития краеведения региона в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 21—31.
- Соловьев А. А.* Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 2. С. 9—21.
- Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М.: Книга, 1962. 285 с.
- Телешов Н.* Записки писателя. М.: Московский рабочий, 1958. 384 с.
- Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. (Материалы для библиографического словаря) / А. В. Смирнов. Вып. 2. Владимир, 1897. 264 с.

Федотова И. Н. Научная элита в условиях становления тоталитарного политического режима в СССР: судьба профессора Н. Д. Кондратьева // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 38—55. ББК 63.3(2)6-283.2

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что наследие выдающегося советского экономиста Н. Д. Кондратьева, репрессированного в 1930-е гг., нуждается в углубленном изучении как часть истории научной мысли, тесно связанная с общественно-политическими реалиями своей эпохи. Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть аргументацию, изложенную Кондратьевым

в дискуссии 1920-х гг. по проблемам планирования, в широком контексте разработанной им научно-экономической концепции.

В статье представлена характеристика таких аспектов научной деятельности Н. Д. Кондратьева, как конъюнктуроведение и перспективное планирование. Результаты проведенного анализа показывают, что Николаю Дмитриевичу удалось не только проделать большой путь в каждом из этих направлений исследовательского поиска, но и синтезировать их. Ключевая концептуальная идея, проходящая «красной нитью» сквозь все творчество Кондратьева, состояла в том, чтобы открывать и изучать объективные закономерности развития рыночной экономики с расчетом на максимально полное использование научного знания в интересах практики. Поэтому учение о больших циклах конъюнктуры следует рассматривать как фундамент, на котором основаны предложенные Кондратьевым теоретико-методологические принципы прогнозирования и планирования.

Содержание концепции Н. Д. Кондратьева в корне противоречило тем политическим приоритетам, которые были избраны руководством страны в конце 1920-х гг. Форсированная индустриализация и коллективизация, осуществлявшиеся за счет внеэкономического принуждения, неизбежно означали свертывание рыночных отношений и переход к директивным методам управления народным хозяйством. А это, в свою очередь, лишало экономистов-рыночников всякой возможности для продолжения исследований и свободного выражения научной позиции. Утверждая тоталитарный контроль над наукой, возглавляемая Сталиным правящая верхушка обрекла Кондратьева, как и многих его единомышленников и сподвижников, не только на вытеснение из профессиональной сферы, но и на физическое уничтожение.

Ключевые слова: Николай Дмитриевич Кондратьев, научная элита, экономическая наука, рыночная экономика, большие циклы конъюнктуры, теоретико-методологические принципы прогнозирования и планирования, тоталитарный политический режим, Советский Союз.

Библиографический список

- Агеев А. И., Мясоедов Б. А.* Сорокин и Кондратьев — два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 76—87.
- Аксенова А. И.* Суздаль. XX век. Страницы истории. Владимир: Посад, 2002. 288 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.: в 3 т. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

- Гловели Г. Д.* Йозеф Алоиз Шумпетер // Большая российская энциклопедия. URL: <http://www.bigenc.ru/philosophy/text/4923658> (дата обращения: 12.08.2020).
- Горбунов С. В., Шутов Г. К.* Узник «святого монастыря»: Краеведческие очерки. Иваново: Талка, 1994. 248 с.
- Горбунова Н. И.* Члены Центрального Комитета Трудовой крестьянской партии — узники Суздальской тюрьмы // Материалы исследований Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архит. и худож. музея-заповедника. Сб. 7. Владимир, 2001. С. 58—67.
- Ефимкин А. П.* Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М.: Финансы и статистика, 1991. 224 с.
- Кислицын С. А.* Научная элита в системе политической власти. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 288 с.
- Клюкин П. Н.* Николай Дмитриевич Кондратьев // Большая российская энциклопедия. URL: <http://www.bigenc.ru/economics/text/3830602> (дата обращения: 12.08.2020).
- Комлев С. Л.* Конъюнктурный институт (судьба научной школы Н. Д. Кондратьева) // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 163—180.
- Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды / сост. Ю. В. Яковец. М.: Экономика, 2002. 768 с.
- Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения / сост. В. М. Бондаренко, В. В. Иванов, С. Л. Комлев и др. М.: Экономика, 1993. 543 с.
- Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. 567 с.
- Кондратьев Н. Д.* Особое мнение: избранные произведения: в 2 кн. / сост. В. В. Симонов. М.: Наука, 1993. Кн. 1. 655 с.; Кн. 2. 719 с.
- Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.
- Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
- Кондратьев Н. Д.* Суздальские письма / под ред. Ю. В. Яковца. М.: Экономика, 2004. 879 с.
- Маркова О. И.* Из истории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря // Материалы исследований Гос. Владимиро-Сузд. ист.-архит. и худож. музея-заповедника. Сб. 5. Владимир, 1999. С. 91—97.
- Мау В. А.* Реформы и догмы. 1914—1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М.: Дело, 1993. 256 с.
- Медведев Р. А.* К суду истории: о Сталине и сталинизме. М.: Время, 2011. 656 с.

- Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: монография / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М.: Учитель, 2017. 384 с.
- Николай Дмитриевич Кондратьев / сост. К. П. Личко, Н. В. Дунаева, И. Д. Моисеева. М.: РГАУ—МСХА им. К. А. Тимирязева, 2012. 170 с.
- Политические деятели России. 1917: Биографический словарь / под ред. П. В. Волобуева. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
- Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
- Симонов В. В., Фигуровская Н. К.* Николай Дмитриевич Кондратьев (краткая биография) // Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. С. 524—534.
- Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая и др. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
- Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
- Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 344 с.

Зябликов А. В. Люди искусства, образования и науки в драматургии Виктора Розова // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 56—71.
ББК 83.3(2=411.2)6-46

В статье анализируется проблематика драматических произведений В. С. Розова, выявляются лежащие в их основе мировоззренческие, социальные и нравственные конфликты. Главный из них — столкновение юношеского порыва к правде, человеческому достоинству, красоте и благообразно-фальшивого мира мнимых ценностей, толкователями и защитниками которых нередко выступают люди, облеченные званиями, учеными степенями, общественным положением и профессиональным правом влиять на умы и вкусы подрастающего поколения. Характеризуются литературные герои, выступающие как носители различных жизненных представлений. Выявляются причины неоднозначной оценки писателем людей, представляющих сферы искусства, образования и науки. Позиция драматурга раскрывается в контексте дискуссий о социальной миссии интеллигенции, о ее особой ответственности и обязанно-

сти. Конфликт поколений рассматривается в контексте социальных процессов, характеризующихся деформацией ценностных приоритетов и влияющих на умонастроение юношества. Констатируется, что протестные настроения молодого поколения прямо пропорциональны той мере лжи, зла и несправедливости, которой характеризуется состояние ума и души взрослых людей. Делается вывод о том, что В. С. Розов как исследователь конфликта поколений продолжает и развивает традиции русской классической литературы.

Ключевые слова: социальный конфликт, социальный протест, мировоззренческий контекст, литературный герой, ценностный ориентир, воспитание, образование, наука, сарказм, миссия интеллигенции, В. С. Розов, А. И. Солженицын.

Библиографический список

- Зябликов А. В.* Семейная тема в драматургии В. С. Розова // Костромской гуманитарный вестник. 2014. № 1. С. 23—26.
- Зябликов А. В.* Традиции «вожжской» драмы в творчестве В. С. Розова // Щельковские чтения 2014. А. Н. Островский и культура конца XIX—XX века: сб. статей / Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского “Щельково”». Кострома, 2015. С. 173—183.
- Зябликов А. В.* Неапеллятивная лексика в драматургии В. С. Розова // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 65—70.
- Зябликов А. В.* Костромские мотивы в творчестве Виктора Розова. Кострома: б. и., 2017. 96 с.
- Петрачкова И. М.* Имена героев в драматургии В. С. Розова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2010. № 4. С. 106—112.
- Попов В. С.* Свет Розова. Люди театра, родные и близкие, ученики и критики о великом драматурге XX века Викторе Сергеевиче Розове. М.: Лит. учеба, 2013. 334 с.
- Розов В. С.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Инсценировки; Мысли о прочувствованном и пережитом. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 506 с.
- Розов В. С.* Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза. М.: Советский писатель, 1987. 496 с.
- Рудяк И. И.* Антропологическая точка Розова и Бахтина: вектор конструктивизма против вектора деспотизма // Язык и культура. Новосибирск, 2016. № 25. С. 89—94.
- Солженицын А. И.* Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28—46.

Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 10: Из Сибири. Остров Сахалин. Фельетоны. Статьи. Записные книжки. 1882—1904 гг. М.: Художественная литература, 1964. 639 с.

Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010. 672 с.

Скрябина Е. В., Кулешова И. Н. Понятие «интеллигенция» глазами современной российской молодёжи: социологическое исследование // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 72—80. ББК 60.543.132.1

Анализируется уникальный эмпирический материал, полученный в ходе социологического исследования, целью которого является детекция содержания, вкладываемого современной российской молодёжью в понятие «интеллигенция». Исследуется соотношение этого содержания с традиционным пониманием интеллигенции, представленным в ведущих отечественных социологических подходах: социально-экономическом, культурологическом, социально-этическом и других. В качестве метода сбора первичной социологической информации используется анкетный опрос, предполагающий осуществление респондентами ранжирования психологических, когнитивных, социально-ролевых, морально-этических маркеров интеллигенции, а также маркеров, характеризующих общий уровень культуры и воспитания человека. Выявляется, что в качестве основных респонденты преимущественно используют блоки, охватывающие когнитивные характеристики и маркеры общего уровня культуры и воспитания. В значительно меньшей степени учитываются морально-этические и психологические свойства и качества. Традиционные же социальные маркеры (принадлежность к определенному социальному слою/группе/классу, профессия/род деятельности/вид занятий, социальные установки и мотивация) остаются в аутсайдерах выборки. Складывается мнение, что в глазах современной российской молодёжи практически любой человек, получивший достойное образование и воспитание, не использующий в своей речи грубых и нецензурных выражений, обладающий изысканными манерами, может быть причислен к интеллигенции (вне зависимости от социальной роли и статуса, нравственных и психологических характеристик, морально-этических и социальных установок, вида гражданства). Делается заключение, что современная российская молодёжь «растворяет» понятие «интеллигенция» в близком, но не тождественном понятии «интеллигентность».

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигент, интеллигентность, социологический подход, выборка, социальная роль, маркер, воспитание, образование, гражданская позиция, молодёжь, студенчество.

Библиографический список

- Бродский И.* Нобелевская лекция. URL: <https://ksunray.livejournal.com/156704.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- Булгаков С.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов: в 2 т. Т. 2. М.: Т-во тип. А. И. Мамонов, 1911. 313 с.
- Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909—1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М.: Мол. гвардия, 1991. 462 с.
- Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция: история и судьба: сб. статей. М.: Наука, 1999. EBook 2008. URL: https://imwerden.de/pdf/gasparov_intellektualy.pdf (дата обращения: 27.10.2020).
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 299 с.
- Коган Л. Н.* Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Интеллигенция в советском обществе: межвуз. сб. науч. ст. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1993. С. 20—22.
- Коваленко С. В.* Интеллигенция как субъект социально-культурного творчества: философско-антропологические аспекты // Интеллигенция и мир. 2019. № 2. С. 58—71.
- Кошелева Л. А.* Интеллигенция как феномен русской культуры: дис. ... канд. культурол. наук. М.: Ин-т молодежи, 2000. 144 с.
- Куренной В. А.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. А. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 5—26.
- Меметов В. С., Расторгуев В. Н.* Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (дата обращения: 27.10.2020).
- Новый словарь иностранных слов. URL: <https://slovar.cc/rus/inostropov/1423835.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- Омеличкин О. В.* Интеллигенция как субъект культуры // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово: Притомское, 1991. Вып. 1: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (Кемерово, 19—21 марта 1991 г.) / редкол.: К. А. Заболотская, Л. И. Пыстина, Г. Г. Халиулин; отв. ред. В. Л. Соскин. С. 88—89.
- Рыжская Ю. Н.* Интеллигенция и интеллигентность в оценках студенческой молодёжи (по материалам социологического исследования) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2007. № 3. С. 73—79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-i-intelligentnost-v->

- otsenkah-studencheskoj-molodyozhi-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 27.10.2020).
- Самарцева Е. И.* Российская интеллигенция до октября 1917 г. (историографический очерк). Тула: Тул. гос. ун-т, 1998. 191 с.
- Сергеев С.* Досоветская Россия (XVIII — начало XX века) // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009, С. 15—54.
- Сергейчик С. И.* Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Локид-Пресс, 2006. 109 с.
- Современный энциклопедический словарь. URL: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1839617.html> (дата обращения: 27.10.2020).
- Толстых В. И.* Об интеллигенции и интеллигентности (культурно-личностный аспект) // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 83—98.

Смирнов Е. А., Воронов Ю. М. Репродуктивные установки и поведение интеллигенции региона (по материалам социологического исследования в Ивановской области) // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 81—95.
ББК 60.74(2Рос-4Ива)

Статья посвящена рассмотрению актуальных демографических проблем развития в депрессивном регионе Российской Федерации, где более тридцати лет демонстрируются низкие показатели рождаемости. В то же время регион имеет свои социокультурные особенности, исторические традиции, значительный научно-образовательный потенциал, которые в своей совокупности во многом определяют и репродуктивное поведение населения. Авторы на основании эмпирических данных предприняли попытку осмыслить данное противоречие и наметить подходы, которые позволят изменить ситуацию. Методология комплексного социологического анализа, сочетания количественных и качественных процедур, способствовали глубже изучить мотивы и факторы репродуктивного предпочтения и поведения интеллигенции. Впервые при изучении репродуктивных предпочтений и поведения системно использованы методы анкетирования и фокус-группового интервью, а также разработана мотивирующая к рождению детей онлайн анкета. По итогам исследования в статью обосновывается необходимость формирования отдельного направления решения проблем рождаемости, связанного с таким медицинским фактором, как подготовка специалистов в сфере мужского репродуктивного здоровья. Предложения ивановской медицинской интеллигенции получили поддержку Минздрава РФ. В статье обобщается актуальная повестка и намечаются направления развития институционального сопровождения реализации прорывных

национальных целей в области демографии. Одним из вызовов в организации управления демографическими процессами становится необходимость их постоянной корректировки, исходя из текущих изменений в законодательном регулировании и, что особенно важно, вовлеченности в практическую реализацию демографических национальных целей региональной интеллигенции. Выводы, сформулированные авторами, включают в себя широкий спектр предложений по совершенствованию программ, проектов и практик демографической политики.

Ключевые слова: Ивановская область, депрессивный регион, интеллигенция, демография, репродуктивные установки, социология.

Библиографический список

- Гафизова Н. Б., Кодина И. Н., Панкратова Е. В.* Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2012. Вып. 1. С. 72—86.
- Жук Е. И.* Репродуктивные установки москвичей молодого и среднего возраста // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 156—174.
- Зубаревич Н., Хасанова Р., Флоринская Ю.* Социальное положение и демографическая ситуация в регионах в первом полугодии 2018 г. (по материалам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2018. № 9. С. 75—88.
- Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрябина Е. В.* Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 40—44.
- Меметов В. С., Юркин Н. Г.* Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 105—119.
- Образование и его роль в формировании мировоззрения современного человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Зарайский. Саратов: ООО «Центр профессионального менеджмента “Академия Бизнеса”», 2017. 179 с.
- Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. 278 с.
- Смирнов Е. А., Воронов Ю. М., Гафизова Н. Б., Цалко Е. О., Газаева А. А.* Отчет о прикладной научно-исследовательской работе (Аналитический отчет) по проведенному социологическому исследованию на тему «Факторы и мотивы репродуктивного поведения жителей Ивановской области». Иваново: Ивановский филиал РАНХиГС, 2019.

Тындик А. О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 96 с.

Чачатрян Л. А. Рождаемость в современном российском обществе: особенности и последствия // Вестник Пермского университета. 2011. № 4. С. 98—106.

Шелехов И. Л., Скрипачёва Е. Н. Репродуктивное поведение российских женщин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 104—106.

Ильина А. А. Письма христианского интеллектуала: Алкуин и его эпистолярное наследие // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 96—107.

ББК 63.229(0)4

В статье изучается эпистолярное, насчитывающее более трехсот писем, наследие Алкуина Йоркского, пожалуй, самого яркого деятеля так называемого Каролингского возрождения, известного сподвижника Карла Великого.

Сравнение писем Алкуина с образцами позднеантичной эпистографии позволяет проследить степень преемственности культурных и социальных практик языческой Античности и христианского Средневековья. Кроме того, обращение к переписке Алкуина дает возможность заглянуть во внутренний мир христианского интеллектуала, познакомиться с вопросами и проблемами, занимающими умы его современников, выстроить схему сетевого общения Алкуина и благодаря этому понять, как далеко в Европе простиралось его духовное влияние, и с представителями каких социальных слоев он общался.

Ставя перед собой цель на основе анализа эпистолярного наследия Алкуина выявить характерные черты христианского интеллектуального сообщества рубежа VIII—IX вв., автор статьи определяет социальные и географические границы распространения писем Алкуина, выявляет преемственность его писем античной эпистолярной традиции, определяет и анализирует основные проблемы, затронутые в письмах Алкуина. Для достижения поставленной цели в статье применяется историко-антропологический подход с элементами семиотического анализа.

Преемственность переписки Алкуина традициям позднеантичной эпистографии отражается, прежде всего, в форме писем, способе их написания, использовании устойчивых риторических приемов. В то же время обращает на себя внимание изменение социального портрета адресата и, за счет этого, расширение круга адресатов, в который теперь входят не только представители высшей светской и церковной элиты,

но и недостаточно образованные и неблагородные люди, для которых Алкуин выступал духовным отцом и наставником. Анализ писем показывает, что осознание Алкуином своей ответственности за судьбу адресатов определяет тематику писем, многие из которых посвящены объяснению обязанностей тех или иных членов христианского сообщества, определению зоны ответственности мирян и духовенства, конструированию образа идеального священнослужителя или праведного мирянина.

Ключевые слова: Алкуин, античная эпистолография, Каролингское возрождение, раннесредневековые интеллектуалы.

Библиографический список

- Беркова Е. А.* Поздняя римская эпистолография (IV—V вв. н. э.) // Античная эпистолография: очерки / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1967. С. 260—284.
- Ненарокова М. Р.* «Бернские схолии» к «Буколикам» Вергилия: основы филологического анализа текста в раннесредневековой школе // Возлюблю слово как Ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее средневековье: исследование состава школьного канона III—XI вв.: сб. науч. статей и переводов / под общей ред. М. Р. Ненароковой. М.: Индрик, 2017. С. 677—690.
- Ненарокова М. Р.* Учебный текст в раннесредневековой школе: единство в многообразии // Возлюблю слово как Ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее средневековье: исследование состава школьного канона III—XI вв.: сб. науч. статей и переводов / под общей ред. М. Р. Ненароковой. М.: Индрик, 2017. С. 924—934.
- Рубцова Н. А.* Дидактический характер «Риторики» Алкуина // Проблемы литературной теории в Византийском и латинском средневековье / под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986. С. 236—248.
- Тюленев В. М.* Эннодий и Померий: к истории одного письма // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. С. 69—76.
- Alcuini sive Albini epistolae* // MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II) / rec. E. Duemmler. Berlin, 1895. S. 1—481.
- Bullough D. A.* Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands: Brill, 2004. 596 p.
- Plummer Ch. M. A.* Two of the Saxon Chronicles Parallel. Vol. 1. Oxford. At the Clarendon Press, 1892. 442 p.
- Stubbs W.* Memorials of Saint Dunstan, archbishop of Canterbury. Cambridge University Press, 2012. 490 p.

Будник Г. А. Революция 1917 года и Гражданская война в воспоминаниях норвежского предпринимателя. Рец. на кн.: Абрахамсен Э. Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной, Е. С. Котловой, М. Бьеркинг. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016 // Интеллигенция и мир. 2020. № 4. С. 108—116.
ББК 63.211

В рецензии анализируется книга воспоминаний норвежского предпринимателя Эгиля Абрахамсена о его работе в Архангельской губернии в 1908—1928 годах. Выделяются сюжеты, связанные с революционными событиями 1917 года, иностранной интервенцией, установлением советской власти на Европейском Севере России, свидетелем которых был автор. Обращается внимание на описание быта и традиций жителей Беломорья: поморов, представителей православного духовенства, старообрядцев, крестьян, лесорубов и работников лесопилок. Делается вывод, что книга расширяет представление читателей об истории и культуре России и формирует уважительное отношение к гражданам России и Норвегии.

Ключевые слова: Эгиль Абрахамсен, внешнеэкономические отношения Норвегии и России, революция 1917 года, иностранная интервенция, советская власть, быт и традиции жителей Европейского Севера России.

Библиографический список

- Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной, Е. С. Котловой, М. Бьеркинг. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2016. 214 с.
- Голдин В.* Гражданская война и интервенция на Русском Севере. URL: <https://goarctic.ru/society/grazhdanskaya-voyna-i-interventsiya-na-russkom-severe> (дата обращения: 23.05.2019).
- Мокроусов А.* Русский лес, норвежская история // Московский книжный журнал. URL: <https://morebo.ru/tema/segodnja/item/1491115988004> (дата обращения: 07.08.2020).

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Orishev A. B. Iranian Intellectuals, Nationalism and Nazi Germany, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 9—25.

The article analyzes the situation in Iran before and during the Second World War, when the warring parties represented by England, Germany and the USSR tried to bring the Iranian intelligentsia to their side. The author shows that on the eve of the war, German propagandists achieved the greatest success in this field. The main issues that could become the basis for the rapprochement of Nazi Germany and the Shah's Iran are shown: the propaganda of the «Aryan brotherhood» and the positioning of the Third Reich as a defender of Muslims. The channels of influence of Nazism on the Iranian intelligentsia are revealed. The main scientific result: the evolution of the national consciousness of the Iranian intelligentsia is shown, and the main reasons for the final collapse of the German ideological expansion into Iran are determined.

Keywords: intelligentsia, nationalism, propaganda, national idea, Aryanism, Islam, expansion.

References

- Agaev S. L. *Germanskiy imperializm v Irane (Veymarskaya respublika, tretiy reykh)*, Moscow: Nauka, 1969.
- Arfa H. *Under Five Shahs*, New York: Morrow, 1965.
- Gelbras G. Krakh fashistskoy avantury v Irane, *Istoricheskiy zhurnal*, no. 3—4, 1942, pp. 63—64.
- Johnston-White Iain. Nazi Secret Warfare in occupied Persia (Iran): the failure of the German intelligence services, 1939—1945, *Intelligence and National Security*, vol. 33, iss. 2, 2018, pp. 303—304.
- Kostromin L. P. Protivoborstvo s fashistskoy agenturoy v Irane, *Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki*: in 6 vols, vol. 4: Sovetskaya razvedka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, pp. 324—340.
- Kuznets Yu. L. «Dlinnyy pryzhok» — v nikuda: Kak byl sorvan zagovor protiv «Bolshoy troyki» v Tegerane, Moscow: Finansy i statistika, 1996.
- Malekpur A. *Die Wirtschaftsverfassung Irans*, Berlin: bez izdatelstva, 1935.
- Mamedova N. M. Iran: uspeshnaya operatsiya Krasnoy Armii v 1941 g., *Vtoraya mirovaya voyna i vostok*, monografiya, Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN, 2019, pp. 174—184.

- Mossaki N., Ravandi-Fadai L. A Guarded Courtship: Soviet Cultural Diplomacy in Iran from the Late 1940-s to the 1960-s, *Iranian Studies*, vol. 51, iss. 3, 2018, pp. 427—454.
- Orishev A. B. *Iranskiy uzal. Skhvatka razvedok*, Moscow: Veche, 2009.
- Orishev A. B., Mamedov A. A., Tarasenko V. N., Grigoriev S. L., Aleksandrov A. V. Red army in Iran: Unknown «occupation», *Revista San Gregorio*, iss. 37, 2020, pp. 75—82.
- Orlov E. A. *Vneshnyaya politika Irana posle vtoroy mirovoy voyny*, Moscow: Nauka, 1975.
- Osin V. M. Military Mission of the Red Army in Iran (1941—1946) in the Documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, *Herald of an Archivist*, iss. 2, 2015, pp. 27—42.
- O'Sullivan Adrian. *Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran). The Success of the Allied Secret Services, 1941—1945*, London: Palgrave Macmillan, 2015.
- Palgunov N. G. *Tridtsat let. Vospominaniya zhurnalista i diplomata*, Moscow: Politicheskoe izdatelstvo, 1964.
- Sayre J. *Persian Gulf Command. Some Marvels on the Road to Kazvin*, New York: Random House, 1945.
- Spector I. *The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1958*, Seattle: University of Washington press, 1959.
- [Tarbiyat G. A.] Farkhang-e Tarbiyat. *Farsi-almani khavi motadzhavaz az bist-o pyandzh khazar logat*, na persidskom yazyke, Teheran, 1937.
- Tehrani A. *Iran*, Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1943.
- Tskitishvili K. V. *Zakavkazye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941—1945*, Tbilisi: Izdatelstvo TSK KP Gruzii, 1969.
- Vostrov A. Nekotorye materialy o proniknovenii germanskogo fashizma v Iran, *Materialy po natsionalno-kolonialnym problemam*, iss. 34, 1936, pp. 233—242.
- Zare K., Saeedinia H. Exploring and Explaining the Economic political relations between Iran and Soviet Union in the Second Pahlavi era emphasizing the system theory, *Revista Genero & Direito*, vol. 9, iss. 2, pp. 840—862.

Solovyev A. A. Intellectual of peasant origin Ivan Golyshev and Ivan Sytin: book publishing and educational activities, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 26—37.

In the second half of the nineteenth and early twentieth centuries, a lot was done in the field of educating the population of the Russian Empire and introducing it to reading. The reforms of Alexander II gave an additional impetus to the development of book publishing in the Russian province. This article is devoted to two bright representatives of the intelligentsia, natives

of the peasantry of the Upper Volga region, I. A. Golyshev and I. D. Sytin. Evidently, I. D. Sytin stands alone among the representatives of the peasantry of the Kostroma province. He was the greatest pre-revolutionary book publisher of the Russian Empire. A peasant from the settlement of Mstera I. A. Golyshev also made a significant contribution to the book publishing business of Russia, but in the Upper Volga region. Both of them day after day, to the best of their abilities, made everything that depended on them, so that a book, a newspaper, a magazine could become closer to the average citizen and villager. The article demonstrates the desire of I. A. Golyshev and I. D. Sytin to make as many ordinary city and village residents as possible prefer addressing the printed word rather than spending time idly (often abusing alcohol). Thanks to the activities of such ascetic educators (cultural traders), the scope of influence of printed materials on the ordinary population of the Russian Empire has expanded. In general, book publishing and educational activities of the characters of this article did not go beyond the dominant ideology of tsarist Russia, based on the famous triad by S. S. Uvarov — «Orthodoxy — Autocracy — Nationality».

Keywords: intelligentsia, book publishing, educational activity, peasants, publications for the people.

References

- Altaev A. *Pamyatnye vstrechi*, Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1946.
- Dvadsatipyatiletniy yubiley ucheno-literaturnoy i khudozhestvennoy deyatelnosti Ivana Aleksandrovicha Golysheva*, Vladimir, 1887.
- Golyshev I. A. O deystviyakh voskresnoy risovalnoy shkoly i biblioteki dlya chteniya v slobode Mstere Vladimirskoy gubernii v 1863—1864 gg., *Vladimirskie gubernskie vedomosti*, no. 21, 1864, pp. 111—112, neofitsialnaya chast.
- Istoriya knigi* / pod red. A. A. Govorova, T. G. Kupriyanovoy, M.: Svetoton, 2001.
- Izvlечение iz otcheta o deystviyakh Bogoyavlenskogo pravoslavnogo bratstva v slobode Mstere Vyaznikovskogo uезда Vladimirskoy gubernii za pervyy god ego sushchestvovaniya s 14 oktyabrya 1864 g. po 14 oktyabrya 1865 g., *Vladimirskie gubernskie vedomosti*, no. 23, 1865, p. 1323, neofitsialnaya chast.
- Letskova Ye. Krepostnaya intelligentsiya, *Otechestvennye zapiski*, no. 11, 1883, pp. 163—164.
- Memetov V. S., Budnik G. A. Teoreticheskie osnovy formirovaniya intelligentsii v obrazovatelnom prostranstve vysshey shkoly, *Intelligentsiya i mir*, no. 1—2, 2004, pp. 22—32.

- Pyatidesyatiletie knizhnogo i kartinnogo proizvodstva firmy I. A. Golysheva v slobode Mstera Vyaznikovskogo uezda Vladimirskoy gubernii, *Pamyatnaya knizhka Vladimirskoy gubernii*, Vladimir, 1895, pp. 79—102.
- Solovyev A. A. Iz istorii knigonoshestva v Rossii (Na primere Vladimirskoy gubernii), *Bibliotekovedenie*, no. 5, 2013, pp. 94—103.
- Solovyev A. A. Nauchnaya intelligentsiya Yaroslavskoy gubernii v dele sokhraneniya knizhnoy stariny i razvitiya kraevedeniya regiona v kontse XIX — nachale XX veka, *Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2011, pp. 21—31.
- Solovyev A. A. Intelligentsiya Kostromy v dele sozdaniya obshchestvennykh chitalen v kontse XIX — nachale XX veka, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2012, pp. 9—21.
- Ytin I. D. *Zhizn dlya knigi*, Moscow: Kniga, 1962.
- Teleshov N. *Zapiski pisatelya*, Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1958.
- Urozhentsy i deyateli Vladimirskoy gubernii, poluchivshie izvestnost na razlichnykh poprishchakh obshchestvennoy polzy*, Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya / A. V. Smirnov, iss. 2, Vladimir, 1897.

Fedotova I. N. Scientific Elite in the Conditions of the Formation of the Totalitarian Political Regime in the USSR: the Fate of Professor N. D. Kondratyev, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 38—55.

The urgency of this article is determined by the fact that the legacy of the outstanding Soviet economist Nikolai Dmitrievich Kondratyev, who was repressed in the 1930s, needs in-depth study as a part of history of scientific thought, which is closely related to the socio-political realities of its era. The purpose of the author's work is to analyze the argument on challenges of planning, which was presented by Kondratyev in the course of the discussion in the 1920s, and to consider it within the broad context of his scientific economic concept.

The article presents the characteristics of such aspects of Kondratyev's scientific activity as market research and forward planning. The results of the analysis show that Kondratyev managed not only to go a long way in each of these areas of scientific research, but also to synthesize them. The key conceptual idea that is central in all of Kondratyev's scientific works was to discover and study the objective laws of market economy development with the aim of implementing scientific knowledge to the fullest extent possible in the practical purpose. Therefore, the doctrine of large cycles of conjuncture should be considered as the foundation on which Kondratyev built his theoretical and methodological principles of forecasting and planning.

The content of Kondratyev's concept was contrary to the political priorities that were chosen by the Soviet leadership in the late 1920s. Forced industrialization and collectivization, which were carried out at the expense of non-economic coercion, inevitably meant the collapse of market relations and the transition to the directive methods of economic management. For this reason, the researchers of market economy lost any opportunity to continue their scientific work and express their views. The ruling elite headed by Stalin, which asserted totalitarian control over science, doomed Kondratyev and many of his associates not only to be ousted from their professional sphere, but also to be physically destroyed.

Keywords: Nikolai Dmitrievich Kondratyev, scientific elite, economic science, market economy, large cycles of conjuncture, theoretical and methodological principles of forecasting and planning, totalitarian political regime, the Soviet Union.

References

- Ageev A. I., Myasoedov B. A. Sorokin i Kondratyev — dva perepletennykh puti, *Ekonomicheskie strategii*, no. 5, 2013, pp. 76—87.
- Aksenova A. I. *Suzdal. XX vek. Stranitsy istorii*, Vladimir: Posad, 2002.
- Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv.*, vol. 3: Vremya mira, Moscow: Progress, 1992.
- Gloveli G. D. Yozef Aloiz Shumpeter, *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: <http://www.bigenc.ru/philosophy/text/4923658> (accessed 12.08.2020).
- Gorbunov S. V., Shutov G. K. *Uznik «svyatogo monastyrya»: Kraevedcheskie ocherki*, Ivanovo: Talka, 1994.
- Gorbunova N. I. Chleny Tsentralnogo Komiteta Trudovoy krestyanskoy partii — uzniki Suzdalskoy tyurny, *Materialy issledovaniy Gosudarstvennogo Vladimirsko-Suzdalskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika*, sbornik 7, Vladimir, 2001, pp. 58—67.
- Yasnyy N. *Sovetskie ekonomisty 1920-kh godov. Dolg pamyati*, Moscow: Delo, 2012.
- Yefimkin A. P. *Dvazhdy reabilitirovannye: N. D. Kondratyev, L. N. Yurovskiy*, Moscow: Finansy i statistika, 1991.
- Khlevnyuk O. V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury*, Moscow: ROSSPEN, 2010.
- Kislitsyn S. A. *Nauchnaya elita v sisteme politicheskoy vlasti*. Moscow: Izdatelstvo LKI, 2013.
- Klyukin P. N. Nikolay Dmitrievich Kondratyev, *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*, available at: <http://www.bigenc.ru/economics/text/3830602> (accessed 12.08.2020).

- Komlev S. L. Konyunktorny institut (sudba nauchnoy shkoly N. D. Kondratyeva), *Repressirovannaya nauka*, pod obschchey redaktsiyey M. G. Yaroshevskogo, Leningrad: Nauka, 1991, pp. 163—180.
- Kondratyev N. D. *Bolshie tsikly konyunktury i teoriya predvideniya: Izbrannye trudy* / sostavitel Yu. V. Yakovets, Moscow: Ekonomika, 2002.
- Kondratyev N. D. *Izbrannye sochineniya*, sostaviteli V. M. Bondarenko, V. V. Ivanov, S. L. Komlev i drugie, Moscow: Ekonomika, 1993.
- Kondratyev N. D. *Osnovnye problemy ekonomicheskoy statiki i dinamiki: Predvaritelnyy eskiz*, Moscow: Nauka, 1991.
- Kondratyev N. D. *Osoboe mnenie: Izbrannye proizvedeniya*, in 2 books, sostavitel V. V. Simonov, Moscow: Nauka, 1993, b. 1, 2.
- Kondratyev N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki*, Moscow: Ekonomika, 1989.
- Kondratyev N. D. *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyutsii*, Moscow: Nauka, 1991.
- Kondratyev N. D. *Suzdalskie pisma*, pod redaktsiyey Yu. V. Yakovtisa, Moscow: Ekonomika, 2004.
- Markova O. I. Iz istorii Suzdalskogo Spaso-Yevfimieva monastyrya, *Materialy issledovaniy Gosudarstvennogo Vladimirsko-Suzdalskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika*, sbornik 5, Vladimir, 1999, pp. 91—97.
- Mau V. A. *Reformy i dogmy. 1914—1929. Ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma*, Moscow: Delo, 1993.
- Medvedev R. A. *K sudu istorii: o Staline i stalinizme*, Moscow: Vremya, 2011.
- N. D. Kondratyev: *krizisy i prognozy v svete teorii dlinnykh voln. Vzgl'yad iz sovremennosti*: monografiya, ed. by L. Ye. Grinina, A. V. Korotaeva, V. M. Bondarenko, Moscow: Uchitel, 2017.
- Nikolay Dmitrievich Kondratyev* / sostaviteli K. P. Lichko, N. V. Dunaeva, I. D. Moiseeva, Moscow: RGAU—MSKhA imeni K. A. Timiryazeva, 2012.
- Politicheskie deyateli Rossii. 1917: Biograficheskiy slovar*, ed. by P. V. Volobueva, Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 1993.
- Protasov L. G. *Lyudi Uchreditelnogo sobraniya: portret v interere epokhi*, Moscow: ROSSPEN, 2008.
- Shumpeter Y. A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya*, Moscow: Progress, 1982.
- Simonov V. V., Figurovskaya N. K. Nikolay Dmitrievich Kondratyev (kratkaya biografiya), Kondratyev N. D. *Osnovnye problemy ekonomicheskoy statiki i dinamiki: Predvaritelnyy eskiz*, Moscow: Nauka, 1991, pp. 524—534.
- Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928—1941 gg.*, comp. by A. V. Kvashonkin, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaya i drugie, Moscow: ROSSPEN, 1999.

Zyablikov A. V. People of arts, education and science in the dramatic works of Victor Rozov, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 56—71.

The article analyzes the problems of dramatic works by V. S. Rozov, reveals the underlying ideological, social and moral conflicts. The main one is the clash of youthful impulse to truth, human dignity and beauty and a false world of imaginary values, the interpreters and advocates of which are often people who are endowed with ranks, academic degrees, social status and professional right to influence the minds and tastes of the younger generation. The article characterizes literary characters, acting as carriers of various life ideas. It reveals the reasons for the writer's ambiguous assessment of people of arts, education and science. The playwright's position is revealed in the context of discussions about the social mission of the intelligentsia, its special responsibility and duties. Generation gap is viewed in the context of social processes characterized by the deformation of value priorities and affecting the mood of the youth. It is stated that the protest mood of the young generation is directly proportional to the measure of lies, evil and injustice that characterizes the state of mind and soul of adults. The conclusion is drawn that V. S. Rozov, as a researcher of the generational gap, continues and develops the traditions of Russian classical literature.

Keywords: social conflict, social protest, ideological context, literary character, value reference point, upbringing, education, science, sarcasm, mission of the intelligentsia, V. S. Rozov, A. I. Solzhenitsyn.

References

- Chekhov A. P. *Sobranie sochineniy*: in 12 vols, vol. 10: Iz Sibiri. Ostrov Sakhalin. Feletony. Stati. Zapisnye knizhki. 1882—1904 gg., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964.
- Chukovskaya L. K. *Iz dnevnika. Vospominaniya*, Moscow: Vremya, 2010.
- Petrachkova I. M. Imena geroev v dramaturgii V. S. Rozova, *Izvestiya Gomelskogo gosudarstvennogo instituta imeni F. Skoriny*, no. 4, 2010, pp. 106—112.
- Popov V. S. *Svet Rozova. Lyudi teatra, rodnye i blizkie, ucheniki i kritiki o velikom dramaturge XX veka Viktore Sergeeviche Rozove*, Moscow: Literaturnaya ucheba, 2013.
- Rozov V. S. *Sobranie sochineniy*: in 3 vols, vol.3: Instsenirovki; Mysli o prochnostvovannom i perezhitom, Moscow: OLMA-Press, 2001.
- Rozov V. S. *Puteshestvie v raznye storony. Avtobiograficheskaya proza*, Moscow: Sovetskiy pisatel, 1987.

- Rudyak I. I. Antropologicheskaya tochka Rozova i Bakhtina: vektor konstruktivizma protiv vektora despotizma, *Yazyk i kultura*, Novosibirsk, no. 25, 2016, pp. 89—94.
- Solzhenitsyn A. I. Obrazovanshchina, *Novyy mir*, no. 5, 1991, pp. 28—46.
- Zyablikov A. V. Semeynaya tema v dramaturgii V. S. Rozova, *Kostromskoy gumanitarnyy vestnik*, no. 1, 2014, pp. 23—26.
- Zyablikov A. V. Traditsii «volzhskoy» dramy v tvorchestve V. S. Rozova, *Shchelykovskie chteniya 2014. A. N. Ostrovskiy i kultura kontsa XIX—XX veka: sbornik statey*. Ministerstvo kulturey Rossiyskoy Federatsii; Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie kulturey «Gosudarstvennyy memorialnyy i prirodnyy muzey-zapovednik A. N. Ostrovskogo “Shchelykovo”», Kostroma, 2015, pp. 173—183.
- Zyablikov A. V. Neapellyativnaya leksika v dramaturgii V. S. Rozova, *Mir russkogo slova*, no. 2, 2015, pp. 65—70.
- Zyablikov A. V. *Kostromskie motivy v tvorchestve Viktora Rozova*, Kostroma: bez izdatelstva, 2017.

Skryabina E. V., Kuleshova I. N. The concept of «intelligentsia» though the eyes of modern Russian youth: a sociological study, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 72—80.

The article analyzes a unique empirical material obtained in the course of a sociological study, the purpose of which is to reveal the content of the concept «intelligentsia» as it is comprehended by modern Russian youth. The author studies the correlation of this content with the traditional understanding of the intelligentsia, presented in the leading Russian sociological approaches: socio-economic, cultural, social-ethical, and others. The main method of collecting primary sociological information is a questionnaire survey, which allows respondents to rank psychological, cognitive, socio-role, moral and ethical markers of the intelligentsia, as well as the markers that characterize the overall level of culture and education of a person. It is revealed that as the main ones, respondents use blocks that cover cognitive characteristics and markers of the general level of culture and upbringing. Moral, ethical and psychological properties and qualities are taken into account to a much lesser extent, while traditional social markers (belonging to a certain social stratum/group/class, profession/occupation/type of occupation, social attitudes and motivation, etc.) remain the outsiders of the sample. Based on the obtained data, a collective image of the intelligentsia through the eyes of modern Russian youth is formed. An opinion about the relevance of the resulting image to almost any person who has received a decent upbringing and education (regardless of the country of residence of this person, their civil position, moral and psychological qualities and characteristics, etc.)

is discussed. It is concluded that modern Russian youth, who are not familiar with the etymology and classical interpretations of the concept of «intelligentsia», «dissolves» it in a close, but not identical concept of «intelligence».

Keywords: intelligentsia, intellectual, intelligence, sociological approach, sampling, social role, marker, upbringing, education, citizenship, youth, student.

References

- Brodskiy I. *Nobelevskaya leksiya*, available at: <https://ksunray.livejournal.com/156704.html> (accessed 27.10.2020).
- Bulgakov S. *Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov*: in 2 vols, vol. 2, Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1911.
- Gasparov M. L. Intellektualy, intelligenty, intelligentnost, *Russkaya intelligentsiya: istoriya i sudba*: sbornik statey, Moscow: Nauka, 1999, EBook 2008, available at: https://imwerden.de/pdf/gasparov_intellektualy.pdf (accessed 27.10.2020).
- Gudkov L. D., Dubin B. V. *Intelligentsiya: Zametki o literaturno-politicheskikh illyuziyakh*, Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha, 2009.
- Kogan L. N. Intelligentsiya: sloy spetsialistov ili dukhovnaya elita obshchestva?, *Intelligentsiya v sovetskom obshchestve*: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey, Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, 1993, pp. 20—22.
- Kosheleva L. A. Intelligentsiya kak fenomen russkoy kultury: dissertatsiya kandidata kulturologicheskikh nauk, Moscow: Institut molodezhi, 2000.
- Kovalenko S. V. Intelligentsiya kak subjekt sotsialno-kulturnogo tvorchestva: filosofsko-antropologicheskije aspekty, *Intelligentsiya i mir*, no. 2. 2019, pp. 58—71.
- Kurennoy V. A. Intellektualy, *Myslyashchaya Rossiya. Kartografiya sovremennykh intellektualnykh napravleniy*, ed. by V. A. Kurennoy, Moscow: Fond «Nasledie Yevrazii», 2006, pp. 5—26.
- Memetov V. S., Rastorguev V. N. Intelligentsiya, *Bolshaya rossiyanskaya entsiklopediya*, available at: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (accessed 27.10.2020).
- Novyy slovar inostrannykh slov, available at: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1423835.html> (accessed 27.10.2020).
- Omelichkin O. V. Intelligentsiya kak subjekt kultury, *Intelligentsiya v sisteme sotsialno-klassovoy struktury i otnosheniy sovetskogo obshchestva*, Kemerovo: Pritomskoe, 1991, iss. 1: tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii (Kemerovo, 19—21 marta 1991 g.),

- redkollegiya K. A. Zabolotskaya, L. I. Pystina, G. G. Khaliulin, otvetstvennyy redaktor V. L. Soskin, pp. 88—89.
- Ryzhaya Yu. N. *Intelligentsiya i intelligentnost v otsenkakh studencheskoy molodezhi (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)*, *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafyeva*, no. 3, 2007, pp. 73—79, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-i-intelligentnost-v-otsenkah-studencheskoy-molodyozhi-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (accessed 27.10.2020).
- Samartseva Ye. I. *Rossiyskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 g. (istoriograficheskii ocherk)*, Tula: Tul'skiy gosudarstvennyy universitet, 1998.
- Sergeev S. Dosovetskaya Rossiya (XVIII — nachalo XX veka), *Myslyashchaya Rossiya: istoriya i teoriya intelligentsii i intellektualov*, Moscow: Nekommercheskiy fond «Nasledie Yevrazii», 2009, pp. 15—54.
- Sergeychik S. I. *Rossiyskaya intelligentsiya: istoriya i sudba*, Moscow: Lokid-Press, 2006.
- Sovremennyy entsiklopedicheskiy slovar*, available at: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1839617.html> (accessed 27.10.2020).
- Tolstykh V. I. Ob intelligentsii i intelligentnosti (kulturno-lichnostnyy aspekt), *Voprosy filosofii*, no. 2, 1982, pp. 83—98.
- Vekhi. Intelligentsiya v Rossii. Sborniki statey 1909—1910 / sostavitel, kommentariy N. Kazakovoy; predislovie V. Shelokhaeva*, Moscow: Molodaya gvardiya, 1991.

Smirnov E. A., Voronov Yu. M. Reproductive Attitudes and Behaviour of Intelligentsia (Based on Sociological Survey in the Ivanovo Region), *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 81—95.

The article deals with present day demographic challenges in the depressed region of the Russian Federation, which has been demonstrating low birth rates for over 30 years. At the same time, the region has its social and cultural features, historical traditions, scientific and educational capacity which, taken together, to a large extent also determine the reproductive behavior of the population. Relying on the empirical data, the authors are attempting to explain this contradiction and to reveal the approaches, which will help to improve the situation. Methodology of complex sociological analysis, combination of quantitative and qualitative procedures helped to deeply study the grounds for and factors of reproductive preferences and behavior of the intelligentsia. For the first time such methods as survey and focus group interviews have been systematically implied to research the reproductive preferences and behavior; an on-line survey motivating

childbirth is suggested. The results of the research prompted the necessity to create a separate field in addressing the reproductive issues; the field is closely connected to such medical factors as training specialists in men's reproductive health. The Ministry of Healthcare of the Russian Federation has supported the ideas of Ivanovo medical intelligentsia. In the article the present day agenda is summarized, the trends of institutional support development for breakthrough national objectives in the sphere of demography are outlined. One of the challenges in the demography management is the necessity to constantly modify the processes depending on the current regulatory environment and, what is more important, on the level of participation of regional intelligentsia in national demographic objectives. The conclusion presents a wide range of ideas on improvement of programs, projects and practices of demographic policy.

Keywords: the Ivanovo region, depressed region, intelligentsia, demography, reproductive behavior, sociology.

References

- Gafizova N. B., Kodina I. N., Pankratova Ye. V. Sotsialnoe samochuvstvie zhiteley malyykh gorodov Ivanovskoy oblasti, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2012, pp. 72—86.
- Khachatryan L. A. Rozhdaemost v sovremennom rossiyskom obshchestve: osobennosti i posledstviya, *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 4, 2011, pp. 98—106.
- Kuleshova I. N., Minnikov V. K., Skryabina Ye. V. Sotsialno-psikhologicheskie osobennosti altruisticheskoy motivatsii sovremennoy intelligentsii, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2020, pp. 40—44.
- Memetov V. S., Yurkin N. G. Listaya stranitsy zhurnala... (Osnovnye tendentsii sovremennogo intelligentovedeniya), *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2013, pp. 105—119.
- Obrazovanie i ego rol v formirovanii mirovozzreniya sovremennogo cheloveka: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, otvetstvennyy redaktor A. A. Zarayskiy, Saratov: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu «Tsentr professionalnogo menedzhmenta "Akademiya Biznesa"», 2017.
- Rossiya regionov: v kakom sotsialnom prostranstve my zhivem?* Nezavisimyy institut sotsialnoy politiki, Moscow: Pomatur, 2005.
- Shelekhov I. L., Skripacheva Ye. N. Reprodukivnoe povedenie rossiyskikh zhenshchin, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, 2009, pp. 104—106.

- Tyndik A. O. *Demograficheskaya povestka sovremennoy Rossii: struktura i vosproizvodstvo naseleniya*, Moscow: Izdatelskiy dom «Delo» RANKhiGS, 2015.
- Zubarevich N., Khasanova R., Florinskaya Yu. Sotsialnoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v regionakh v pervom polugodii 2018 g. (po materialam regul'yarnogo Monitoringa INSAP RANKhiGS), *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, no. 9, 2018, pp. 75—88.
- Zhuk Ye. I. Reproduktivnye ustanovki moskvichey molodogo i srednego vozrasta, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 1, 2016, pp. 156—174.

Ilyina A. A. Letters of the Christian intellectual: Alcuin and his epistolary heritage, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 96—107.

The article examines the epistolary legacy (numbering more than three hundred letters) of Alcuin of York, perhaps the most prominent figure of the so-called Carolingian Renaissance, a famous associate of Charlemagne.

Comparison of Alcuin's letters with samples of late antique epistolography makes it possible to trace the degree of continuity of cultural and social practices of pagan Antiquity and the Christian Middle Ages. In addition, reference to Alcuin's correspondence makes it possible to look into the inner world of a Christian intellectual, to get acquainted with the issues and problems that occupy the minds of his contemporaries, to build a scheme of Alcuin's network communication and to understand how far his spiritual influence extended in Europe and with which social layers he communicated.

Setting the goal of identifying the characteristic features of the Christian intellectual community at the turn of the VIII—IX centuries on the basis of the analysis of Alcuin's epistolary heritage, the author of the article defines the social and geographical boundaries of the circulation of Alcuin's letters, identifies the succession of his letters from the ancient epistolary tradition, identifies and analyzes the main problems raised in Alcuin's letters. To achieve this goal, the article uses a historical and anthropological approach with elements of semiotic analysis.

The succession of Alcuin's correspondence from the traditions of late antique epistolography is reflected, first of all, in the form of letters, the way they were written, and the use of stable rhetorical techniques. At the same time, attention is drawn to the change in the social portrait of the address and, due to this, the expansion of the circle of addressees, which now includes not only representatives of the highest secular and church elite, but also insufficiently educated and ignoble people, for whom Alcuin acted as a spiritual father and mentor. The analysis of the letters shows that Alcuin's awareness

of his responsibility for the fate of the addressees determines the subject matter of the letters, many of which are devoted to explaining the responsibilities of certain members of the Christian community, defining the area of responsibility of the laity and clergy, constructing of the image of an ideal clergyman or a righteous layman.

Keywords: Alcuin, antique epistolography, Carolingian Renaissance, early medieval intellectuals.

References

- Alcuini sive Albini epistolae, *MGH Epp. V. 4: Epistolae Karolini aevi (II)*, rec. E. Dümmler, Berlin, 1895, SS. 1—481.
- Berkova Ye. A. Pozdnyaya rimskaya epistolografiya (IV—V vv. n. e.), *Antichnaya epistolografiya: ocherki*, AN SSSR. Institut mirovoy literatury im. A. M. Gorkogo, Moscow: Nauka, 1967, pp. 260—284.
- Bullough D. A. *Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980*, Netherlands: Brill, 2004.
- Nenarokova M. R. «Bernskie skholii» k «Bukolikam» Vergiliya: osnovy filologicheskogo analiza teksta v rannesrednevekovoy shkole, *Vozlyublyu slovo kak Blizhnego: Uchebnyy tekst v pozdnyuyu antichnost i rannee srednevekovye: issledovanie sostava shkolnogo kanona III—XI vv.: sbornik nauchnykh statey i perevodov*, ed. by M. R. Nenarokova, Moscow: Indrik, 2017, pp. 677—690.
- Nenarokova M. R. Uchebnyy tekst v rannesrednevekovoy shkole: edinstvo v mnogoobrazii, *Vozlyublyu slovo kak Blizhnego: Uchebnyy tekst v pozdnyuyu antichnost i rannee srednevekovye: issledovanie sostava shkolnogo kanona III—XI vv.: sbornik nauchnykh statey i perevodov*, ed. by M. R. Nenarokova, Moscow: Indrik, 2017, pp. 924—934.
- Plummer Ch. M. A. *Two of the Saxon Chronicles Parallel*, vol. 1, Oxford: Clarendon Press, 1892.
- Rubtsova N. A. Didakticheskiy kharakter «Ritoriki» Alkuina, *Problemy literaturnoy teorii v Vizantiyskom i latinskom srednevekovye* / ed. by M. L. Gasparova, Moscow: Nauka, 1986, pp. 236—248.
- Stubbs W. *Memorials of Saint Dunstan, archbishop of Canterbury*, Cambridge University Press, 2012.
- Tyulenev V. M. Ennodiy i Pomeriy: k istorii odnogo pisma, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seria Gumanitarnye nauki, no. 3, 2013, pp. 69—76.

Budnik G. A. Revolution of 1917 and the Civil War in the memoirs of a Norwegian businessman. Review to: *Abrahamsen E.* From Seregov to Onega: Memories of the Norwegian forest business in Russia / trans. with Norv. E. I. Tevlin, V. V. Tevlina, E. S. Kotlova, M. Bjerking. Arhangelsk: North. (Arctic) Feder. Lomonosov state University, 2016, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2020, pp. 108—116.

The book of memoirs of Norwegian entrepreneur Egil Abrahamsen about his work in Arkhangelsk province in 1908—1928 is analyzed. The author highlights stories related to the revolutionary events of 1917, foreign intervention, and the establishment of the Soviet regime in the European North of Russia. Attention is drawn to the description of the life and traditions of the inhabitants of the White Sea area: the Pomors, representatives of the Orthodox clergy, Old Believers, peasants, lumbermen and sawmill workers. It is concluded that the book expands readers' understanding of the history and culture of Russia and forms a respectful attitude to the citizens of Russia and Norway.

Keywords: Egil Abrahamsen, foreign economic relations between Norway and Russia, revolution of 1917, foreign intervention, Soviet regime, life and traditions of the inhabitants of the European North of Russia.

References

- Abrahamsen E. *Iz Seregova v Onegu: vospominaniya o norvezhskom lesnom biznese v Rossii*, perevod s norvezhskogo E. I. Tevlina, V. V. Tevlinoy, Ye. S. Kotlovoy, M. Byerking, Arkhangelsk: Severnyy (Arkticheskiy) Federalnyy universitet im. M. V. Lomonosova, 2016.
- Goldin V. *Grazhdanskaya voyna i interventsiya na Russkom Severe*, available at: <https://goarctic.ru/society/grazhdanskaya-voyna-i-interventsiya-na-russkom-severe> (accessed 23.05.2019).
- Mokrousov A. Russkiy les, norvezhskaya istoriya, *Moskovskiy knizhnyy zhurnal*, available at: <https://morebo.ru/tema/segodnja/item/1491115988004> (accessed 07.08.2020).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2020 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МЕМЕТОВА

Ахунзянова Ф. Т. Памяти В. С. Меметова: с уважением и благодарностью...	1
Ершова Э. Б. В. С. Меметов: встречи и сотрудничество	1
Золотарев О. В. Основатель интеллигентоведения	1
Зябликов А. В. Человек слова и поступка	1
Раскатова Е. М. Научный метод как искусство жизни	1
Сибиряков И. В. Размышления о роли личности в истории интеллигенции (Воспоминания о В. С. Меметове)	1
Соловьев А. А. Обретенное время В. С. Меметова	1

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ахунзянова Ф. Т. «Во чужом пиру похмелье»: драма русской интеллигенции начала XX в.	3
Капустина О. В. К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг. (Пенсии за выслугу лет и персональные)	2
Комиссаров В. В. Журналы фантастики и приключений «Уральский следопыт» и «Искатель» как источники по истории советской интеллигенции	3
Костякова Ю. Б. Политические ритуалы в жизни комсомольцев начала 1920-х гг.	1
Котлова Т. Б., Будник Г. А., Королева Т. В. Подготовка энергетических кадров в конце XIX в. — 40-х гг. XX в. — основа успешного функционирования электроэнергетики в период Великой Отечественной войны	2

- Кураев А. Н.** Интеллигенция и женский вопрос в России в конце XIX — начале XX в. 1
- Миронова Е. В.** Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии 3
- Оришев А. Б.** Иранская интеллигенция, национализм и нацистская Германия 4
- Федотова И. Н.** К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Гладков А. Е.** Возвращение Фёдора Тютчева в Баварию... Страничка из воспоминаний о дипломатической службе 2
- Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрябина Е. В.** Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции 2

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Зябликов А. В.** Люди искусства, образования и науки в драматургии Виктора Розова 4
- Калистратов А. Ю.** Африка начала XX в. в записках и эпистоляриях германского врача Людвиг Кюльца 3
- Климович Л. В., Никитин А. А., Шайпак Л. А.** Жизненный путь общественного деятеля, интеллигента, педагога и юриста С. Н. Николаева в России и эмиграции (1880—1976) 1
- Репников А. В.** Лев Тихомиров на фоне его дневника (1911 г.) 3
- Скрябина Е. В., Кулешова И. Н.** Личность и творчество В. Высоцкого в восприятии нового формирующегося поколения отечественной интеллигенции — студенчества 1
- Соловьев А. А.** Интеллигенты из крестьян Иван Гольшев и Иван Сытин: книгоиздательская и просветительская деятельность 4

- Федотова И. Н.** Научная элита в условиях становления тоталитарного политического режима в СССР: судьба профессора Н. Д. Кондратьева 4
- Филатов Н. М.** Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергес: путь рабочего-интеллектуала 2
- Черноперов В. Л., Усманов С. М.** Сила и бессилие «транснациональных интеллектуалов»: случай Ральфа Дарендорфа 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Корнилов А. А.** Педагог С. Н. Боголюбов и его заметки о работе приходских школ Русской зарубежной церкви в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания (1962—1968 гг.) 3
- Соловьев А. А.** Академик Е. Е. Голубинский в интерьере эпохи 3
- Федотов А. А.** Архиепископ Амвросий (Щуров) в воспоминаниях представителей православной интеллигенции Ивановской области 3

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Скрябина Е. В., Кулешова И. Н.** Понятие «интеллигенция» глазами современной российской молодёжи: социологическое исследование 4
- Смирнов Е. А., Воронов Ю. М.** Репродуктивные установки и поведение интеллигенции региона (по материалам социологического исследования в Ивановской области) 4

ДЕБЮТ

- Ильина А. А.** Письма христианского интеллектуала: Алкуин и его эпистолярное наследие 4
- Муренко Д. И.** Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. 2

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Будник Г. А.** Революция 1917 года и Гражданская война в воспоминаниях норвежского предпринимателя. Рец. на кн.: Абрахамсен Э. Из Серёгова в Онегу: воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норв. Э. И. Тевлина, В. В. Тевлиной, Е. С. Котловой, М. Бьеркинг. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016 4
- Васильев Н. Н.** Поющая интеллигенция. Рец. на кн.: Судьба Наташи Гамаюновой (оперная певица Н. Т. Измайлова): документы и материалы. Пермь, 2019 1
- Суслов А. Ю.** «Этого не должно было быть, но это было»: новая книга об историографии государственного террора 1917—1953 гг. в СССР. Рец. на кн.: Литвин А. Л. Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953. М.: Собрание, 2019 2
- Усманов С. М.** Церковь, экуменизм, Америка в переписке протоиереев Георгия Флоровского и Александра Шмемана. Рец. на кн.: Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот. Письма 1947—1955 годов / сост., пред. П. Гаврилюка. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманит. ун-та, 2019 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Порозов В. А.** Тридцатая меметовская. 30-я Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы», Иваново, 26—27 сентября 2019 г. 1

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются статьи, материалы круглых столов, сообщения, рецензии. Рекомендуемый объем статьи 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы предоставляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

3. Комплект документов должен состоять *из двух файлов*:

3.1. Первый файл — собственно статья, сообщение или рецензия. Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

статья, сообщение, рецензия — в правом верхнем углу указываются УДК и ББК;

на следующей строке — на русском языке инициалы и фамилия автора / авторов,

на следующей строке — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ**, полужирным шрифтом название работы.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте разделами — *актуальность, постановка вопроса, методология и методы исследования* (приветствуются также краткие историографический и источниковедческий обзоры);

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Сноски в статье, сообщении или рецензии концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста под названием «**Примечания**». Библиографическое описание литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В примечаниях следует применять сокращенное библиографическое описание источников: автор / авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

— переносы в тексте только автоматические;

— при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “”;

— следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
— для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., С. 258—259.

3.2. Второй файл должен содержать следующие части:

на русском языке:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация объемом не менее 200 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы;
- ключевые слова (не менее 10);
- библиографический список.

Описание литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. Библиографический список включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем на иностранных. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В библиографический список не включаются архивы и газеты.

на английском языке:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация объемом не менее 200 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы;
- ключевые слова (не менее 10);
- транслитерацию библиографического списка — «References». При транслитерации следует пользоваться системой, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» сначала приводится транслитерация названия по системе Library of Congress, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в книгах транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления «Примечаний», «Библиографического списка» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- с оригинальностью текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;
- представленные без соблюдения правил оформления публикации;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2020. № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2020 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,95. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 141. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

Сущностные
черты

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР